

ТЕОДОР ДОЙБЛЕР

БОГИНЯ С ФАКЕЛОМ

Роман о небольшом путешествии

Перевод с немецкого А. Солянова

I

Шальной весенний вихрь пронесся по берлинскому зоосаду. Он погнал над асфальтом прошлогодние палые листья взапуски с автомашинами, резко защелкал крученой шнуровкой на стяге посольского дворца, внезапным рывком распахнул окно виллы Шота и ворвался в большой открытый чемодан, стоящий, уже наполовину уложенным, посередине комнаты. Вдобавок он разметал небрежно брошенное в него шелковое белье, бесцеремонно шастая по его краям и играя ими на полу.

Случилось это потому, что, когда служанка Ленхен вошла в комнату, сквозняк не заставил себя долго ждать. Оторопев от испуга, она застыла в открытых дверях. Но ветру не было никакого дела до глубокого возмущения Ленхен, на секунду придавшего ее голубому задумчивому взгляду стальной блеск; более того, буян воспользовался лазейкой, предоставленной ему служанкой, и смел с ее ладони стопку шелковых платков, словно невидимка сорвал лепестки с белого цветка и завертел их по комнате.

С трудом противостоя воздушному потоку, Ленхен наконец затворила дверь. Но в следующий момент та снова распахнулась, снова в комнате сумасбродил ветер, а горничная стояла неподвижно, возмущенная весенним вихрем, судорожно прижимая обеими руками свои пепельные волосы, стянутые в узел.

«Что тут может быть смешного!» – подумала Ленхен.

Но Шарлотта Шотт смеялась и смеялась. Ей было совершенно безразлично, разворошит ли ветер точно так же, как и платки, ее черные шелковистые волосы, уложенные крендельком, и она будет похожа на взлохмаченный цветок. Ее большие карие глаза повеселели, заполнились блескучими огоньками и стали такими яркими, что чудилось, будто вся комната пронизана их светом.

– Прошу, прошу вас! – умоляюще произнесла Ленхен. – Только закройте дверь.

– Ты очень боишься, что ветер испортит твою прическу? – спросила девушка.

Служанке давно были знакомы эти насмешки – на ее голове красовалась тонкая корзиночка из накрепко сплетенных соломенных прядей. Она привыкла и не обращала внимания на подобные шутки.

– Не бойся, Ленхен, – продолжала Шарлотта. – Твоим волосам не страшен никакой смерч. Но вот если мы поедем в Грецию, там нас ожидают сюрпризы. Я сказала маме вчера, не стоит брать в дорогу так много ненужных вещей. На корабле в открытом море всегда ветер. Представляешь, белье и носовые платки начнут порхать не по комнате, а где-нибудь над Адриатическим морем?

Эта мысль привела Ленхен в ужас. Хотя она и не знала наверняка, что это за море, Адриатическое, но уж в любом случае это было жуткое море. Жуткое, как и путешествие, запланированное Шоттами. И что это, в самом деле, за глупая затея ехать в Грецию! Вместо того чтобы отправиться, как обычно, в Канны или Белладжио. Чего это барышня с бухты-барахты занялась древностями – а не лыжами, теннисом или плаванием – и собралась в никому не нужное, нелепое, просто опасное путешествие! У Ленхен в голове это никак не укладывалось. Не могла Ленхен смириться с этим, хотя чемоданы стояли почти уложенные, утром багаж непременно тронется в путь, и изменить ничего нельзя. Как перенесет путешествие фрау Шотт? При ее-то хлипком здоровье? Без обычных удобств? В краю, языка которого не знала ни она, ни Шарлотта – а сколько других языков изучила ее хозяйка! В краю, где никого из знакомых Шоттов или хотя бы из тех, кого знала Ленхен! А вот Шарлотта вознамерилась оставить дома самое необходимое!

Шарлотта склонилась над чемоданом и длинными тонкими пальцами стала перебирать уложенные вещи. Ленхен в отчаянии наблюдала за ней. Девушка выуживала новую вещь, которую считала лишней, небрежно бросала ее на кровать или на ковер и при этом так смеялась, что казалось: ее стройное тело – от вьющихся волос до тонких лодыжек – изгибается в танце.

– И поторопись, Ленхен, – сказала она, наконец. – Сегодня вечером чемоданы должны быть на вокзале. Тебе известно, поезд отходит ровно в восемь...

Шарлотта понимала, что слышать такое для Ленхен было свыше ее сил. Шарлотта обладала добрым сердцем, преисполненным дружеского участия к служанке, преданной ее матери, однако ей доставляло удовольствие пугать Ленхен путешествием, в котором не было ничего страшного. Почему? Потому что Шарлотту эта поездка радовала, как никогда прежде не радовало ничего, и оттого она считала, что ей следует бурно ликовать, а Ленхен – безумно бояться. Во всяком случае, путешествие должно быть событием впечатляющим, как в хорошем, так и в дурном смысле слова. И стоило поволноваться, считала Шарлотта, по такому поводу.

И действительно, с того дня, как началась подготовка к путешествию, Шарлотта находилась в таком возбуждении, что почти потеряла сон. Ее глаза стали темнее, лицо – нежнее. Тонкий раскрыл ноздрей отливал голубоватым тоном, а розовые губы тронула лиловая дрема: ночи, когда она размышляла о Греции, не проходили для нее бесследно. Даже смугловатая гладкая кожа утратила былую свежесть, чуть просвечивающий румянец на маленьких худых щеках почти исчез; серебристый пушок, всегда оживлявший их, потускнел. Но Шарлотта не чувствовала усталости. Наоборот. С утра до вечера – неизменно бодрая, веселая и живая, энергичная и неутомимая.

«Девятнадцать лет! – рассуждала Ленхен. – Еще бы, в ее-то годы путешествие выглядит по-другому». Она думала и о том, что ее хозяйке почти сорок. И та чересчур избалована.

Из-за вечернего кружевного платья, которое Шарлотта сочла лишним, а Ленхен – абсолютно необходимым, они повздорили. Было решено обратиться к третьейскому судье.

Фрау Майя Шотт лежала на голубой кушетке в небольшой голубой комнате и разговаривала по телефону. Шарлота и Ленхен тотчас прекратили спор и стали слушать.

– Ты удивляешься, моя милая. Да, разумеется. В самом деле, почему бы и нет? Ведь мой муж всегда интересовался античностью. А мой отец собрал прелестнейшую небольшую коллекцию ваз. Это у нас семейное. И доктор Хаммер бывал в нашем доме. Припоминаешь, не правда ли? Огромный такой, с рыжеватой бородой. Впрочем, весьма обаятельный человек! Он превосходно подготовил Шарлотту. И тогда же впервые увлек ее археологией. Я осталась вполне довольна им. По крайней мере, это не так прозаично, как уход за грудным ребенком или национальная экономия. Или даже ритмическая гимнастика! А в перспективе увлекательная учеба. Путешествия. Заграница. И даже, может быть, позднее, раскопки... Да, разумеется. Я тоже еду. И Ленхен. Что бы мы делали без нее? Нет, никаких забот. Мы хорошо подготовились. Весна – самое подходящее время года. Доктор Хаммер месяцами пропадает в немецком археологическом институте. Он встретит нас в пути. Снабдил нас планом путешествия... До встречи. Думаю, увидимся в Берлине осенью. Договорились?

Майя Шотт повесила трубку.

– Детка, что за вид! – произнесла она мягко, но с некоторым упреком, увидев свою дочь.

– Фройляйн Шарлотта в ужасном волнении, – ответила Ленхен. – В таком же, когда мы собирались в Африку! – Впрочем, Ленхен тоже была настроена, как перед поездкой в Африку. – Сколько раз я укладывала чемодан, а фройляйн Шарлотта то и дело вытаскивала вещи, без которых барышне ехать нельзя. А тут еще черное платье. Фрау Шотт мне сказала, что три черных вечерних платья...

При этом Ленхен заботливо расправила платье на своих сухощавых руках, так что их бледная кожа была видна сквозь кружева, и вытянула его перед Майей, словно та видела его в первый раз.

– Оставь его здесь, – сказала фрау Майя. – Обойдемся двумя. В данном случае это прежде всего поездка Шарлотты. Полагаю, она лучше знает, что может пригодиться в пути.

Побежденная Ленхен удалилась. Полное отчаяние. И что же это за страна, куда фрау Шотт берет только два вечерних платья?

– Ну? – спросила Шарлотта, когда Ленхен вышла. – Что сообщила фрау Треттенбом по телефону?

– Что говорят все в подобных случаях, детка, – ответила мать. – Что нас ждет интересное путешествие, что они желают нам всего наилучшего, но лично им весною больше по душе поездка на Комерзее* или Ривьеру.

– Треттенбомам вообще лучше сидеть всю жизнь в Берлине! – воскликнула Шарлотта.

– Разумеется, они удивились, узнав, что ты будешь изучать археологию, – добавила Майя. – Такого им еще не приходилось слышать. Это, конечно, не пошлые будни. И не может быть таковыми.

Она замолкла, порылась в небольшой желтой кожаной папке, желавшей рядом на столике, и извлекла из нее письмо.

– Хаммер сообщил, – сказала Майя, – что не будет ждать нас в Афинах, как предполагал сначала, а встретит раньше, в Патрах. И поедет с нами до Пирея.

«Как же ему не терпится», – подумала Шарлотта.

В этот момент снова зазвонил телефон. Шарлотта быстро подняла трубку:

– Алло! Да? С нами будет говорить господин директор? Да, это я. Я, Шарлотта. Здравствуй, папа! Ты с работы? Как же тебе все-таки удалось выкроить время?... Да-да, понедельник, день – бездельник! Что мы делаем? Мама лежит на кушетке и делает прощальные визиты. По телефону, разумеется... Ссорюсь с Ленхен из-за багажа. Она не может представить маму в Греции без кружевного вечернего платья. И без дюжины шелковых шалей. Хаммер прислал письмо. Он так спешит, что не станет ждать нас в Афинах, а встретит сразу в Патрах... Что? Что ты говоришь? В меня? Но это же нелепо, папа! Сколько же я должна тебе повторять? В маму, разумеется.

---

* Озеро в северное Италии (здесь и далее примечания переводчика).

Всегда в маму. Ну, конечно, так. И Ленхен влюблена в нее. И Хаммер. Я? Разумеется. А ты, скажешь, нет?

– Что за ерунду вы говорите? – сказала фрау Майя и взяла из рук Шарлотты трубку.

– Шарлотта немного не в себе, – объяснила она мужу. – Потому что завтра мы действительно уезжаем. Думаю, она ни разу по-настоящему не выпалась... Когда ты все-таки придешь из банка?.. К ужину? А после ужина останешься дома? Хорошо, хорошо, Карл! Я так рада! Увидимся здесь, по крайней мере, еще раз как положено. Мило с твоей стороны, что позвонил. Много дел? Разумеется, разумеется, Карл. Вечером, если придешь, мы полностью закончим сборы...

Майя тепло попрощалась с мужем и обратилась к Шарлотте:

– Никогда больше не повторяй этой чепухи про Хаммера, Шарлотта. Представить только, что однажды такое дойдет до его ушей. Что мне тогда делать, детка? В этом нет ни капли правды!

Однако Шарлотта продолжала настаивать на том, что Хаммер влюблен в ее мать и что только поэтому он так торопится к ним. Мать больше не хотела слышать болтовню дочери и с необычной строгостью прервала ее на полуслове.

Подобно большинству сверстниц, Шарлотта довольно пристально изучала свое отражение в зеркале. Следовательно, она могла сравнивать свою внешность с внешностью матери. И делала это охотно и часто и каждый раз заново. Конечно, они были похожи. У обеих шелковистые черные волосы, только у матери они были мягче. Глаза у Майи были немного светлее, цвета лесного ореха, больше, чем у Шарлотты, и свет их был ярче, хотя и менее искрист. Ее кожа, напротив, была так смугла, что рядом с нею Шарлотта казалась белокожей. Лицо матери было овальным. Скулы не выпирали, а на щеках сиял густой румянец. Ее детский нос был больше, раскрыл ноздрей шире. Зубы не так белы и красивы, как у Шарлотты, но отсвечивали цветом слоновой кости, были несколько крупнее и крепче.

Шарлотта обладала необычайной гибкостью, ростом выше матери, однако, несмотря на это, Майя казалась достаточно стройной женщиной, но у обеих были одинаково тонкие, слегка удлиненные пальцы и острые локти.

Шарлотта находила, что мать намного красивее ее. «Я просто мила, а мама красива», – так она привыкла говорить своим подругам. Она была не права. И все-таки эта уверенность в красоте матери больше радовала ее, чем огорчала. Красота казалась ей чем-то заслуженным, чем-то таким, что приходит к человеку со временем и приобретается постепенно. Она сохраняла надежду, что будет такой же красивой, если только когда-нибудь повзрослеет.

Она считала естественным, что мужчины влюблялись не в нее, а в мать. Хотя отец всегда утверждал обратное. Однако она привыкла возражать ему, особенно в том, что касалось ее учителя доктора Хаммера. И в этом случае она была недалеко от истины.

Шарлотта находила мать «невероятно наивной». Даже Ленхен была абсолютно уверена, как обстоит дело с чувствами доктора Хаммера. Но мама не желала этого замечать. Или просто не могла. Иначе бы она вела себя с влюбленным осторожнее. Вообще у мамы тот еще характер! Где отыщешь человека более сердечного, отзывчивого и так понимающего других, чем мама?! Она клала руку на плечо Хаммера и обращалась к нему со словами «мой дорогой», и слово «дорогой» звучало при этом так особенно, так неповторимо, что доктор, обычно самоуверенный по своей натуре, краснел, ерошил себе волосы в неподдельной робости, и глаза его, подернутые слезами от страха и волнения, переставили что-либо видеть вокруг. Ленхен смеялась над ним. Шарлотта, как всегда, начинала насвистывать песенку, Хаммер хоть и привык к этому, но все равно смущался еще больше и ловил первый удобный случай, чтобы спастись бегством. Но мама даже этого не замечала. А папа каждый раз замечал, что Хаммер влюблен в Шарлотту. Если бы они только знали, как скучно проходили занятия! Впрочем, Шарлотта находила это естественным. Доктор Хаммер, конечно, очень

симпатичный учитель, добрый друг и, вероятно, выдающийся археолог. Но и только.

«Тем не менее, – рассуждала Шарлотта, – если бы он не был влюблен в маму, нам, пожалуй, меньше повезло бы и наша поездка в Грецию не была бы так тщательно подготовлена».

Она перечитывала письмо Хаммера, все еще лежавшее перед ней.

– Патры? – спросила она. – Значит, на третий день плавания?

Майя ответила утвердительно.

– Жаль, – сказала Шарлотта, – жаль, что так быстро. Я радуюсь больше всего кораблю, каюте, прогулкам по палубе. Плавучему дому, скользящему среди красивых мест.

И Шарлотта принялась рассказывать матери, чего она ожидает от путешествия по морю.

Вечером домой вернулся директор Шотт.

Втроем они провели чудесный вечер и легли спать за полночь. На следующее утро они вместе позавтракали в спальне Майи и поехали на вокзал.

– Ну, Ленхен, – спросила Шарлотта, когда поезд уже двигался по рельсам берлинского пригорода, – как вы?

– Как я? – ответила Ленхен. – Помяните мое слово, фрау Шотт пожалеет, что не захватила вечернего платья.

После обеда, когда поезд проезжал окрестности Бамберга, а фрау Майя и Шарлотта пили чай в вагоне-ресторане, у Ленхен появился дорожный знакомый.

Его звали Эмиль Цапф, он был из Вены. Светлые волосы, расчесанные посередине на пробор. Черные глаза. Пенсне. Маленький рот, полный золотых зубов. Весьма элегантный, плотно облегающий талию костюм из ткани серого цвета. Блестящие рыжеватые туфли.

Выяснилось, что мужчина тоже направляется в Афины и даже на том же пароходе, что и Шотты. Ехал он по служебным делам. Вероятно, хороший знаток Востока. Разговорчив. Очень учтив. Очень опытен.

Ленхен была в восторге: ее земляк тоже едет в Грецию! Она немедленно рассказала фрау Шотт о господине Цапфе.

– Он, должно быть, очень хорошо знает тамошние порядки, – объяснила Ленхен. – Это может пригодиться, фрау Шотт! Он сказал мне, что на Востоке надо быть начеку. Греки – хитрый и коварный народ. Все время натыкаешься на прямо-таки опасных мошенников. «Уголовные элементы» – так сказал господин Цапф...

Шарлотта пошла с Ленхен в вагон третьего класса и увидела там господина Цапфа.

– Так как? – спросила Майя, когда дочь вернулась. – Какое впечатление произвел на тебя земляк Ленхен?

– Тот еще жук! – сказала Шарлотта. – Навозный.

– Даже так?

– Вполне возможно, что сам он один из тех уголовных элементов, которыми пытался устрашать Ленхен.

Фрау Майя считала, что не стоит судить так опрометчиво. Но с господином Цапфом решила держать ухо востро, тем более что тот, не теряя времени даром, снова причалил к Ленхен.

В среду утром Шотты прибыли в Венецию. Они хотели нанять гондолу. Но на пристани уже была готова большая моторная лодка, присланная судоходной компанией. Гладкая и темная, словно каурый скакун, шумная, как железнодорожный экспресс, она извергала страшные клубы вонючего грязно-серого дыма, застилавшего светло-сиреневую лагуну. Пароход отплывал только к вечеру, и Шотты спустились в отель у собора Сан Марко.

Венеция Шарлотте была знакома: еще в детстве она не раз бывала на Лидо. Во всяком случае, сегодня у нее не было настроения осматривать

город. В этот день город для нее превратился только в гавань – гавань для корабля, отплывающего в Грецию, ворота на Восток.

– Ленхен еще не была в Венеции, – сказала Майя. – Ты бы не хотела показать ей город?

Шарлотта отнюдь не обрадовалась этому предложению. Она не знала точно, когда их пароход «Квиринал», плывущий из Триеста, войдет в гавань. Ей не хотелось пропускать такого зрелища. Но вопреки желанию Шарлотты мать, в конце концов, уговорила дочь показать Ленхен Венецию. Когда в полдень они пообедали в отеле и фрау Майя отправилась отдыхать, Шарлотта вместе со служанкой вышла на улицу.

Она решила отыгаться на Ленхен за скуку, выпавшую ей на остаток дня.

Уже на Пьяцетте она начала рассказ о городе дождей, придуманный ею для Ленхен.

– Взгляни-ка туда на крылатых львов на колоннах, Ленхен. В сущности, ты знаешь, что это значит? Когда-то давным-давно венецианцы владели Грецией. И в память об этом...

Ленхен ничего не понимала.

– Ты должна знать, что крылатые львы были, так сказать, греческой породой...

– Крылатые львы? – испуганно спросила Ленхен. – В Греции?

– Ты скоро увидишь собственными глазами. Крылатые львы радуются! Видишь там, на другом столбе, мужчину? Его причислили к лику святых, потому что он был весьма искусным охотником на крылатых львов.

Ленхен потеряла дар речи.

– Чудесное место, правда? – спросила Шарлотта, когда они вышли на площадь Сан-Марко.

В переполненных кафе слышались пение и музыка. Здесь, как всегда, царил праздничный веселье. Но Ленхен было не до веселья.

– Чудесная музыка, – произнесла она, наконец, чтобы скрыть растерянность.

– Знаешь, почему? – спросила Шарлотта. – Это место отнюдь нельзя назвать веселым. Многие кафе в Венеции – женские биржи. Девушки, взятые в плен на Востоке, продаются здесь, как у нас в Берлине акции «И.Г. и Симменс». А музыка? Она не для того, чтобы веселиться, а чтобы заглушить плач!..

Ленхен побледнела от ужаса.

– Плач и скрежет зубов! – безжалостно продолжала Шарлотта. – Тут всюду красивые дворцы переполнены пленницами. Но в Венеции уйма иностранцев, они не должны слышать этого плача и скрежета зубов. Ты, вероятно, думаешь, что мама не приехала бы в Венецию, если бы только догадалась, что это за город? Раньше было еще хуже. Здесь на площади есть женский рынок, и железный человек с молотком, которого ты видишь там, на колокольне, был аукционером. Но потом общество встало на защиту девушек и положило конец позорной торговле.

– Слава Богу! – простонала Ленхен.

– В память о тех тысячах бедных девушек, – продолжала Шарлотта, – которые когда-то ждали здесь своей участи, венецианцы разводят теперь голубей. Если бы иностранцы знали, чем их кормят. Не правда ли, Ленхен?

– А откуда вы все это знаете, фройляйн Шарлотта? – спросила Ленхен, слушавшая, между прочим, Шарлотту с толикой недоверия.

– Я все-таки изучаю археологию, – ответила Шарлотта.

Ленхен снова преисполнилась доверия к рассказу.

– А в Греции девушек тоже похищают? – спросила она со страхом.

– Еще как! – ответила Шарлотта. – Особым спросом пользуются немки.

На юге спят и видят исключительно одних блондинок.

Ленхен это уже слышала. Ее начала бить мелкая дрожь.

– Мама и я, – продолжала Шарлотта, – мы, к счастью, все же брюнетки. Но ты, Ленхен! На твоем месте я бы в Греции была осторожнее.

В этот момент мимо них прошли два карабинера в треуголках, в мундирах с фалдами, усы у них были закручены вверх. Ленхен испуганно взглянула на Шарлотту.

– Похитители девушек, – глухим голосом произнесла Шарлотта. – Венецианские похитители девушек.

– Как они зыркнули! – сказала служанка.

– Они сейчас очень зорко высматривают добычу, – ответила Шарлотта. – И, естественно, такую белокурую и белокожую, как ты!

Прогулка по Венеции превратилась для Ленхен в сплошную муку. Полуживая вернулась она в отель. Вот что значит Венеция! Вот что, оказывается, ожидает ее в Греции!

Ленхен была раздавлена. И наконец, утешилась тем, что от страха перед крылатыми львами и похищением девушек ее может уберечь герр Эмиль Цапф, ее земляк. Ленхен решила основательно обсудить со знатоком Востока все опасности, грозящие ей и ее господам, и попытаться оградить себя от них.

Однако вторая половина дня пошла для нее прахом. Погрузившись в мрачные мысли, она сидела за запертой дверью в спальне, а беззаботная и веселая Шарлотта вышла посмотреть, не прибыл ли в гавань «Квиринал».

Она нашла пароход стоявшим прямо перед Сан-Джорджио Маджоре.

Темной металлической громадой высился он над лагуной: небрежно взметнул свою палубу у венецианской набережной, смиренно склонившейся у самой воды. Черный дым высоко поднимался в белесом небе и плыл темной массой над Дворцом дожей и куполами собора Сан-Марко, переливавшимся в солнечных лучах подобно перламутру морской волны.

Роскошный пароход, точно властелин Венеции, дал несколько коротких и звучных гудков, ему отозвалось обширное пространство между Сан-Джорджио и Пьяцеттой. На несколько секунд на побережье воцарилась тишина, были даже слышны всплеск голубиных крыльев и удары весел по воде скользящих в лагуне гондол.

И сердце Шарлотты замерло от волнения.

К сожалению, идти на посадку еще рано, «Квиринал» должен был оставить лагуну только с наступлением сумерек. Поэтому Шарлотта наняла гондолу и велела грести к судну. «Что хорошего нашла юная иностранка в этой крошечной посудине? – подумал гондольер. – Как будто в Венецию не приходили корабли в сто раз лучше, больше и красивей? Обычный левантский пакетбот водоизмещением пять-шесть тысяч тонн...» Но Шарлотте в этих пяти-шести тысячах тонн все казалось достойным внимания. Киль, выкрашенный суриком, красновато отливающий в прозрачной воде. Выгнутый черный корпус с круглыми латунными иллюминаторами, за толстыми стеклами которых шевелились светло-серые занавески, громоздились белые подушки, высились горы столовой посуды, даже мелькала голова любопытного поваренка, наблюдавшего за смуглой фройляйн, плывущей в гондоле: обычные вещи, повествовавшие о том, что за тяжелой стальной обшивкой жизнь шла своим чередом, как в густо заселенном доме. Из двух больших серебристых труб за борт вытекала вода, подаваемая насосом. Из наклонно открытых отверстий в море выбрасывались отходы. Судно бесперебойно отдавало морю то, что ему принадлежало, что оно переработало, израсходовало и проглотило. Рыбам, плывущим едва заметными серебристыми стайками, трепещущим вдоль борта; темно-фиолетовым медузам, жадно рыщущим во все стороны и снова погружавшимся вглубь шарообразными головами. Но Шарлотта замечала не только рыб и медуз, она обнаружила на палубе людей. У трапа нес вахту карабинер. По нижней палубе прохаживались два офицера в голубой форме, шагая между железными трубами, покрашенными белой краской. Экипажа не было видно: поскольку в Венеции «Квиринал» не производил погрузки, большинство матросов, вероятно, ушли в увольнение на берег. Пассажиров, прибывших из Триеста, тоже не было видно. Зато Шарлотта была убеждена, что на капитанском мостике, между сплошь застекленной рулевой рубкой и белыми спасательными шлюпками, пузато повисшими на тросах, увидит

человека, весь день занимавшего ее мысли, – капитана. Белую фуражку капитана обхватил золотой галун, и галун этот сверкал в лучах заходящего солнца. В остальном ничто не привлекало к капитану внимания, как и к спасательной лодке, рядом с которой он стоял, кроме живота, синего живота с золотыми пуговицами. Капитан смотрел поверх круглого живота куда-то вдаль – вероятно, на венецианские дворцы. Внезапно он наклонился над площадкой и взглянул прямо на гондолу, откуда на него удивленно взирала Шарлотта. Пожалуй, он посмотрел на нее без всякого умысла, только застегнул пуговицу. Наконец, даже взялся за подзорную трубу, висевшую у него на ремне через плечо, и тут же бесцеремонно стал разглядывать в нее Шарлотту.

Шарлотта поняла, что через увеличительное стекло она станет ближе к капитану, чем бы хотела быть, и велела гондольеру грести к берегу.

Когда она вернулась в отель, мать выразила желание перед отплытием еще раз посетить собор Сан-Марко. Майя и Шарлотта отправились туда, пересекая оживленные улицы, и наконец, остановились перед собором под огромными флагами, развеваемыми вечерним ветром.

Смеркалось. Из собора лился яркий свет. Они вошли в золотое пространство, освещенное во время вечернего богослужения сотнями свечей. Однако их свет, сгустившийся под огромным куполом и вокруг главного алтаря, не достигал боковых капелл, свода нефов и крестовидных створов, остававшихся в тени.

Они уселись на последнюю скамью, вслушиваясь в молящиеся голоса, эхом отражавшиеся от купола. Они видели, как сотни людей входили, вставали на колени и крестились, застывали и тихо стояли под мозаичными сводами, в которых играли блики огня от свечей.

Они обратили внимание на высокого худого мужчину, прислонившегося к колонне. Он был в светлом костюме, держал в руке широкополую шляпу кремового цвета. Его волосы тоже были светлыми: горящие свечи придавали им почти серебристый отблеск. И все же это был

еще очень молодой мужчина, о чем говорило его круглое лицо и слегка задумчивые глаза.

– Держу пари, – сказала Шарлотта, – что это Томас Деркли.

Майяудивилась.

– Невероятно! – засомневалась она. – Я ведь знаю, что он переведен берлинским посольством в Чили. Всего лишь около года назад. Мне не верится, что он снова в Европе.

Они решили рассмотреть мужчину поближе, чтобы убедиться, что не ошиблись. Но прежде, чем они пробрались от своей скамьи сквозь толпу и пересекли середину переполненного нефа, мужчина исчез. Они заторопились к выходу, пытаясь найти его на площади. Тщетно.

– Я бы с удовольствием повидалась с ним, – сказала Шарлотта. – Среди тех, кто в позапрошлую зиму посещал наш дом, он был самым симпатичным.

В это мгновение они снова услышали голос парохода: гулкий и густой гудок «Квиринала» повис над лагуной. Это был сигнал к отплытию.

Уже по пути в отель они повстречали гондолу с багажом, плывущим к пароходу.

– Там! – вдруг воскликнула Шарлотта. – Там, в гондоле! Опять та же шляпа!

– Действительно! – подтвердила Майя.

Она тоже узнала шляпу. Но только шляпу, тут же исчезнувшую в темноте.

Через несколько минут они сидели в моторной лодке, быстро доставившей их к пароходу.

Сердце Шарлотты билось от волнения так громко, что Майя могла подумать: хорошо хоть, что, кроме меня, никто не слышит!

Медленно и осторожно прокладывала себе путь моторная лодка среди гондол, буксиров, баржей и катеров. Медленно и осторожно, как ребенок, приближавшийся к незнакомому взрослому человеку.

– Какие они все крошки по сравнению с нашим кораблем! – восторженно произнесла Шарлотта.

II

Они не спеша шли белым коридором мимо рыже-бурых дверей красного дерева. Шли довольно долго по толстому мягкому ковру. Наконец стюард открыл дверь и предложил женщинам войти в каюту – обычную каюту, какие бывают на пакетботах. В светлых тонах, с кокосовым половиком под ногами. Две кровати полированного дерева, одна над другой. Вверху иллюминатор с толстым стеклом в блестящей латунной раме. Фарфоровый умывальник и зеркало, вделанное в стену. Все помещение напоминало, скорее чистую, но чересчур унылую больничную палату, если бы не кровати, застеленные кретоном в пестрых цветочках.

Майя осталась довольна.

– Отличная каюта, – пришла в восторг Шарлотта. – Это круглое окно выходит на прогулочную палубу, и, когда мы будем спать, можно будет дышать свежим воздухом.

Она за неделю до этого подробно изучила план корабля, чтобы разбираться в таких вещах.

– Но тесная! – произнесла Ленхен в отчаянии. – Только один шкаф! – добавила она еще более безнадежным тоном после недолгой разведки.

– Ну, конечно, Ленхен, – сказала Шарлотта, – ты считаешь, что мы в отеле? Это же корабль! Морской корабль! Морское судно! Понятно?

– Мне понятно только одно, – ответила Ленхен тихо, но решительно, – что фрау Шотт не сможет прожить здесь четыре дня.

На этом ее заклинило. Каюта с небольшим шкафчиком, без комода, куда можно было бы выложить содержимое чемодана, не подходит для ее хозяйки. Напрасно Майя и Шарлотта пытались успокоить ее и как-то

переубедить: с неожиданным упорством она твердила, что «Квиринал» - отвратный корабль.

Жалобам, пожалуй, не было бы конца, если бы где-то внизу вдруг не раздался звонок, короткий, резкий и настойчивый. Потом второй и третий. И наконец, заработали двигатели.

Еле заметная дрожь пронзила пол и стены. Чуть слышно задребезжали стаканы на умывальнике.

Но у Ленхен, слышавшей когда-то что-то о подводном землетрясении, отнялся язык.

– И что же это будет? – спросила она после долгой паузы.

– Отходим! – воскликнула Шарлотта. И, прежде чем служанка успела оглянуться, она ринулась на палубу.

Майя опустилась на кровать – день, проведенный в Венеции, все же утомил ее. Вошел стюард – он принес ручную кладь и уложил ее под кроватью.

– А большой чемодан? – удивилась Ленхен.

Майя объяснила ей, что чемодан находится в багажном отделении и во время плавания не понадобится.

– Выложи только самое необходимое, – сказала Майя. – Одежду повесь в шкаф, пальто на медный крючок и поставь саквояж с бельем на табуретку так, чтобы можно было сесть. Больше ничего.

«Хотелось бы мне знать, – подумала Ленхен, – для чего, собственно, хозяйка взяла меня с собой?»

В этот момент в каюту влетела Шарлотта.

– Ты знаешь, мама, – воскликнула она, – что мы плывем? Совсем тихо плывем, ведь в лагуне полно кораблей. Даже чуточку покачивает.

Но качки не было совсем – лагуна была спокойна, как море. И все же Шарлотта вообразила это себе, ей так хотелось, чтобы была качка! Ленхен, оставшаяся в каюте одна, тоже думала, что море волнуется, потому что боялась качки.

Почти насильно вывела Шарлотта мать из каюты, которая, в сущности, нисколько не обрадовалась тому, что они отплыли. Дочь взяла ее за руку, поднялась с ней по широкой лестнице, ведущей от кают к палубе люкс, и вышла на верхнюю прогулочную палубу. Здесь было поспокойней. Несколько пассажиров читали в обеденном зале – салон для курящих был уже закрыт. Похоже, время подходило к десяти. Впрочем, это можно было узнать по фонарям в городе: судно не спеша скользило вдоль Рива дегли Скьявони и приближалось к жилым домам, расположившимся в районе королевского парка, с борта «Квиринала» видны были и полутемные улицы, и сумрачные двory. Вскоре различимы стали только фонари, освещавшие путь в лагуне. Легкий ветерок, дувший с Альберони и вобравший в себя аромат садов Лидо, плавно раскачивал светящиеся буи. Их свет падал в воду, трепетал в чуткой цепочке волн и, казалось, блуждал от берега к берегу.

– Словно мы парим, – обратилась Шарлотта к матери. – У меня явно такое ощущение, что нас что-то легко заставляет скользить. У тебя тоже так?

Майя считала, что «Квиринал» совершенно спокойно следует своим курсом через лагуну. Но она не хотела сдерживать фантазию дочери и согласилась с нею.

– Ты, конечно, когда-нибудь читала, – продолжала Шарлотта, – восторженное описание путешествия по железной дороге? Я не читала. Но кто плавал по морю, тот, конечно, тоже с восторгом описывал это плавание. И не из-за великолепия морской стихии. Когда едешь поездом, ведь тоже видишь дивные места. Оттого что пароходом приятно и удобно плыть – скрашивает путь, но не восхищает. Меня приводит в восторг ощущение парения. Ты видишь небо, но не знаешь, где ему предел. Ты видишь море, но не знаешь предела его бездне. И между этими двумя неведомыми бесконечностями ты балансируешь на шаткой палубе и мечтаешь обрести крылья.

Теперь на море и в самом деле ощущалась едва заметная качка. Пароход содрогнулся и прибавил обороты. Майя и Шарлотта, взявшись за

руки, ходили вверх и вниз, ощущая, как их слегка приподнимает над палубой, и им однажды пришлось невольно присесть, чтобы не потерять опоры под ногами.

– Должно быть, в открытом море штормит, если даже в лагуне такая качка! – сказала Шарлотта.

– Тогда мне лучше заранее лечь в постель, – ответила Майя. – И кроме того, мне хочется взглянуть на Ленхен, она, видно, сидит на чемоданах в ожидании конца света.

Шарлота проводила мать до каюты. Действительно, Ленхен встретила их с мокрыми от слез глазами вопросом:

– Буря?

Она продолжала плакать, пока Шарлотта не успокоила ее и не отвела в ее каюту, уговорив лечь в постель, ни о чем не тревожась. Уходя от Ленхен, она слышала, как служанка старательно закрывает дверь на замок.

Девушке хотелось побыть на палубе, посмотреть, как судно выходит в открытое море. Она шла одна по обезлюдевшему кораблю. На борту почти повсюду погасли огни. Только в нескольких угловых переходах светились лампочки в белых проволочных колпаках, покрытых лаком, и от капитанского мостика два путевых фонаря отбрасывали красный и зеленый лучи на фордек. Очертания предметов растворились во мраке. Мачты и ванты вытянулись в ночную высь. Высоко, под самыми звездами, горели сигнальные огни фок-мачты. Когда город исчез из виду, на корме, где яркий луч сигнального фонаря серебрил бурливый кильватер, был спущен зелено-бело-красный флаг.

День у моряков подошел к концу. Только перед застекленной оранжереей у капитанского мостика прохаживался невысокий тщедушный офицер, и от его сигареты по ветру тянулась струйка дыма. Эта струйка шла тонкой параллелью черному дыму из трубы, чернее ночи клубящемуся по курсу корабля.

Шарлотта отыскивала верхнюю палубу. Узкая, обитая латунию лестница вела наверх. Палуба оказалась белой и широкой. В центре ее возвышались несколько длинных кают, салон капитана, между ними перед округлым корпусом капитанского мостика застыла черная труба. С обоих бортов повисли пузатые спасательные шлюпки, которые Шарлотта видела еще днем.

«Все спят, – подумала она. – Может быть, капитан с толстым брюшком тоже спит?»

Она присела на скамью, расположенную между спасательных шлюпок. Место ей понравилось, здесь не было поручней, которые затруднили бы спуск лодок, а были сделаны перила из канатов. Тут Шарлотта чувствовала себя свободней – ближе к воздуху и морю. Здесь действительно сильнее ощущалось парение над водой; отсюда была видна перспектива Венеции, огни которой мерцали все слабее, появлялись далекие города вдоль лагуны и все сто маяков и сигнальных огней, оживляющих ночную тьму.

Шарлота внимательно прислушивалась к работе судовых двигателей: обороты не увеличивались. Напротив. В то время как корабль проходил через устье Лидо в открытое море, шум двигателей почти прекратился, и ветер, казалось, тоже затих. Два высоких тополя недвижно стояли на берегу. Ни звука над водой. Пока не вышли в открытое море.

Но этот выход был незаметен: море сегодня оставалось более спокойным, чем в самой лагуне. Однако стало прохладнее. Издалека налетел внезапный ветер. «Из Греции, – подумала Шарлотта. – С Адриатики». Ветер, вздымавший тысячи волн и гнавший тысячи чаек, надувавший паруса и несший пыльцу цветам. Ветер соленый и влажный, как само море.

Шарлотта встала. Ветер взбудоражил ее. Это был ветер далеких странствий, внезапно ударивший в ее сердце.

Тишина. Полная тишина. Оттого, что она встала почти с подветренной стороны. Но теперь она снова перешла туда, откуда дул ветер, чтобы увидеть ширь принесшую ветер. Дул зюйд-вест, он несся с такой упругой силой, что лицо Шарлотты оказалось в плену собственных волос. Внезапно она

погрузилась во мрак. Понадобилось несколько секунд, чтобы освободиться из плена и снова наблюдать за морем.

А когда она опять прозрела и хотела посмотреть на горизонт, перед ней появился мужчина. Ветер куролесил в его волосах: он согнул его широкополую шляпу, так что ему приходилось удерживать ее обеими руками и снова выпрямлять поля.

По шляпе и по тому, кто был под ней, Шарлотта узнала Томаса Деркли.

И Деркли тоже тут же узнал ее.

– Вы вольны были делать что угодно, спрятаться в соборе и уплыть в гондоле, господин Деркли, но здесь-то вы и попались. В глухую ночь, в открытом море! – воскликнула Шарлотта и протянула ему руку.

Несмотря на свою профессию, Томас Деркли оставался застенчивым человеком. Не раз в качестве дипломата – ему приходилось служить Альбиону в разных чинах и в других странах – он умел преодолеть свою робость, сделавшую его в Итоне предметом постоянных насмешек, где его дразнили домоседом, а в Оксфорде – диким отшельником. И как всех робких людей, неожиданная встреча повергла его в мучительное замешательство. Он снял шляпу, отчего ветер растрепал на его затылке и набросил ему на глаза мягкие шелковистые волосы. А поскольку он ничего не видел, то растерялся вдвойне и откликнулся только после долгого молчания.

– Да, а почему вы все же направляетесь в Грецию? – спросил он, наконец.

– Да, а почему *вы* все же направляетесь в Грецию? – тут же, поддразнивая, ответила вопросом на вопрос Шарлотта.

«Только бы не так частила эта юная малышка», – подумал англичанин. Проведя зиму в Берлине, он сносно владел немецким. Но в тот момент, во время такой ночной встречи, он почувствовал, что его познания в языке тают, как снег по весне. Он обрадовался, когда Шарлотта снова завладела разговором.

– Мы думали, что вы в Чили! А сегодня вечером мы были уверены, что видели вас в соборе Сан-Марко. Но мама сказала...

– И ваша матушка тоже? – перебил ее Деркли.

– Мама тоже, – ответила Шарлотта. – Мы едем вместе. И – если вы помните – Ленхен, она тоже с нами.

Подробно и обстоятельно она объяснила цель их путешествия.

– На вас, разумеется, «Квиринал» и Адриатика не производят большого впечатления, – сказала она. – У вас за плечами немалый опыт дальних странствий. Вы неделями бороздили моря.

Постепенно Томас Деркли справился со своей робостью. В конце концов, он часто бывал в доме у Шоттов. Подолгу играл с Шарлоттой в теннис, нередко совершал с Шоттами прогулки. С чего ему робеть?

Всякий раз он задавал себе этот вопрос. По крайней мере, это был его способ как-то преодолеть свою проклятую робость. И на сей раз такой способ выручил его из беды. Он мог рассказать, что вовсе не чувствовал себя хорошо в Чили, ходатайствовал о переводе и теперь отправляется на новую должность в Афины.

Он говорил медленно, не спеша. Однако у него хорошо получалось.

«Чудак какой-то, – подумала Шарлотта. – Застенчив, как ребенок. Почему? Талантливый, умный, интересный мужчина, вот каков Томас Деркли!»

– Мама будет очень рада, – сказала она.

– Вы в самом деле уверены, что ваша матушка будет рада? – совершенно серьезно спросил Томас Деркли.

Шарлотта удивленно посмотрела на него. Почему же, собственно говоря, мама не должна радоваться? Ведь это было бы совсем не в ее духе. Мама была доброжелательна ко всем людям – и к тем, кто такого отношения вовсе не заслуживал, была добра и искренна с ними и сердечно принимала их. Почему же именно к Деркли она должна относиться иначе?

«Глупый вопрос!» – подумала Шарлотта. Неожиданно она сама смутилась и даже чуточку оробела.

– Мне пора спать, – сказала она. – Боюсь пропустить восход солнца над морем.

Когда она вернулась в каюту, мать уже крепко спала. Шарлоте удалось улечься бесшумно, и мама не проснулась. Хорошо, что та оставила ей верхнюю койку, под самым потолком: Шарлотта считала, что спать так – значит спать по-матросски. Иллюминатор оставался открытым, морской ветер незаметно проникал в каюту. Вдалеке Шарлотта различила огни проплывавшего мимо парохода.

И все же она была так возбуждена, что не могла уснуть: взбудоражена ветром, качкой судна и судорожным подрагиванием двигателей. А также глупым вопросом, заданным ей Томасом Деркли.

К тому же выходило, что вокруг нее ничто не желало утомиться. То и дело в глубине корабля слышался чей-то возглас, может быть, это были приказы судового механика. Скрежет лопаты, поддевающей уголь. С равными промежутками звонил колокол на фордеке – сигнал к смене вахты. И прежде всего шорох, мешавший уснуть ей: шорох над ее головой, на верхней прогулочной палубе, где взад и вперед ходил какой-то человек. Было слышно, что ходит он не очень уверенно, что нормально шагать ему мешает морская качка. Но это его не останавливало, он ни на секунду не прекращал ходьбы; снова и снова Шарлотта прислушивалась к его шагам, сначала далеким, а потом снова близким, звучащим с нудным постоянством.

Раза два она беспокойно повернулась в койке. Пока мать, тоже проснувшаяся от утомительного шороха шагов, не заметила, что Шарлотта не спит, и она чуть слышно произнесла:

– Когда, наконец, он там, наверху, прекратит свое хождение!

– Было бы понятно, – ответила Шарлотта, – если бы, скажем, он нес вахту или дежурил. Но ходить просто так, чтобы подышать свежим воздухом, можно и на тентовой палубе, правда?

– А может быть, это все-таки вахтенный?

– Да нет, – возразила Шарлотта, – я бы ничуть не удивилась, если бы это оказался Томас Деркли.

Она рассказала матери, как встретила Деркли и что от него услышала. Но умолчала о его странном вопросе. Она знала, что мама таких вопросов – вопросов многозначительных и в то же время излишних – даже допустить не могла. Иначе бы она заранее настроилась против англичанина, который, должно быть, от своей врожденной застенчивости, задал вопрос без умысла, ничего не имея в виду. Сообщение Шарлотты о Деркли Майя приняла с неподдельной радостью.

– Мы будем плыть в весьма приятном обществе, – сказала она. – Утром его робость поубавится, увидишь, к вечеру он разговорится. Как все робкие люди, он говорит или очень мало, или много.

– Я бы хотела, чтобы он подробно объяснил мне, – ответила Шарлотта, – какими бывают океанские пароходы и чего не хватает «Квириналу», чтобы быть настоящим океанским судном.

– Это если Томас Деркли снизойдет до беседы о таких прозаических вещах, – возразила фрау Майя. – Но ты же видишь, он по-прежнему вышагивает, когда другие спят, и, вероятно, пишет стихи, о которых рассказывают его друзья, но которых еще никто не видел.

В это время они заметили, что Томас Деркли закончил свою ночную прогулку, затем услышали, как совсем рядом открылась дверь каюты. Англичанин тоже укладывался спать.

Вскоре они заснули.

Волны с тихим шепотом прокладывали себе путь рядом с кораблем. Ладони ветра скользили по открытым койкам.

Шарлоте снилось, что ветер гонит перед собой корабли – небольшие освещенные суда. Они то и дело посверкивали на волнах. Как светляки или горящие буи. И волны то поднимали, то опускали их. И в центре между ними плыло совсем неприметное крохотное суденышко красного дерева, обитое

латунью, как койка, в которой спала Шарлотта. Суденышко сильно качало. И была на нем высокая-превысокая мачта. И когда Шарлотта пристально взгляделась в эту мачту, она узнала Томаса Деркли, стоявшего совершенно прямо в лодке и вытянувшего руки – очень высоко – навстречу ветру. А в руках он держал огромную широко развернутую шляпу. Она увеличивалась в размерах, ширилась и раздувалась так, что в ней прятался ветер. И служила парусом. С этой шляпой-парусом Томас Деркли скользил в своей койке-лодке красного дерева и возникал перед взором Шарлотты каждый раз в образе мачты, пока дневной свет не прокрался в латунный круг иллюминатора и не разбудил девушку.

Окончательно проснувшись, она тихо соскользнула с койки на пол, быстро оделась, так, чтобы не разбудить мать, и вышла прямо на палубу, чтобы увидеть обрывки уходящей ночи, застывшей гигантской грядой грозных облаков над морем с запада. Востоком уже владел день. Его перламутровый свет падал в полусонное море. Восточный ветер рябил идущие рядами волну за волной и забрасывал без конца свои черно-голубые летящие сети в брызжащие стаи мелких рыбешек. Но серые тени, еще падающие сюда на море с запада, укрощенно ютились в подошвах волн. Впрочем, вскоре засверкали первые яркие солнечные лучи, ниспадавшие с востока на гребни волн. От их прикосновения вода становилась прозрачной и ясной. Металлический блеск, мгновенно придававший ей напряженность, делал ее неподвижной: казалось, вода внезапно застыла. И когда, наконец, возшло на небе солнце, гигантское и лучистое, и восточный ветер смолк, и волны, угомонясь, пропитались золотистым блеском, на Адриатике родился сказочно спокойный и солнечный день.

Уверенно и неторопливо, сопровождаемый бормотанием серебристого кильватера, «Квиринал» шел своим курсом, ни на пядь не отклоняясь от невидимой дороги, протянувшейся в волнистой бесконечности. Нигде ни клочка земли. Такая уверенность «Квиринала», его чутье пути казались Шарлотте почти чудом. Она нигде не видела человека, управлявшего

кораблем, на палубе была такая же тишина, как и на море. И наконец, поднявшись на верхнюю палубу, она подошла к капитанскому мостику. Там, в рулевой рубке, находится пожилой мужчина, неподвижный и сосредоточенный – словно он простоял так ночь, – и всею тяжестью тела сдерживал штурвал.

Но мало-помалу, озаренная вездесущими солнечными лучами, палуба тоже ожила. Где-то около пяти утра двое босых матросов в светло-синей холщовой форме появились на полубаке. Они присоединили насос, стоявший рядом с лебедкой, к большому красному шлангу, затем быстро растянули шланг по шкафуту*. Вскоре морская вода заструилась по доскам, потекла по узким протокам вдоль бортов, веерообразно расплескиваясь под швабрами по светлым доскам. Немного погодя появились другие матросы с кожаными лоскутами и банками и стали драить медные поверхности: площадки, лестничные поручни, дверные ручки и оконные рамы. Принесли на верхнюю палубу огромные куски парусины и принялись растягивать их под солнцем. Затем ожил салон. Стюарды гремели тарелками и столовыми приборами, открывали и промывали окна, протирали мебель и панели красного дерева мягкими тряпками, стелили скатерти, ставили цветы в стеклянные вазы.

Шарлотта переходила с палубы на палубу и рассматривала все, что попадало в поле ее зрения. Но то, что сегодня утром происходило на судне, не вызывало в ней интереса. Матросы и стюарды с легким удивлением смотрели на молодую девушку, вставшую спозаранок и бойко расхаживавшую повсюду, словно наблюдавшую за утренней работой моряков, на девушку, которая первой вошла в просторный салон и попросила подать ей завтрак.

Пока Шарлотта ожидала кофе, постепенно стали подходить остальные корабельные обитатели. Раньше всех пришел капитан. Едва он протолкнул в дверь свою шарообразную статью и снял фуражку, как испуганно замер на месте. «Молодая особа, – подумал он, – конечно же, я где-то ее видел! И

---

* Средняя часть верхней палубы корабля.

даже во всех деталях. Ну да, совсем близко, через подзорную трубу». Капитану стало неловко. Но Шарлотта как будто не заметила его смущения, приветливо и даже по-дружески взглянула на него. Хотя он и был дерзок, но все же он капитан. *Ее* капитан, капитан *ее* корабля.

У капитана точно гора свалилась с плеч, он попытался подобрать свой живот и поклонился. Шарлотта пришла в полный восторг, что *ее* капитан так радушно отдал ей поклон.

Он опустился в широкое кресло, стоявшее в торце центрального стола, вытянул тугие белые манжеты из-под темно-синих рукавов кителя и бросил взгляд на чашку, стоявшую перед ним. Судовая посуда была похожа на капитана: сине-белая и весьма пузастая. Увесистый серебряный чайник покоился на столе так же уверенно, как и капитан в своем кресле. Круглые ложки были двойниками его пухлых пальцев.

Едва он сел, стюарды засуетились, стараясь угодить ему. Но что бы они ни приносили из того, чего ему хотелось, капитан морщил нос и кривил уголки рта, без конца возвращая принесенное в буфет. Наконец, он торопливо и самозабвенно принялся поглощать свой завтрак, но ему никто и не думал мешать; в салон вошел второй пассажир и сел рядом с ним.

Это был высокий широкоплечий мужчина лет сорока. Его черные гладкие волосы были аккуратно расчесаны на боковой пробор, его смуглая кожа чисто выбрита. У него были спокойные темные глаза, слегка крючковатый нос, небольшие аккуратно причесанные усы. В синем костюме с жестким белым воротником и с темным галстуком, внешне он выглядел корректно, и Шарлотта справедливо приняла его за итальянского офицера в штатском.

Капитан, вероятно, был с ним знаком, может быть, они вместе плыли от Триеста. Во всяком случае, широкоплечий тотчас заговорил с капитаном, который внимательно слушал его. От Шарлотты не ускользнуло, что предметом их разговора была она сама, поскольку время от времени мужчины обращали свои взгляды к ней. Впрочем, это продолжалось и тогда,

когда в зал вошел третий путешественник, немедля подсевший к этим двоим: невысокий, круглый, как колобок, лысый господин с седыми усами, в сверкучем пенсне и в необычайном огненно-рыжем костюме, туго стянутом в талии. Шарлотте не удалось разглядеть его как следует. Она только услышала, что разговор стал теперь вестись не на итальянском, а на французском языке, значит, лысый, видимо, не был итальянцем. Он тоже мог знать этих двух с Триеста. Ибо он мгновенно включился в беседу. И тоже стал коситься так и этак в сторону Шарлотты, которая, смутившись, принялась рассматривать узор из якоря и жезла Меркурия, украшавший блюдце с чашкой.

Она почувствовала себя свободнее, когда в салоне, наконец, появился Томас Деркли. Выглядел он бледным и усталым. Его кожа стала прозрачной, как шелк, голубые глаза покоились на дне темных впадин. Шаг его в самом деле казался каким-то неуверенным: легкое, чуть заметное покачивание корабля передавалось его походке, его высокой фигуре, когда он с приветливой, но все еще смущенной улыбкой подошел к Шарлотте и протянул ей руку.

В это мгновение разговор за столом капитана смолк, и все трое мужчин обратили свои взгляды на Томаса Деркли. Хорошо, что он повернулся к ним спиной, и только Шарлотта видела их любопытные взгляды, иначе бы высокий англичанин от чрезмерной робости вообще потерял бы дар речи.

– Как спали, фройляйн Шарлотта? – учтиво спросил он.

– К счастью, очень рано встала. Утро было замечательным. А как вы?

– К сожалению, поздно лег, – ответил Деркли. – Ночь была удивительной. А потом...

Он внезапно замолчал.

«Стихи сочиняет», – подумала Шарлотта.

Томас Деркли осведомился, как себя чувствует Майя.

– Думаю, неплохо, – ответила Шарлотта. – Но вы даже представить не можете, как мама была вчера поражена, услышав, что вы тоже плывете на

нашем судне. Она, разумеется, была очень рада, что вы появились так неожиданно-негаданно.

Шарлотта отметила, что ее слова снова повергли англичанина в странное замешательство. Случайно ли, что он вдруг замолчал? А яйца, поставленные ловкой рукой стюарда, продолжали остывать.

Или Томас Деркли снова сочинял стихи?

А что за стихи? О чем? Стихи, о которых знали все его друзья, но которых никто никогда не видел, сказала мама. Шарлотту вдруг охватило непреодолимое желание прочесть эти стихи.

Вероятно, Деркли поверял этим стихам все, что скрывал в течение дня. И стихов было очень много. Может быть, поэтому он плохо спал и выглядел утром таким бледным, всякий раз приходя в смущение. Человек, привыкший писать стихи, выражающий себя в стихах, должен приходить в смущение, если он говорит прозой. Может быть, он вообще умеет говорить только стихами? Она решила воспользоваться этой морской поездкой, чтобы узнать стихи Томаса Деркли.

– Чудесное утро сегодня, правда? – спросила она.

Деркли кивнул и посмотрел на свой простывший чай.

– Сегодня так рано рассвело! – продолжала Шарлотта. – Такой переход от мрака к свету, первый отблеск на волнах! Вам надо было видеть, господин Деркли.

Англичанин безмолвствовал.

– У меня бы тогда была возможность узнать, какое это на вас произвело впечатление, – сказала Шарлотта. – Во всяком случае, вы знаете, такое очень трудно описать. Но если бы я могла сочинять стихи – какие бы строчки я написала утром!

На мгновение она умолкла. Затем положила свою руку на плечо Томасу Деркли, чуть наклонилась к нему и слегка улыбнулась – она знала этот способ вызвать доверие у человека, способ, перенятый ею от матери, – и сказала:

– Правда ли, Томас Деркли, что вы пишете стихи?

– Мои друзья, – сухо ответил англичанин, – считают меня, несмотря на мои тридцать лет, способным на подобные глупости.

Шарлотта достаточно хорошо была знакома с Деркли, чтобы знать, что это тоже был ответ, вызванный смущением. Она решила больше не задавать вопросов.

– Хочу посмотреть, – сказала она, – как поднимается солнце над морем.

Покидая зал, она спиной ощущала взгляды, бросаемые ей вслед мужской троицей, сидевшей за капитанским столом, весьма настойчивые и чересчур любопытные взгляды. «Словно длинные колючки вместо глаз», – подумала Шарлотта.

Она, должно быть, с полчаса прохаживалась в одиночестве, освещенная солнечными лучами, пока на нижней прогулочной палубе не миновала открытый иллюминатор. Небольшая светло-серая занавеска была наполовину отдернута. В глубине каюты она увидела койки красного дерева, пестрый кретон на них и белый умывальник, знакомые ей по собственной каюте. Верхняя койка пустовала. А рядом, прислонившись к ней плечом, во весь свой рост стоял Томас Деркли и писал.

«Скорее всего, стихи», – подумала Шарлотта.

Спустя некоторое время Деркли тоже вышел на палубу.

– А ваша мать? – спросил он. – Еще спит?

– Желала бы я раз взглянуть, как это ей удастся, – ответила Шарлотта.–

Она, правда, привыкла поздно вставать, но теперь, по меньшей мере, десять часов.

Она вышла на лестничную площадку.

Спустилась по центральной лестнице, задержала взгляд на морской карте, висевшей там, и затем вошла в коридор. В длинном проходе она видела закрытые двери. И только одна была открыта – дверь, ведущая в каюту Томаса Деркли.

Шарлотта наверняка знала, что совершает нечто крайне непристойное, когда входила в каюту. Она еще раз оглянулась, не видно ли стюарда и закрыта ли дверь соседней каюты, где спала ее мать. Все было спокойно. «Что делать? – подумала Шарлотта. – И все же я должна еще раз убедиться, в самом ли деле все каюты похожи одна на другую. Я ведь делаю это только потому, что мне интересен корабль и все, что с ним связано. Наконец, я впервые в жизни путешествую по морю. И если я любопытна...»

Каюта Томаса Деркли выглядела точно так же, как и каюта Шоттов. Об этом Шарлотта, конечно, знала раньше. В самом деле, это было безумием, более того, дерзостью войти в спальню англичанина. «Как был бы неприятно поражен Деркли, узнай он об этом», – подумала она.

Шарлотта огляделась: зеленые шторы были задернуты, чтобы нельзя было заглянуть снаружи. Одежда, белье, умывальные принадлежности аккуратно сложены. На нижней койке, где спал Деркли, лежали книги: путеводитель по Греции, стихи Шелли, письма лорда Байрона. И больше ничего. Но еще что? Какой высокий человек, однако, этот Деркли! Ему хватало роста, чтобы писать на верхней койке! Писать стихи, даже стихи.

И действительно, на пестром кретоне лежала черная клеенчатая тетрадь. Раскрытая...

«Томас Деркли, стихи» – решила Шарлотта.

Она, в сущности, неясно представляла себе, что ее так интересуется в этих стихах. «То, что Деркли из-за своей робости не мог рассказать», – снова подумала она. Но почему это должно касаться ее? Почему ей так мучительно хотелось узнать об этом?

Это были вопросы, которые она не стала больше самой себе задавать. Она только сознавала, что не в силах справиться с любопытством.

Через несколько секунд она задала себе другой вопрос: откуда, в самом деле, у нее хватило смелости перелистывать эту тетрадь, спокойно найти последние исписанные страницы – те, что заполнил сегодня утром Деркли, – и прочесть их?! Несмотря на то, что автор мог войти в любую секунду.

Несмотря на то, что это были не долгожданные стихи, а «ДНЕВНИК ТОМАСА ДЕРКЛИ».

Обе последние записи – одна в течение ночи, другая – сегодня утром – сообщали:

«Адриатика, 16 марта, среда.

Если бы мое сердце было, как море, – спокойным! Если бы море было, как мое сердце, – в бурном волнении! С каким бы удовольствием плыл бы я со спокойным сердцем по бушующему морю, вместо того, чтобы с беспокойным сердцем плыть по спокойному морю. Но моя фортуна в этот раз снова захотела сделать по-своему.

После отплытия из Венеции я провел в каюте около двух часов. Совершенно спокойно. Никакого иного волнения не испытывал, кроме волнения от чтения стихов Шелли. Этого недостаточно, чтобы потрясти меня (сегодня, по крайней мере). И достаточно, чтобы усыпить. Тогда я еще раз вышел на палубу.

Подул удивительный ветер с юга, ароматный и соленый одновременно. Греческий ветер. Ветер, дуновение которого однажды позвало сердце Байрона на ненавистную родину. И все мои мысли были об этом ветре, и о Байроне, и о Греции, которая должна стать моей новой родиной.

Но если бы мои мысли оставались только в Греции! Однако они здесь, на этом утлом суденышке. В этой душной каюте. И больше нигде-нигде. Малышка Шарлотта Шотт наверняка не знает, что она сделала, когда совсем спокойно, совсем как само собой разумеющееся сообщила: «Мы едем вместе с мамой... Она будет очень рада, когда услышит, что вы тоже...» И я, глупый, неловкий и беспомощный человек, спрашиваю: «Вы, в самом деле, уверены, что мама будет рада?»

Она сочла вопрос глупым и заметила, что я его, как всегда, мог задать от смущения. (Когда я хоть раз буду «действовать» без робости!) Но она ни в малейшей степени не поняла, о чем я при этом думал. И если в том ночном разговоре и было что-то путное, так это самое.

Не потому ли я уехал в Чили? Не потому ли я, как идиот, занялся селитринной статистикой и медными рудниками? Не потому ли неделю за неделей скитался по морям? Греция должна принести мне утешение. Конечно, Греция! И я уже на пути туда, где две зимы назад в Берлине находился в положении, которого не пожелаю даже своему злейшему врагу.

Притом я еще ни разу не встретился с ней. Она спит. Здесь, в каюте, рядом со мной. Она еще даже не знает, что я тут. А когда узнает? Да, когда узнает?! Когда она, быть может, скажет, как говорит Шарлотта, что она «очень рада».

То же самое она сказала тогда в Берлине. «Это так любезно с вашей стороны, господин Деркли, что вы тоже сегодня пришли. Мы всегда так рады видеть вас!» («Мы!» – именно она и директор банка Шотт.). И тогда же она положила свою руку мне на плечо, чуть наклонилась ко мне, слегка улыбаясь своими большими сумрачными глазами...

Что мне делать, когда эти глаза утром снова улыбнутся мне?

17 марта, утром

Я все еще не видел ее. Завтракал с Шарлоттой, которая дружески сообщила, что ее мать спит, и спит очень крепко. И что она поздно встает. Между тем Шарлотта улыбалась мне и положила на мое плечо руку – точно так же, как и ее мать. У нее такие же темные глаза. Но в них блистающий свет. Не ласковый, теплый свет глаз Майи. У нее такие же удивительные волосы, но она немного утомлена. Она тоже очень красива.

Она смотрела на меня, что-то спрашивая. И затем действительно поинтересовалась, пишу ли я стихи. Если бы она знала, кому эти стихи посвящаются.

Или *посвящались*. Она, по сути дела, только напомнила мне о том, что я когда-то писал стихи. И что я все их бросил в море у Огненной Земли – когда спасался бегством от женщины, которая сейчас так страшно близко от меня.

Майя знает, что я на судне. Но всегда встает очень поздно, сообщила Шарлотта».

III

Когда Шарлотта вошла в каюту, мать еще спала. Она ворочалась во сне с боку на бок, с ленивой осторожностью отводя спадавшую ей на лоб пышную копну шелковистых волос и чуть-чуть приподнимая голову. При этом глаза ее все еще были плотно закрыты, так что густые и темные ресницы покоились на светлых веках.

Она проснулась только тогда, когда Шарлотта присела на край койки и, задумавшись, ладонями обхватила свои плечи.

– Что? – наконец спросила Майя. – Я проспала?

Шарлотта кивнула.

– Но день прекрасный. Море совсем успокоилось, да?

Шарлотта снова ответила кивком головы.

– И все-таки ты и сегодня выглядишь неважно, детка, – сказала Майя, вдруг просыпаясь совсем. – Ты поздно легла и рано встала, не так ли?

– Возможно, – ответила Шарлотта.

Все же у нее было странное настроение. И даже настолько необычное, что она охотнее всего разделалась бы со своим мерзким любопытством и рассказала бы, что она прочла и что ее встревожило. Это слишком! Слишком уж тяжело хранить в себе это целиком!

Давным-давно, еще с берлинской зимы, два года назад, Деркли полюбил ее мать! Уехал из-за нее в Чили, писал стихи и уничтожил их. Из-за нее же отправился в Грецию.

«Собственно говоря, нужно ли знать об этом маме? Не нужно, – решила Шарлотта. – Абсолютно. И можно ли знать об этом мне? Нет и еще раз нет!» – снова решила девушка.

– О чем ты думаешь, детка? – спросила мать, на которую молча смотрела Шарлотта. – О чем? Или это усталость?

– Усталость, – ответила Шарлотта.

– Тебе надо после завтрака немножко отдохнуть, – решительно произнесла мать.

Затем она попросила позвать Ленхен.

Шарлотта пересекла коридор и постучала в дверь каюты, где спала служанка. Никакого ответа. Она постучала снова. Снова молчание. Наконец она крикнула: «Ленхен!» Тогда Ленхен, с трудом повернув ключ в замке, открыла дверь и впустила Шарлотту, говоря:

– Я думала – похититель девушек...

Она уже почти час ждала, одевшись, приказа хозяйки, но боялась оставить свое надежное убежище. Ленхен заторопилась, страшно радуясь тому, что ей нужно в каюту к Майе, помогла ей одеться, достала из уложенного саквояжа все необходимое, изредка бросая косые взгляды в сторону Шарлотты, позволяя себе замечания о тесной каюте, бедности обстановки и бесконечных неудобствах.

Наконец, готовая к выходу, Майя встала перед обеими женщинами.

– Ну вот, Ленхен, – сказала фрау Шотт, – ступай и взгляни на море, которое сегодня ночью так милостиво обошлось с нами.

Втроем они вышли наружу. Между тем под тентом становилось все оживленнее. Несколько пассажиров первого класса устроились в шезлонгах, матросы сновали в разные стороны, стюарды убирали столы. На палубе второго класса, находившейся у полубака, тоже были видны отдыхающие.

– Никого, кроме мужчин, – смеясь, сказала Шарлотта. – Я почти уверена, что мы единственные женщины на борту.

Шарлотта сказала об этом не потому, что нигде не было видно женщин. А еще из-за того, что с них троих все не спускали глаз! Снизу смотрели матросы; с борта – предупредительно тактичные стюарды. Капитан взирал на них с деланным равнодушием, но в украдчивой любознательности прилип к

окну своего салона. Его соседи по утреннему столу, хотя и перелистывали лениво газеты в стороне, тоже не могли скрыть своих любопытствующих взглядов.

Майя шла между дочерью и Ленхен, держась весьма прямо, весьма невозмутимо. Взгляд ее был полон неопределенной значительности. Уверенная и прямая походка позволяла ей казаться выше Шарлотты, хотя на самом деле ее дочь была выше и стройнее. И если подвижность и оживленность девушки немного скрадывали ее стройность, то эту стройность полностью сохраняла ее мать. Во всяком случае, две высокие смуглые женщины бросались в глаза и давали пищу воображению каждому из мужчин, занятых на борту «Квиринала» своей ежедневной работой или скучавших от праздности. В обеих женщинах сочеталось в одно и то же время великолепие и обаяние. И Ленхен с ее бледными личиком и соломенными волосами, стянутыми в узел, и изящной, почти худенькой фигуркой, находилась в вызывавшем улыбку контрасте с ними.

Шествие трех женщин было событием для обитателей по-утреннему сонного судна. Женщины сами это почувствовали. Вероятно, потому Майя и повернула на тентовую палубу, где можно было надеяться, что на них не станут так откровенно пялить глаза.

– Может быть, позже мы встретим здесь Деркли. Убеждена, что он обитает на высочайшей вершине, – сказала она.

«Бедный Деркли!» – подумала Шарлотта.

Англичанин стоял, склонившись над перилами. Он наверняка слышал шаги женщин. И, конечно, их голоса. И все же оставался неподвижен, пока Майя не встала прямо за его спиной и не пожелала ему доброго утра.

Тогда он обернулся, долгим и жарким поцелуем прильнул – в прежнем безмолвии – к ее руке.

«Все тот же, – подумала Майя, – несмотря на дипломатию и кругосветное путешествие».

Она решила прийти ему на помощь.

– Если бы вы знали, дорогой Деркли, – произнесла она с большим теплом и сердечностью, – как мы рады снова видеть вас!

При этих словах она положила руку на его плечо и не спеша повела его по палубе.

– Первый раз в Венеции мы совсем не ожидали встретить вас. И вот теперь мы видимся при таких чудесных обстоятельствах! Надеюсь, в Афинах мы тоже будем часто встречаться. Я твердо надеюсь на это. Во всяком случае, мы едва ли когда-нибудь снова найдем благоприятную возможность спокойно побеседовать друг с другом. Вы, разумеется, должны рассказать нам о Чили, как там жилось вам и что теперь вы намерены делать в Греции...

В таком тоне она продолжала с ним разговор, чтобы придать Деркли смелости. Шарлотта, шедшая сзади Майи, заметила, что Томас Деркли скорее скован, нежели раскован. Из-за искренности Майи, из-за ее близости он совсем растерялся, это было удручающим зрелищем. Особенно, если учесть, что Шарлотта точно знала, почему он в данный момент находится в мучительном положении, если человеку сострадать так, как сострадала Шарлотта.

Но Майя ничего такого не замечала. В своем стремлении помочь Деркли избавиться от смущения она говорила все оживленнее, теплее и душевнее, так что Шарлотта, наконец, сочла необходимым вмешаться, чтобы остановить мать.

– Скажите, господин Деркли, – спросила она, – как, собственно, выглядят капитанский мостик на океанском корабле?

Англичанин, жаждущий ухватиться за любую возможность выйти из затруднительного положения, в которое его поставила Майя, стал подробно описывать, что он видел на трансатлантических судах. «Правильно рассчитано», – подумала Шарлотта. «Странно, – подумала ее мать, – отчего он теперь заинтересовался этим?», но она была довольна, что Деркли разговорился, стал оживленным и взволнованным. Свою «первородную

робость» – так она уже два года назад привыкла называть в Берлине эту черту в Деркли – он преодолел с явным успехом.

Их разговор прервал удар судового колокола, призывавший к обеду.

Когда Шотты вместе с Деркли вошли в обеденную залу, капитан и два его знакомя уже сидели за столом. Но они тут же поднялись. Подойдя к Майе и учтиво поклонившись ей, капитан пробормотал свое имя и также представил других господ.

О себе:

– Комендатор Эспозито Кокчумелла.

Затем:

– Гауптман* Джорджини из военного министерства. Чефик-Бей, турецкий посланник в Праге.

Пожалуй, представить дам и себя надо было самому Томасу Деркли. Но Майя понимала, что в таком состоянии тот не справится с подобной задачей, и взяла на себя церемонию знакомства. На чистейшем французском языке Эспозито Кокчумелла попросил ее занять по своему выбору любое место, а Шарлотту пригласил сесть слева от него. Он сам следил за порядком за столом: гауптмана посадил рядом с Шарлоттой, посланника – рядом с фрау Шотт. Деркли расположился сбоку между ними, напротив Кокчумеллы.

Из-за плохого знания языка, из-за благородных дам, которых он одновременно удивил и испугал, комендатор Кокчумелла ограничил свои любезности тем, что просил, даже принуждал приступить к еде, для чего ему, во всяком случае, хватало французского словарного запаса, в то же время отчитывая стюардов на родном неаполитанском наречии, когда они недостаточно проворно или внимательно обслуживали его стол. И наоборот, посланник и итальянский гауптман усердствовали в ловком владении французским, чтобы поддержать разговор со своими соседками. Томас Деркли по-прежнему безмолвствовал.

* Воинское звание «гауптман» в немецкоязычных армиях соответствует званию капитана в Российской армии.

– Жаль-жаль, мадам, – говорил со сладкой улыбкой турок, – что вы не едете в Стамбул или даже в Анкару! Вы не можете представить, как великолепно наша новая столица. Первокласный отель, мадам. Каждый день танцы. Прелестная компания. Если бы я посмел представить вас королевой нашего столичного общества!

– Вы похожи на итальянку, фройляйн, – рассуждал Джорджини. – А может быть, на флорентинку. Или на римлянку: различия мне не ясны. Ибо вы должны знать, мадемуазель, что во Флоренции и Риме – самые красивые женщины Италии.

– Aussi à Napoli, – возразил капитан. – Très belles. Vraiment très belles.*

– Но не так изящны, как фройляйн, – не согласился Джорджини.

Беседа продолжалась в подобном тоне. Чтобы убить время, как водится на корабле, стали подавать на стол множество блюд. Когда подошла пора пить кофе, Майя уже была похожа на Жозефину Богарнэ, а Шарлотта – на ангела Боттичелли. Комендатор Кокчумелла из уважения к дамам даже отказался от обычных черных сигар и после того как предложил окружающим закурить, вложил сигарету в свои негритянские губы; кроме того, он велел стюарду принести конфет, которые по привычке прятал в бельевом шкафу.

Господа превосходно вели разговор, щедро ели, щедро выпивали, сыпали комплиментами в адрес дам. За исключением Деркли, по-прежнему смущенно молчавшего. Даже Майя и Шарлотта каждый раз находили повод посмеяться, понаблюдать и послушать, но, когда подали ликер, они удалились.

Фрау Шотт оставалась бодрой и в сопровождении Ленхен отправилась на тентовую палубу, где устроилась в шезлонге. Шарлотта выполнила просьбу матери и направилась в каюту, чтобы наверстать упущенный сон.

Но о сне нечего было и думать. Все ее мысли были заняты Томасом Деркли и его дневником. «Собственно, – рассуждала Шарлотта, – стало ли

---

* В Неаполе тоже. Весьма милы. В самом деле, очень милы (фр.).

лучше оттого, что я его прочла? Лучше ли оттого, что я знаю ответ? Мать никогда ни о чем не догадается. Может, лучше, чтобы я ни о чем не догадывалась? Не стало ли положение намного тяжелее, запутаннее и ужаснее?»

Ее мысли были прерваны стуком хлопнувшей соседней двери: Томас Деркли открыл свою каюту. Шарлотте этот стук был настолько хорошо знаком, что она не могла бы его спутать ни с каким другим на корабле. Деркли пробыл в каюте около пятнадцати минут. И тут же – с ясностью, удивившей ее самое, – она поняла, что он это время использовал для того, чтобы сделать запись в дневнике.

Когда англичанин снова закрыл дверь, Шарлотта осторожно встала и перешла на другую сторону коридора – спокойно, как сегодня утром, без тени страха, даже еще спокойнее – с уверенностью человека, повторившего совершенный грех. Она спокойно открыла чужую дверь, быстро забралась на верхнюю койку, открыла тетрадь. Там «ДНЕВНИК ТОМАСА ДЕРКЛИ» содержал новую запись, которую она стала читать:

«Четверг, после обеда

Вот я и встретил ее вновь. Я чувствовал, что она идет, но боялся поверить. Слышал ее шаги, слышал ее голос, почти ощущал ее дыхание, прежде чем она поздоровалась со мной.

Что она смотрела на меня и как смотрела, как говорила со мною – живо, тепло, искренне, но все же отчужденно – что я знаю теперь о том, как это происходило? Только вспоминаю об одном слове, заставившем меня страдать, и это слово всегда, всегда будет причинять мне боль, пока я люблю. *Мы. Мы рады... Мы хотим... Мы надеемся...*

Почему *мы*, а не я?! Почему нигде и никогда – я?

Шарлотта ведет себя так, словно обо всем знает. Сначала она была молчалива и изучала меня понимающими глазами. Затем задала вопрос – весьма немудреный и банальный, на который я смог бы ответить.

Я был ей очень благодарен за это.

Что мог бы я, наконец, ответить Майе? Можно ответить человеку, задавшему вопрос. Если бы Майя когда-нибудь задала его, тот большой единственный вопрос, на который мне когда-либо надо будет отвечать: что творится в твоём бедном сердце, Томас Деркли?

Но каждый раз получается так, что я должен отвечать на этот вопрос всегда наедине с собой. Раньше, когда я писал стихи, было легче: тогда ответ неоднократно возвращался зарифмованным. Теперь в прозе это звучит грубо, когда я спрашиваю самого себя о своём сердечном самочувствии и должен отвечать: скверно, чертовски скверно!

Как я тосковал порою по такому её вопросу!

И при всем том я точно знаю, что это ответ не на вопрос, а на ск4азанное. Так происходило уже с давних пор. Постоянно вспоминаю себя зимним вечером в Берлине. Мы вместе отправились в оперный театр. Одни. (Господин директор коротал «вечер с пивом», как говорят в Германии.) Моросило. Асфальт стал зеркально гладким и черным. За несколько минут мы доехали от дома на Тиргартенштрассе до оперного театра на Унтерденлинден. “Что поделаешь, – думал я. – Также быстро мы потом вернемся домой. А в промежутке – “Богема”, Мими и прочие знакомые”.

Но когда мы вышли из театра, город сказочно преобразился и стал весь белым. Белоснежным. Совсем свежий ковер лежал на ступеньках оперного театра и на тротуаре. По нему еще не ступала ничья нога. Снова и снова падали тысячи легких хлопьев. Майя пришла в восторг.

Она отослала шофера домой и предложила мне проводить ее пешком на Тиргартенштрассе.

Мы шли посредине улицы мимо лип, между черных обнаженных стволов. Кругом ни души: прохожие предпочитали тротуар. Я еще гляжу на черный мех пальто Майи, лежащий на моей руке. Еще вижу, как на него падают хлопья, тают и превращаются в крохотные блестящие капельки, в которых переливается свет фонарей.

Но я больше не помню, о чем говорил. И говорил ли я вообще что-нибудь? Вероятно, снова молчал. Но думал, думал... Думал, что я должен это *сказать*.

Еще мне вспоминается, что у меня было время до Фридрихштрассе. Когда мы вначале шли сквозь суету и суматоху улицы, где есть тихий отрезок между Фридрихштрассе и Вильгельмштрассе... вот тогда, думал я. Но у меня не хватило мужества. Я замыслил осуществить это еще серьезнее: на Парижской площади, на углу рядом с академией. Во всяком случае, перед Бранденбургскими воротами. Тщетно. Тьма зоосада не придала мне сил.

Затем мы зашли еще в отель на Бельвюштрассе, встретили много знакомых, моих и Майиных. Мне помнится еще, что там был Сэсил Кардан. Находясь рядом с Майей, я все время раздумывал – не говоря вслух – и через десять минут повторил про себя фразу: “В зоосаде, Томас. Конечно, в зоосаде”. Сэсил спросил меня: “Томас, как дела?” – “В зоосаде, Томас”, – ответил я. Это, вероятно, произошло оттого, что он спрашивал по-английски, а я думал по-английски и мог ему ответить на языке своих мыслей. Сэсил хохотал надо мной.

Через час мы дошли до дома. И у ворот своего особняка Майя сказала: “Вы снова весь вечер промолчали, господин Деркли. Не знаю, имеет ли это отношение к вашей профессии или это только привычка. Во всяком случае, мне ваше молчание не мешало и, по-моему, вечер, как всегда, удался на славу...”

Я возвращался по дороге, которой мы прошли вместе с нею. И на каждом перекрестке спрашивал себя: почему же ты здесь именно здесь, не сказал?

Потому что нигде и никогда я ей об этом не скажу! Не только из-за своей трусости. Я знаю, что она мне это простила бы; что ответила бы мне добрым словом, сказав: не думайте больше об этом, приходите утром снова. *Мы* всегда вам очень рады.

В самом деле, почему я тогда ничего не сказал?

Вероятно, потому, что не мог себе позволить просительного тона. Прощенное чувство – безобидное разрешенное чувство: так сказать, дозволенная любовь.

И, честно говоря, несчастная любовь мне все же понятней!

Впрочем, по-настоящему я страдаю именно в эти часы. Случай – счастливый случай – не так уж часто выпадает дважды. Любой влюбленный – кроме меня – принял бы его за доброе предзнаменование. Время, покой, близость, красота. Где-то господин директор. И все же...

Конечно, я всегда благодарен каждой минуте, каждой секунде: и на этот раз тоже! На этот раз я должен ей сказать! И пока я пишу эти строки, думаю: только в этот раз! Решено! Прежде чем мы прибудем в Бриндизи. (Через два или три часа мы будем там.) Прежде чем подойдем к Корфу. (Рано утром.)

Но я уже вижу, что мне больше нельзя рассчитывать, как тогда в Берлине, не только на перекрестки, но и на морские гавани, а стало быть, и на морские просторы и что я чертовски далек от гаваней словоохотливости.

Единственное, о чем я могу просить, чтобы путешествие было коротким и легким. Но перед субботой мы даже не будем в Афинах.

А что будет тогда? Возможно, снова напишу у подножия Гиметта стихи. Впрочем, они ни на что не годны. Тем не менее я мог бы показать их Шарлотте, которая заинтересовалась ими. Возможно, они могли бы ей даже понравиться.

Нужно только опустить имя Майи. И тогда Шарлотта, быть может, подумает, что эти стихи посвящены ей. Волшебная комедия ошибок, высоко поэтические путаные стихи! Но чем были бы для меня стихи, в которых нет имени майи: и чем были бы для нее любовные строчки, не написанные настоящим, честным и верным влюбленным?

Она заслужила такого возлюбленного, для чего-то пригодного: не пишущего стихи служащего Берлинской миссии, причем с бóльшим удовольствием служащего там, чем в чилийской миссии, то есть мечтающего

вернуться, чтобы была возможность говорить когда и где угодно и не просчитывать повороты судьбы на шумных уличных перекрестках и морских просторах будущего, как я. Да, как я, Томас Деркли».

Прочитав эти строчки, Шарлотта вернулась на палубу. Однако она избегала появляться на той части судна, где могла встретиться с матерью и Томасом Деркли. На фордеке, между круглыми канатами, серым брашпилем, подъемником и сваленными в груды цепями, кусками парусины и небольших рыбацких сетей, ей приглянулся чистый белый ящик, сбитый из еловых досок, и она пристроилась на нем.

За время плавания ей ни разу не приходилось быть так близко к воде: палубы первого класса парили высоко над морем, его видно было оттуда с высоты птичьего полета. Здесь же, в носовой части, среди снастей и занятых своим делом матросов, море было влажным, духовитым, текучим.

Шарлотта чувствовала и слышала, как «Квиринал» погружает с шумом свой широкий черный нос в набегающие волны, вздымаемые вал за валом слабым западным ветром. Это был жесткий взрез, которым судно метило волны. И они тут же покорялись судьбе, размыкались перед кораблем, окружали его, стреловидно смыкаясь, подобно гигантским лепесткам морского растения, и пенясь, расцветали, как венок, сверкающий в тени судна. Словно судно прокладывало себе путь в весеннем первоцвете, взлохмаченном ветром на морском лугу и пропитанном солнцем, вспыхивавшим на кобальтовой долине. Но они расцветали быстрее мака в подошвах волн, с которых взмывали ввысь.

Шарлотта слышала, как вода ударяет в обшивку судна. Она впитывала в себя дыхание моря. Созерцала искрящуюся бесконечность, ограниченную горизонтом. Да, вот это путешествие! Она снова окуналась в свои мечты о плавании и блаженстве морской жизни; снова создавала в своем воображении бесчисленные образы, в которых прозревала бытие моря. Нет в мире более прекрасного путешествия, чем это!

Или, может быть, все-таки есть? Например, плавание в океане, к островам на Западе? Весной Томас Деркли скитался по этим безбрежным просторам. Может быть, он тоже думал: плавание, корабль, море! Но это не принесло ему утешения. Он оставил огромный океан ради этого небольшого моря. Может быть, такое путешествие сулило ему счастье. И покой. Все тщетно, бедный Томас Деркли. Он мог бы неделями скитаться между Оперным театром и Бранденбургскими воротами. И снова и снова ожидать на каждом перекрестке, в любом укромном уголке и думать: вот теперь! Так он метался от гавани к гавани, от корабля к кораблю, от моря к морю с одной и той же мыслью: вот теперь!

«Как хорошо, – подумала Шарлотта, – что он так прекрасно ведет дневник! И, вероятно, так же пишет стихи. Всем ли мужчинам удастся поступать, как годами поступал Томас Деркли? Конечно, нет». Она знала: почти ни одному, вообще никому не удавалось. Остальные не писали. Они рассуждали и говорили обо всем, о чем вздумается, в любое время и в нужный момент. Они не церемонились.

Но и не любили, как любил Томас Деркли.

«Жаль, – подумала Шарлотта, – жаль, что эта любовь так безгранична и так безумна!»

И что за чепуха лезет ей в голову, и она неожиданно пришла к мысли, что Томас Деркли обязан взять себя в руки и побороть свои чувства.

Очнулась она от смеха, звонкого и даже чуть резкого смеха Ленхен. Посмотрела по сторонам. Кругом ни души, она хотела было встать и разыскать служанку, когда уловила обрывок разговора, тут же заставившего ее прислушаться.

Она притаилась.

«Поразительно, – размышляла Шарлотта, – неужели корабли, в самом деле, располагают к подслушиванию и слежке? Или это только я такая любопытная и охочая до чужих дневников и разговоров?» Шарлотту уже начала мучить совесть, но то, что говорила Ленхен, видимо, сидевшая за

какой-нибудь бочкой, все-таки забавляло ее настолько, что она сумела заглушить в себе чувство стыда.

– ... Значит, в самом деле это неправда, господин Цапф! Нет, я даже представить не могу, чтобы наша фройляйн была способна на такой обман. Может быть, вы просто не были в тех краях, где водится такая порода львов?

– Вы говорите – летающие? – серьезно спросил Цапф. – Исключено! Абсолютно исключено!

– Но все-таки есть такая возможность, – ответила Ленхен, – что львы, так сказать, там водятся. Я думаю – в научном смысле. Вам следует знать, господин Цапф, что наша фройляйн собаку съела в науке. Она даже собирается поступать в университет.

– И что же она собирается изучать? – поинтересовался венец. – Уж не зоологию ли?

– Точно не знаю, – смутилась Ленхен. – Во всяком случае, что-то похожее на это. Мне кажется что-то связанное с древностями. Ее отец, господин директор, тоже...

– Директор чего? – поинтересовался Цапф.

– Директор банка, – ответила Ленхен. – Крупного банка. Так вот, отец ее тоже собирает древности. Если бы вы знали, сколько мучений мы переносим из-за этого дома! Этой ерундой забит весь дом. Вазы. И все больше с фигурами нагишом. А нам с них пыль стирать приходится. Фройляйн Шарлотта всегда это делает сама. Вы представляете, как она это делает! Но вещи такие дорогие, что просто дрожь берет.

– Античные вазы? – насторожился господин Цапф. – Тогда, пожалуй, фройляйн изучает археологию?

– Вот-вот! – воодушевилась Ленхен. – Как раз то самое. Точно так. Теперь я, конечно, охотно верю, что это ужасно интересно изучать эту самую... науку. Фройляйн путешествует в свое удовольствие. И, как видите, все началось с путешествия. Сложить белье. Выложить белье. Приходится сидеть, сложа руки. В отеле отвратный народ, в поезде –дохнуть нечем. Но

фройляйн! Даже поездку в такой тесной конуре и вечную качку на воде находит прекрасной. А моя хозяйка от нее не отстает, хотя для ее здоровья это и взаправду жутко вредно. Только из-за Шарлотты и ее археологии! Но знайте же, для нашей фройляйн археология – пятое колесо в телеге. Наш хозяин жутко богатый человек. У него теперь даже две машины. Видели бы вы нашу виллу на Тиргартенштрассе! У нас там теплица с растениями, почти такими же редкими и дорогими, как и вазы. И вдобавок, господин Цапф, вы, может быть, считаете, что тот, кто верховодит банком, не знает, как распорядиться своей собственностью? Во всяком случае, у нашей Шарлотты никаких забот. Она единственная дочь Шоттов и если когда-нибудь выйдет замуж, получит для своего мужа и дом, и древности, и машины, и все-все-все. И большой счет в банке! А тогда? Тогда ее обучение пошло насмарку. И снова начнется волынка – теннис, гольф или другие никчемные безделушки.

– Да, но можно ли узнать, фройляйн Ленхен, – спросил герр Цапф, – как же ваша фройляйн пришла к идее изучать археологию?

Ленхен рассказала о Хаммере и о том, что бывший учитель Шарлотты ожидает Шоттов в Греции.

– Знаете, – сказал господин Цапф, – меня это крайне заинтересовало. Потому что я тоже археолог в своем роде. Хотя учился я меньше, поскольку никогда не уходил с головою в книги. Я, так сказать, человек практики. То есть торгую древностями, фройляйн Ленхен. К тому же постоянно езжу на Восток. Так же и в этот раз. Пару месяцев назад мне там здорово повезло с покупкой. То есть что-то совершенно исключительное. И почти задаром, скажу я вам! Прямо-таки за бесценок. Богиня с факелом...

– С факелом? – удивилась Ленхен.

– Да, фройляйн Ленхен, с факелом. Случайно, разумеется. Или, если хотите, тонкий нюх. То есть вы даже представить себе не можете, какой нужен тонкий нюх для того, чтобы не упустить такую возможность. Понять, где должны быть древности. Ни один человек, разумеется, не хочет сообщить, где находится село. Но я не ленив, собираюсь в дорогу и начинаю

поиски самостоятельно. Пару дней, разумеется, ищу впустую. Но как-то вечером прихожу в одно село, вхожу в отель и заказываю обед. А пока я там сижу и мне накрывают на стол, вижу за другим столом группу греков, они рассматривали какую-то скульптуру, дотошно так рассматривали ее и чуть слышно между собой перешептывались. Стой, думаю я, что там у них? Что это было, фройляйн Ленхен? Богиня с факелом, разумеется. Ну, вы можете вообразить, как я обрадовался. Там легко было установить, кому она принадлежит. И таким-то макаром я ее и купил. Парень ничегошеньки не смыслил в этом. И так-то отдал он мне ее почти задаром. Как говорится, за понюшку табаку. Уверяю вас, фройляйн, это отличная возможность. Среди знатоков – куча золота. Я был сейчас с богиней в Германии, показывал первоклассным, знающим свое дело профессорам. Миллион, сказал один. Два – другой. Третий дал два с половиной.

– В самом деле? – поразились Ленхен.

– Как и то, что я сижу перед вами на канате, – ответил господин Цапф. – Разумеется, я не хочу наживаться. Эта вещь куплена мною дешево, и так же дешево я хочу ее отдать. Само собою, разумеется с небольшой заслуженной прибылью.

– Как это великодушно с вашей стороны, господин Цапф, – сказала Ленхен.

– Дело принципа. Просто дело здравого принципа, – разъяснил господин Цапф. – Маленький доход, большой оборот, сказал Генри Форд. Такие случаи, естественно, бывают не каждый день. Это понятно. Сейчас я возвращаюсь в Афины. Там отлично идут торги. Надежный покупатель всегда найдется. Представляете, через пару дней вещь исчезнет с прилавка. Люди для этого отправляются за тридевять земель...

– Конечно, господин Цапф, – ответила Ленхен.

– Хотите разок взглянуть на богиню? – спросил Цапф. – Тогда спустимся в трюм. Я охотно открою ящик.

Ленхен согласилась. Они оставили укромное место за бочкой и вышли на палубу.

Вскоре после них поднялась и Шарлотта, для того чтобы повидаться с матерью.

Подойдя к другому борту, она обратила внимание, что «Квиринал» уже подходил к Апулийскому побережью: над морем возвышалась золотисто-желтая гряда скал. По ее кромке виднелся белый город. Солнце заходило, море потемнело. Ветер совсем стих. И волны набегали накатом, широко раскачивавшейся мертвой зыбью. Маленький пенистый остров, серебристые сгустки пузырьков колыхались, как острова водяных лилий. Снова бесшумно рыскали плотной стаей бурые медузы под водным зеркалом, и искрометные косяки мелкой рыбешки не спеша скользили к невидимой цели.

Когда Шарлотта поднялась на тентовую палубу, Майя и Деркли, облокотясь на перила, смотрели на побережье. Ее они не заметили. Шарлотта невольно остановилась. Стала выжидать.

«Может, опять подслушать?» – вдруг подумала она.

Шарлотта испугалась. Нет, она не желала подслушивать. Она не имеет права! А вдруг именно сейчас англичанин набрался смелости и собирался сказать то, что давным-давно хотел сказать? Если бы он действительно задержался в Бриндизи?

Вскоре Шарлотта заметила, что оба не произнесли ни слова.

Что же все-таки значило это молчание? Может быть, Деркли уже все сказал, и мама – бедная дорогая мама – не знала, что ответить? Или Деркли только собирался с духом?

Все это вихрем пронеслось в голове Шарлотты. Через несколько секунд она подошла к ним, поздоровалась, кивнув головой, робко и чуть слышно спросила:

– Берег, да?

– Берег, – ответила Майя с обычной рассеянностью.

И Шарлотта снова испугалась: она знала эту рассеянность. Но ее мысли целиком были заняты тем, что хотел сказать господин Деркли, или мог сказать, или уже сказал, чтобы эта рассеянность бросилась в глаза. О чем думала ее мать?

– Теперь ты выпалась? – вдруг спросила Майя, с любовью и некоторой озабоченностью посмотрев на дочь.

По тону, как мать спросила, Шарлотта поняла, что ничего особенного не произошло. Мать всегда так спрашивала. Именно так.

– Я снова ожила, – весело ответила Шарлотта. – И рада нашему первому пристанищу. Это не маяк ли там? Конечно же, он! Через час мы причалим. А чем вы здесь занимались?

– Я понемногу читала, а мистер Деркли понемногу молчал.

– Я боялся вам помешать, – смущенно ответил деркли.

– Во всяком случае, это был весьма удачный день, – сказала Майя. – Мы вместе поели, как когда-то в Берлине. Там мы тоже больше молчали. Но это было славно. Помните, дорогой Деркли, как вечером мы возвращались домой, когда выпал снег? Кажется, мы шли от оперного театра. Это было долгое молчание. И тем не менее я помню тот вечер во всех деталях. А вы?

Деркли кивнул. Шарлота почувяла, что следует держать ушки на макушке, и устремила свой взгляд в море.

– Думаю, – сказала Майя, – что этот прекрасный тихий полдень нам запомнится так же, как первый снег на Унтерденлинден.

«Стало быть, все по-старому, – подумала Шарлотта. – Бриндизи тоже не стал гаванью в жизни Томаса Деркли». При этой мысли ей стало гораздо легче, она вновь оживилась и рассказала о том, что подслушала из разговора Ленхен с господином Цапфом.

– И если ты меня просишь, мама, – сказала она, – то я держу пари, что эта богиня с факелом, конечно, сделает лучше, если погасит свой огонь. Иначе при свете факела она смогла бы обнаружить, что господин Цапф темная личность и что у нее самой темная судьба. Но я за то, чтобы Ленхен

ничего не знала. Говорить ей об этом не стоит хотя бы потому, что она, пожалуй, крайне удивится, когда узнает, что я подслушивала. А так я могу узнать, как пойдет дело дальше и что еще собирается преподнести нам господин Цапф.

Майе тоже хотелось узнать об этом. Таким образом, они решили ничего не говорить Ленхен.

– И все же это было бы великолепное зрелище! – впервые заговорил Деркли. – Богиня, плывущая с нами по морю, освещающая нам путь в Элладу!

– В ящике господина Цапфа, – засмеялась Шарлотта.

«Квиринал» все приближался к кромке далекого побережья. Над золотисто-желтыми скалами уже можно было различить белые вершины и колокольни. Серебристой тенью покоились на горизонте апулийские оливковые рощи. Бриндизский маяк возвышался бурым бастионом, защищавшим вход в гавань. Позади него выстроился плотной грудой город.

И вновь, как на Рива дегли Скьявони, послышался гулкий металлический глас парохода. Но плоский берег не ответил эхом, как отвечали венецианские дворцы: чистый голос сирены уходил далеко в море. Теперь они свернули к входу в гавань. На корабле повсюду заплескались флаги: трехцветный на корме, желтый санитарный на фокмачте. И уже от низкого причала, на котором теснилась большая толпа ожидающих, «Квиринал» приветствовал другой флаг – флаг судоходной компании – синее полотнище с двумя золотыми ключами на нем. *Наш* флаг, как сказала Шарлотта. Навстречу флагу «Квиринал» лениво выпускал клубы дыма. Спокойно – исполинский зверь, решивший выспаться – пароход направлялся к берегу. Он осторожно сделал широкий круг. Еще неразличимы были голоса людей на набережной. На борту тоже стояла тишина: расчетливые и осторожные маневры судна сдерживали дыхание пассажиров, экипаж был занят только этими маневрами. Пока на палубе не прозвучал резкий

сигнальный свисток, и через несколько секунд, крутясь и гроыхая, якорь вспенил голубую поверхность гавани.

Молчание было нарушено. В следующий момент жизнь уже закипела на борту. От причала мчался катер: он доставил полицейского, врача и коменданта порта.

И еще почтальона с огненно-рыжей сумкой. Почтальон торопился, крича и размахивая руками, поднялся по трапу.

– Синьора Шотт! Синьора Шотт!

Шарлотта вышла ему навстречу. Телеграмма. Фрау Майя распечатала ее и с удивлением прочла:

«Ожидаю вас Корфу. Хаммер».

– Ну? – спросила Шарлотта и рассмеялась. – Я оказалась права, когда говорила о Хаммере?

– Ах, оставь эту чепуху, детка! – несколько рассеянно ответила Майя.

– Господин Хаммер, – обратилась Шарлотта к Томасу Деркли, – мой бывший учитель, он хотел сначала встретить нас в Афинах. Затем написал нам, что едет навстречу в Патры. Ну, а теперь сообщает, что утром хочет взойти на борт на острове Корфу. И мама считает, что он не торопится. Что вы об этом думаете, господин Деркли?

– Мне нужно познакомиться с ним, – ответил англичанин, – чтобы узнать, какая скорость соответствует его темпераменту.

IV

Сопровождаемый Томасом Деркли, Майя и Шарлотта несколько часов провели на берегу. К ужину они снова вернулись на судно.

В обеденной зале они нашли группу новых пассажиров, которые прибыли в Бриндизи по суше и теперь продолжали свое путешествие на Ближний Восток на «Квиринале». Они заняли большинство столов. Однако капитан уже сидел на своем месте. Его стол сегодня вечером был украшен

роскошными цветами – букетом красных и букетом ярко-желтых роз, вздымавших свои бутоны над убраным столом. Капитан поднялся, проводив дам к их креслам и обратился к Майе:

– Как видите, мадам, мы получили пополнение. Но я позаботился о том, чтобы небольшое общество осталось в прежнем составе, как это было сегодня.

Шарлотта поняла, что на «Квиринале», капитан которого так искренне отдавал предпочтение им, они уже получили лучшие места; благодаря этому она почувствовала, что связана с кораблем более прочными узами.

– Какие великолепные цветы вы подарили нам, комендатор! – сказала Майя, склонившись над розами. – Чудо как хороши!

Эспозито Кокчумелла уселся, весело смеясь. Глаза его утонули в сводах округлых щек под кустами бровей и сияли сквозь узкие щелочки. Вдобавок он чуть покачивал головой и пожимал плечами, притоптывая, извиняясь, отнекиваясь и все же на что-то намекая.

– Не от меня, мадам, – сказал он. – Не от меня, мадемуазель. К сожалению, и не из садов судоходного общества или из оранжереи «Квиринала».

В это время в залу один за другим устремились Чефик-Бей и гауптман Джорджини. Они поздоровались с дамами и капитаном и заняли свои места.

– Вы говорите крайне загадочно, господин капитан. – обратилась Шарлотта к Эспозито Кокчумелле. – Однако я не уверена, что на корабле найдется место, где бы можно было бы скрыть тайны, и тогда обнаружится, кто поставил сюда на стол эти дивные цветы.

При этих словах посланник и гауптман слегка поклонились своим соседкам с едва заметной многозначительной улыбкой, а Чефик-Бей поцеловал Майе руку. Лицо Кокчумеллы сияло, он давал понять, что в обеденной зале его пятитысячетонного парохода высшее общество расцвело во всей своей красоте и блеске.

В залу вошел Томас Деркли и приблизился к столу капитана. Мужчины поздоровались с ним учтиво, но сдержанно. Кокчумелла деловым жестом предложил ему занять свое место. Было ясно, что за этим столом его терпели постольку поскольку.

После всего Чефик и Джорджини стали считать, что розами они приобрели неотъемлемые права на своих соседок. Они усердствовали в болтовне с ними, так что Томасу Деркли невозможно было вставить ни слова, даже если бы он захотел это сделать, а Эспозито Кокчумелла выкроил время для того, чтобы, как всегда не спеша, расправляться с изобильным меню. Поскольку он боялся, что час отплытия выпадет на ужин, он подгонял стюардов, и так работавших всегда в невероятной спешке. Но прикончить все блюда ему не удалось: между мороженым и сыром он должен был поторопиться на капитанский мостик, чтобы проследить, как пароход отчалит от пирса. Вернулся он только тогда, когда принесли кофе и ликер.

Немного погодя поднялись дамы: Майя посоветовала дочери вернуться пораньше в каюту, чтобы встать чуть свет и увидеть, как судно начнет бороздить греческие воды. Турок и Джорджини не упустили случая вытащить из ваз несколько роз и вручить их дамам. Вскоре удалился и Чефик-бей.

Томас Деркли направился в угол опустевшей залы с книгой, которую он извлек из кармана. За капитанским столом остались только два итальянца, потягивавших из рюмок коньяк.

Теперь они вели беседу на своем родном языке. Оба на диалекте, но так, что могли понимать друг друга. Джорджини был родом из Триеста: в его интонациях чувствовалась венецианская напевность. И в неаполитанской речи Кокчумеллы тоже присутствовала музыка. И эта удивительно музыкальная речь была исполнена для Деркли тепла и лиричности.

Правда, по содержанию ее нельзя было назвать таковой ни в коем случае. Видимо, оба считали, что Томас Деркли не владеет итальянским. В противном случае они едва ли рискнули бы высказываться так громко и

четко о том, что не предназначалось для чужих ушей. Но англичанин в первые годы дипломатической службы плавал атташе на «Квиринале», основательно изучил местный язык, так как он вообще обладал особенным даром к языкам, находившимся в полном противоречии с его нежеланием говорить. Таким образом, он молча мог слушать все, что говорили друг другу уроженцы Триеста и Неаполя.

– Славная компания подобралась, а? – спросил Кокчумелла. – А то частенько приходится умирать от скуки в плавании. В прошлый раз даже один за столиком сидел. Но на этот раз! Не так ли, а?

– Отменная, – ответил Джорджини. Они чересчур хорошо знали, о чем им хочется потолковать. Но каждый ждал, когда первый шаг сделает другой. Несколько секунд помолчали.

– Однако розы – тоже недурная идея, гауптман, – наконец произнес Кокчумелла. – Естественно, подействовало.

– Думаете?

– Да уж конечно. Крошка просто отпала. Дамы вели себя чин-чинарем. А потом похоже, это и впрямь дорогие цветы.

– В Бриндизи их не так легко достать, – пояснил Джорджини. – Турку небось пришлось за ними побегать. Выхожу я из сада и вижу, что он идет мне навстречу. Разумеется, искал цветы. Думаете, он сознался?

– Потешный парень, – ответил капитан. – А так дубина дубиной со своими немочками. Круглая дубина, гауптман.

– Неужели?

– Битый день только о них и говорит.

– Неужели?

– Он проболтался мне, что непременно уговорит их поехать в Константинополь. В Корфу он уже должен сойти на берег.

У Джорджини вздрогнули кончики усов.

– Вам непонятно? – спросил Кокчумелла с вытянутым от удивления лицом.

– Нет, – ответил Джорджини.

Глазки капитана снова превратились в узкие щелки в своих дуплах и загорелись смехом.

– Натурально, – сказал он. – Иначе и быть не может! Да, да, да, мой дорогой капитан. На одного две – слишком жирно. Особенно, когда это мать и дочь. Конечно, не спорю, крошка весьма красива. Весьма занимательна. Но, но, но...

– Ну? – спросил капитан.

– Но, по правде говоря, мне больше по душе мамаша.

Гауптман Джорджини резко возразил Эспозито Кокчунелле. Он бросился на штурм, доказывая, что юность заслуживает похвалы, при этом несколько не теоретизировал и с неистовством, на какое был способен, отстаивал свою точку зрения на внешность Шарлотты.

– Не кажется ли вам, что лучше поступить, как Чефик-бей? – возразил капитан.

Что и говорить, Джорджини не очень-то был доволен, что тот тоже приглядел девчонку.

– Но, – вставил он немного погодя, – эта молодая штучка только раззадорила меня. И если мы плывем вместе, попытка не пытка, не правда ли, капитан? Это знают моряки. Знаем это и мы, солдаты.

– Однако у нас, моряков, наметанный глаз, – ответил капитан. – Путь недолог. И времени в обрез, чтобы с должной приправой обхаживать этих бабенок. Загвоздка в том, чтобы был полный верняк в расчетах на удачу. И тут-то, дорогой капитан, я только должен сказать, что с крошкой ваше дело – табак. Незапятнанная репутация – думаете, об этом никто не узнает? Вступающий в брак получает солидный куш и образцово ведет себя в супружестве. И тогда...

Кокчумелла на мгновение прервал свой монолог и украдкой бросил взгляд в сторону Томаса Деркли, который тотчас опустил голову и сделал вид, что углублен в чтение. Эспозито Кокчунелла продолжал снова:

– И тогда, дорогой капитан – тот вон, длинный. Вы не думаете, что между ним и крошкой все уже оформлено? Я, натурально, ничего плохого не хочу сказать.

– Исключено! – возразил Джорджини. – Этот недотепа? Он? Абсолютно исключено!

– Не гоните волну, – сказал капитан, – наметанному глазу сразу видно, что дело у них на мази. Разбитная девчонка и при ней нуднейший ухажер. А такие проныры тоже ведь горазды на большой улов. Натурально, подоплека всего – деньги или еще что-нибудь. Вам известно, сколько у него на счету в банке? Во всяком случае, могу вас заверить, что с этим цветочком-крошкой вам тоже придется попотеть, капитан! В долю с вами входить не стану. Но мамаша? Мамаша? Тут я молчок. Позвольте спросить: отчего такая клеевая ягодка пустилась в плаванье одна? Есть у нее муж или нет? А если есть, отчего он позволил ей бродить по белу свету? Тут что-то не так. Верно? И если вы спросите меня, отвечу, что у турка, худо ли бедно, но есть один шанс на удачу, чего о вас, к сожалению, к вашему сожалению, я сказать не могу...

Томас Деркли, слушавший этот разговор, стал терять терпение и на мгновение подумал, не потребовать ли от обоих итальянцев объяснений. Но скандал, могущий возникнуть из-за его вмешательства, казался ему бессмысленным. Да и чем могла повредить Майе их болтовня?

Он стремительно поднялся, вышел из салона, не откланявшись, и направился в свою каюту.

– И кичлив же этот молчун, – заметил Джорджини. Итальянцы продолжили свою беседу. Хорошо, что Деркли больше не слышал их.

Ночью Майя и Шарлотта не могли заснуть. В эти часы иллюминатор оставался открытым. Морской ветер прилипчиво стелился по мебели и койкам, и разогретое судно постепенно испаряло влагу. В каютах нечем было дышать. Мать и дочь долго разговаривали – о плавании и попутчиках, о забавных соседях по столу и о славном Томасе Деркли, который был смущен тем, что к ужину пришел без цветов. Как много интересного узнала о нем

Шарлотта! Каждый раз ее так и подмывало рассказать матери о его дневнике. Она снова переводила разговор – иногда почти против своей воли – на англичанина, осторожно пытаясь выведать, что Майя думает о нем. Но углубляться в эту тему было невозможно. Майя рассказывала о нем с искренним теплом там, как она привыкла говорить обо всех остальных знакомых. «Невероятно наивна», – снова, как когда-то, подумала Шарлотта. Имеет ли она право разрушить эту наивную веру матери? Имеет ли она право рисковать? Но для чего? Мать прежде всего выговорила бы ей, раздраженно подчеркивая с силой каждое слово, как крайне неприлично и весьма некрасиво поступила она, вынюхивая, что происходит в каюте у Деркли. А потом? Потом, вероятно, ее отношения с Деркли были бы испорчены окончательно и бесповоротно. Путешествие приняло бы в корне иной характер. Майя была бы вынуждена сдерживать себя. Деркли тут же почувствовал бы неладное. Возникла бы невыносимо напряженная ситуация. И тогда, скорее всего, в Афинах, все это прекратилось бы раз и навсегда.

Этого – прежде всего этого! – Шарлотта хотела избежать.

Оттого она помалкивала о дневнике и в ту самую ночь, когда вела с матерью бесконечный разговор о Деркли.

Только за полночь они замолчали, и Майя заснула.

Но Шарлотте не спалось. Чуть заметная дрожь от судовых двигателей, жаркое дыхание которых не давало свободно вздохнуть, угнетала и раздражала ее. Она жаждала прохлады. Совсем распахнула иллюминатор. Но от ночного прохладного ветра веяло такой сыростью, что она снова прикрыла иллюминатор.

Над морем повисли звезды.

Шарлотта встала, оделась так тихо, что мать даже не шелохнулась, и вышла в коридор.

В каюте Деркли горел свет. Подойдя ближе, она увидела, что дверь почти распахнута. «Повезло, – подумала Шарлотта. – У него тоже

бессонница. Скоротаем время вместе!» Чуть слышно она позвала Деркли. Никакого ответа. Она снова позвала. Молчание. Постучала. Ни звука.

Набравшись смелости, она переступила порог.

Каюта была пуста, постель нетронута. Как всегда, на верхней койке лежал открытый дневник.

«Сейчас читать нельзя, – решила Шарлотта. – Он бродит по палубе один и в любой момент может вернуться. Только не сейчас!»

Она заторопилась наверх. Уже у двери, ведущей на нижнюю палубу, она увидела Томаса Деркли, который не спеша прохаживался взад и вперед. И даже весьма спокойно.

Почему, собственно, Шарлотта предполагала что-то иное, могла подумать о чем-то другом?

И сейчас, когда она видела его беззаботно меряющим шагами палубу, любопытство снова с неодолимой силой завладело всем ее существом. «Если он станет возвращаться, я услышу его шаги по главной лестнице, – рассуждала она. – Коридор идет углом, он меня не увидит. Успею ли снова положить дневник на место, прежде чем он увидит. Меня? Успею, как ни в чем не бывало, пойти ему навстречу, словно я только что вышла из нашей каюты».

Задумано – сделано. Через несколько секунд Шарлотта, стоя в дверях каюты англичанина, в любую минуту готовая выскочить, оглядываясь и снова прислушиваясь, читала при слабом свете коридорной лампы.

«ДНЕВНИК ТОМАСА ДЕРКЛИ

На борту «Квиринала», в ночь с четверга на пятницу.

Найдется ли более несносный корабль, чем «Квиринал»? Пять тысяч тонн, обеденная зала с восемью столами, две-три дюжины кают и три тесные палубы – достаточно места, чтобы почувствовать себя таким несчастным, как я!

Места достаточно и времени тоже. Времени в избытке, чтобы изрядно постараться и превратить в ложь все, что только можно превратить в нее.

И при этом я *был* рядом с Майей. После обеда на тентовой палубе мы остались одни. Я больше не надеялся на такое. Капитан ухаживал за ней, а соседом Майи оказался пожилой турок, обхаживавший ее усерднее капитана. Теперь все кончено, подумал я. Эти люди никогда не оставят ее одну. И все же! После обеда они удалились, и мы остались с глазу на глаз. Даже Шарлотты не было.

А что я делал? Молчал. Она сидела на стуле, держа в руке книгу. Но даже не заглядывала в нее. Каждый раз задавала мне вопросы. Но мои ответы были так скупы – и, вероятно, также малосодержательны, – что она перестала задавать их. Затем она посмотрела на меня своими огромными глазами. Мне кажется, они тоже смотрели вопросительно. Но даже после этого я не знал, что ответить.

Это выглядело так естественно, когда она принялась читать. А я ждать. Чего?

Вероятно, что стану иным, чем я есть на самом деле.

Вернулась Шарлотта. Посмотрела на мать и на меня, словно я действительно сказал то, что должен был сказать за это время, словно произошло несчастье. Во всяком случае, наше молчание она оценила таким образом. И все же при этом оно ничего не значило, кроме молчания.

В Бриндизи мы сошли на берег. Вместе осмотрели удивительно мертвый, зловещий, вызывающий страх город. Я рассказал, что знал о его истории, повсюду обращал внимание на местные красоты. И если память мне не изменяет, я весьма складно говорил об этих вещах: связанно и даже, может быть, увлеченно. Мне припоминается, что Шарлотта слушала с интересом: глаза ее снова устремились на меня, и, казалось, они о чем-то спрашивали. (Она действительно всерьез занимается античностью.)

Майя была рассеянна. Иногда – а один раз вполне отчетливо – у меня возникло чувство, будто она удивлена. Удивлена мною, моей

словоохотливостью. Сравнивала ее с прежней молчаливостью? Или хотела услышать от меня что-то другое?

Не рискую утверждать, что она так думала. Может быть, только почувствовала себя усталой от путешествия.

Ужин прошел не менее напряженно, чем обед. Капитан придерживался твердого порядка за столом – порядка, напоминавшего мне тюремный. Я был втиснут меж двух господ, не замечавших меня, не выносивших моего присутствия, вероятно, потому что им очень нравились Майя и Шарлотта, а видели они меня все время в их обществе. Слухи в любом случае. Подарили Майе и Шарлотте по букету роз, знали, где раздобыть их в Бриндизи. Прекрасно. Они ухаживали за ними. Тоже прекрасно. Я не ревнив. Я прекрасно знаю, что Майя находит крайне забавным своего турецкого соседа, как Шарлотта – своего итальянского, что они оба потешаются над капитаном. Как я. Но в этом весь я – пришел без цветов, а оба иностранца – с розами.

Вообще я могу дарить цветы только тем женщинам, к которым равнодушен: так сказать, *ex officio**.

А потом надо слышать, что эти люди говорят о женщинах. Тогда вечером – Майя и Шарлотта удалились – я услышал разговор обоих итальянцев, комендатора и гауптмана, о женщинах вообще и в частности. Они, вероятно, думали, что я их не понимаю. Нет народа, рассуждающего о женщинах более примитивно, чем итальянцы. И было невыносимо слушать, как они развивали свои теории и ссылались для примера на Майю.

(Имел ли я право требовать от них объяснений?)

Не правда ли, мой дорогой дневник, хроника 17 марта – грустная хроника?

Странная эта потребность записывать ее. Прочту ли вновь когда-нибудь то, что пишу здесь? О том, чтобы никто и никогда не прочел моих записок, я уж позабочусь! Думаю, вряд ли кто прочтет. Это выглядит так же

---

* По обязанности (*лат.*).

глупо, как и моя жизнь на судне возле этих практичных итальянцев и этой бескорыстной женщиной.

А сейчас мне необходимо знать одну вещь: призрачна ли эта женщина? Или призрачен я? Или призрачно только то, что существует между мною и нею или должно было бы существовать?

Дочь очень похожа на свою мать. Как две капли воды. Но если я говорю с нею, все существует в действительности: она, я и мы оба. Удивительное состояние – ощущение реальности! С годами я мог потерять его. Оно пришло ко мне, когда сегодня после полудня мы шли через город, когда я находил слова для того, что хотел сказать, если это касалось древней истории, – когда я снова убеждался в том, кто *мне* внемлет. Именно Шарлотта. Я боялся взглянуть на Майю. У меня было ощущение безумного страха перед призрачностью, нереальностью существования Майи.

Но я уже забыл про эту призрачность!

Едва мы ступили на корабль, как она снова была тут. *Horror vacui**. Представление как представление о бесконечности. Значит, не представление.

Исходит ли любовь из него? И если любовь становится реальной – в теории это все-таки всегда возможно – и *horror vacui* исчезнет? Но может ли любовь существовать и *тогда*?

Тогда один говорит, а другой внемлет. Есть уверенность. Нет больше ни страха, ни молчания, ни робости. Мне хотелось бы узнать, все ли люди идут подобным путем. (Поскольку не все, как я, останавливаются на полпути и делают *horror vacui* содержанием своей жизни). По сути дела, я не способен представить, например, то, что Шарлотта обретет уверенность в любви, отбрасывая только страх. Я чувствую, что она должна была бы обрести уверенность в начале любви, при ее зарождении. (Если она уже знает, что такое любовь.)

---

* Боязнь пустого пространства (*лат.*).

Но это другие люди, а не я, а я читаю в их сердцах, пожалуй, еще меньше, чем в своем собственном.

Я постоянно должен помнить о бездне, находящейся подо мной, под любым плывущим кораблем. Сотни и сотни метров. Тонкая стальная перегородка отделяет нас от этой бездны. Она позволяет нам парить так, что мы не ощущаем этой бесконечности под нами; мы плывем по упругим волнам и думаем, что обрели твердую почву. Или по крайней мере так думают другие. В самом деле, в этом путешествии по морю я снова чувствую, что эта почва – лишь призрачность, видимость. Я чувствую – в течение быстро промелькнувших тридцати лет моего путешествия по жизни, что любая твердая почва – это только видимость. Реальна только бездна.

Я ищу реальность. Почему же тогда я боюсь того, что могу назвать бездонной реальностью?

Вероятно, потому что в этой жизни – такой же бесконечно бездонной – порою встречаются вещи, несущие в себе видимость реальности. Как сегодня то, что я сказал Шарлотте и что ее в сказанном заинтересовало».

У Шарлотты запылали щеки, едва она прочла записки до конца. У нее тоже возникло тревожное ощущение нереальности, призрачности, когда – осторожно, украдкой, почти дрожа от страха, что Томас Деркли может незаметно войти в каюту, – она снова положила дневник на место; когда чуть слышно, словно вор, пробиралась по коридору и поднималась по лестнице.

«Почему, собственно, я – это реальность? – размышляла Шарлотта. – Я? Именно я, вынужденная бесконечно молчать о реальности? На этом судне, где нет никаких тайн. Где кто-то подслушивает чужие разговоры. Где кто-то знает мысли другого человека».

Она подумала о матери, которая ни о чем не догадывалась. Ни о Деркли, ни о беседе итальянцев. И тут ею овладел смех. Смеясь, шла она по темной прогулочной палубе, смеясь, поднялась по лестнице на тентовую палубу. И когда предстала перед Томасом Деркли, который сидел в

шезлонге, глубоко погруженный в свои мысли, то она и в самом деле была воплощение реальности.

– Почему вы не погасили свет в каюте, господин Деркли? – спросила она.

Он испуганно посмотрел на Шарлотту:

– Свет? Какой свет?

– Ступайте вниз и погасите лампу, – ответила Шарлотта. – Иначе корабельное начальство начнет жаловаться, что у них на борту находятся ночные бродяги, как мы с вами. И потом возвращайтесь. Как чудесно наверху.

Деркли повиновался Шарлотте, как повинуется послушный ребенок.

Уже над горизонтом поднялся Скорпион, созвездие Юга. Антарес, медно-красный, не спеша погружавшийся в туман, плыл наперекос мимо Стрельца по своду Млечного Пути. На юге сгрудились грозди сияющих звезд. Они тянулись сквозь сияние собственных лучей.

Едва Томас Деркли вернулся, он заговорил с Шарлоттой об этих звездах. И о звездном небе южнее экватора, которое знал англичанин. Оно, как уверял Деркли, не сравнимо с нашим небом: греки не дали имени этим звездам и не поклонялись им.

– Я рад, – сказал Деркли, – что вернулся под наше небо.

– Почему вы, собственно, попали под другое небо и подались в Чили? – спросила Шарлотта. – Только ли потому, что были посланы туда вашим правительством?

– И еще потому, что хотел, чтобы меня послали, Шарлотта, – ответил Деркли. – Видите ли, бывают моменты, когда в нашей жизни должны произойти важные и решительные перемены. Когда говорится: я не могу больше оставаться на земле, мне хочется на другую планету. Именно в такой момент я, по меньшей мере, сменил полушарие.

– И вам стало лучше? – спросила Шарлотта.

– Нет, – убежденно ответил Деркли. Шарлотта обратила внимание на то, что он вдруг стал увереннее рассуждать. – Мне не стало лучше в узком смысле слова, – продолжал он. – А потом – чего мне, в сущности, хотелось добиться этой переменной полушария? Я мечтал измениться. Но не думаю, что вы нашли меня другим.

Шарлотта покачала головой.

– Вот видите. В любом случае глупо думать, что место якобы может повлиять на человека. Абсолютно смехотворная мечта. Трудно возвращаться из дальних странствий, ничего при этом не получив, кроме негативного опыта.

– А почему вы, собственно, хотели измениться? – с некоторой долей иронии спросила Шарлотта.

– Потому что я был недоволен собой, – ответил Деркли.

– И все-таки хорошо, что вы не добились своего. Мы все вас так любили, прежде чем вы уехали в Чили, и очень огорчились бы, вернись вы изменившимся. Или, может быть, вы снова отправились на охоту за новой душой для себя? Скажем, в Грецию?

Деркли рассмеялся.

– Я уверена, что это так, – продолжала Шарлотта. – Правда, совершенно откровенно хочу сказать вам, *почему* я уверена в этом, дорогой Деркли. Вы ведь когда-то писали стихи, не так ли? Ах, только не качайте так горделиво головой! Только не притворяйтесь передо мной. Мне это известно. Стоит только поглядеть на вас, и все становится ясно. Впрочем, не хочу обвинять вас в том, что вы выглядите как поэт. Вы превосходный тонкий дипломат, и вам не нужно бояться отставки из-за вашей поэтической внешности. Итак, вы писали стихи. И, вероятно, все еще испытываете желание писать их. Вы не признаете этого. Даже более того: вы называете стихотворство глупостью, на которую якобы считают вас способным только ваши друзья. Хочу вам сказать, Томас Деркли, что тоже считаю вас способным на подобную глупость. Но для меня это – простите - величайшая

глупость не воспринималась как глупость. Особенно, если она прекрасна, как эта. И в том – в том, что вы прячетесь от собственной глупости, – в этом ведь тоже сказывается ваше желание измениться. Вы боялись попасть в ложное положение, в которое уже попали. Вы сочли его нереальным, призрачным. Нереальность внушает вам панический ужас. Некая форма *horror vacui*, господин Деркли!

– Откуда вы это знаете? – спросил ошарашенный Деркли, глаза его округлились и наполнились тревогой.

Шарлотта рассмеялась.

– Откуда вы это знаете, Шарлотта?

– Это знают люди, которые порой жаждут стать другими и которым могут стать призрачными, как вам.

– С вами тоже такое бывает?

– Так со мною *бывало*, но я знаю, как от этого избавиться, Деркли.

– Как? Как? – с жаром спросил Деркли.

– Мне лучше об этом не говорить, – спокойно ответила Шарлотта. – Может быть, об этом я совсем не *могу* говорить. Но мне известно, что каждого человека, который рядом со мной попал бы в такую ситуацию, – каждого человека, достаточно близкого мне, – я могла бы выручить из беды. Надо только сделать так, чтобы заставить его сделать то, от чего он страдает. Надо бы, например, заставить его писать стихи, если он объясняет, что писание стихов – глупость. Надо бы задержать его в Берлине, когда он уезжает в Чили.

Шарлотта почувствовала, что пересолила: Томас Деркли в испуге шарахнулся от нее.

– Но, может быть, все-таки следовало бы больше знать себя, – сказала Шарлотта после паузы, – чтобы не боясь говорить о подобных вещах.

После этого оба замолчали. Они сидели в шезлонгах, подставив ноги ветру и заложив руки за голову. Курили сигареты. Незаметно похолодало – Деркли спустился в каюту, чтобы принести плед.

Они просидели так уже около часа, молча, не глядя друг на друга, смотря в безбрежную даль, когда Шарлотта заметила на горизонте огонек и показала его Томасу Деркли. Это мог быть плывущий корабль. Огонек то появлялся, то, сверкнув, исчезал: прямой тонкий луч один-одинешенек долетал до них иногда, как стрела.

Вскоре они увидели, что это был свет маяка.

– Греция, – будничным тоном произнес Деркли.

Теперь все выглядело так, словно с востока над горизонтом поднялась исполинская серая тень. Она легко накрыла звезды, еще мигающие наперебой с маяком, и мало-помалу обволакивала тонкой дымкой звезды пониже, те, что повисли над самым морем. Звезды постепенно блекли. Непроницаемой и огромной становилась тень. Выше поднималась она гигантским крылом, распростертым во мраке.

Так начинался день – пока вялый и бездумный, он вплывал в звездную ночь.

Потом его первые лучи протянулись над Акрокераунским предгорьем. Море прояснилось. На тусклых волнах плыли Ионические острова. Под лучистой Венерой выгнул окутанный ночью купол вседержитель – монастырь на вершине Корфу. А на востоке над молочно-белыми, слегка вытянутыми над водой туманными Балканами, высокие горы Албании устремляли свои снежные шатры в эфир, исподволь покрывавшийся зеленым стеклом глазури, с которого звезды испарялись, как роса на утреннем небесном лугу.

Пока первые стрелы света, отраженного от сводов вершин, пронзали воздух дрожью, нацеливаясь в угасающие звезды, и мчались, вздрагивая, по волнам, появилось наконец солнце, отливая горящим золотом, как маяк дня над погруженным в ночную тьму морем.

Шарлотта и Деркли на тентовой палубе любовались этим зрелищем, не произнося ни слова. И также молча, они следили за курсом корабля в тот

день, когда «Квиринал» плыл мимо северного мыса Корфу и поворачивал в пролив, отделяющий остров сибаритов от материка.

– Волны Греции, – быстро произнес Томас Деркли.

Шарлотта кивнула.

– Я часто тосковал после этого, – продолжал он. – Часто. Так со мною всегда, словно только в этих водах можно найти покой, существующий в реальности.

– Почему? – спросила Шарлотта. Ее вопрос прозвучал резковато: так спрашивают человека, речь которого не вызывает сочувствия. – Почему, Томас Деркли?

– Не знаю, – растерянно ответил англичанин.

Шарлотта окинула его взглядом с головы до ног. Затем легкая улыбка коснулась ее губ – так самый первый луч, едва высокий вал взметнет на миг корабль, вдруг сверху тронет вершину мачты. Не больше.

Но Томас Деркли хорошо понимал, что это значило.

– Знаете, Деркли, – сказала Шарлотта. – Вам надо стать туристом. Поезжайте в чужие земли, чтобы пожить в других странах. Чтобы жить там иначе, чем вы жили до сих пор. А я могла бы дать вам в руки путеводитель, бинокль и повесить вам через плечо фотоаппарат и сказать, как Цицерон: смотрите, Корфу. Греческий остров. Упоминаемый уже в «Одиссее». Весьма достоин внимания со своими тремя звездами. Смотрите же! Пристальной, если хотите. На полном серьезе. Но будьте скитальцем. Снова плывите дальше. Нигде не бросайте якоря. Нигде не возводите нового домика для души. Поскольку живется в нем хорошо только тому, кто, подобно улитке, может носить его с собой – этот особый, самобытный, изначальный и – как мне выразиться, Деркли? – Богом данный дом души.

С этими словами она положила ему руку на плечо, дружески посмотрев на него не без легкой насмешки.

«Так это делает Майя», – подумал Деркли, как когда-то. Только с крупинкой иронии. Он чувствовал, что «домик» улитки, о котором говорила

Шарлотта, Богом данный улиточный домик для души был заполнен этой прекрасной иронией. И ему стало гораздо легче на сердце при этой мысли.

Вообще они оба не чувствовали усталости, словно не было бессонной ночи. Они признались друг другу, что по-прежнему бодры и веселы. Когда показался первый стюард, они заказали по чашке кофе, который взяли на палубу. Затем в ожидании прибытия в гавань, где «Квиринал» должен был пополнить свои запасы, они закурили по сигарете.

Когда немного погодя из каюты, расположенной на тентовой палубе, вышел капитан, он нашел обоих погруженными в созерцание здешних мест. С едва заметной усмешкой он приветствовал их.

– Удачное плавание, правда? – спросил он. – Море, какого мы не видели всю зиму.

– А небо! – сказала Шарлотта. – В Италии я никогда не видела такого лучистого неба.

– Вероятно, вы никогда не были в Неаполе, мадемуазель, – возразил капитан. – Там тоже такой же восход солнца. А поскольку я вижу, что вам не стоит труда провести бессонную ночь, чтобы увидеть чудный солнечный восход, очень советую вам в следующий раз посетить Неаполь. Там солнце прогонит любой сон!

Глаза его при этих словах загорелись лукавством, он приветливо махнул рукою и пошел на свидание со своим завтраком.

Вскоре на палубу вышла Майя. Она выглядела удивительно посвежевшей и оживленной. Светлая косынка из медово-золотистого русского шелка, ярко-красная коралловая низка очень шли к ее темным волосам. Глаза, пропитанные янтарным солнцем, исполнены были силой того доброго покоя, которого не мог потревожить даже ночной образ жизни ее дочери.

Она радушно приветствовала их.

– Ты снова встала очень рано, Шарлотта? – спросила она. – Я даже не слышала. Когда же?

Шарлотта и Деркли переглянулись с едва заметной хитрой улыбкой.

– Сказать? – спросила она его.

Деркли затряс головой.

– Ужасно рано, мама, – ответила она. – Так рано, что ты даже не представляешь. Но мистер Деркли поступил не лучше. В каюте было душно. А здесь под открытым небом так чудесно. И кроме того, мы все-таки путешествуем...

Майя была готова простить свою дочь и больше не допытывалась, каким долгим было это утро.

Между тем «Квиринал» приближался к городу Корфу, огибая каменистый остров, скрывавший его с севера. Все лучше становились видны ряды домов между крепостными стенами и кипарисами. Наконец, загромыхал якорь, падая в зелено-голубую воду на рейде.

– А теперь приготовимся к встрече с нашим дорогим доктором Хаммером, – сказала Шарлотта, обращаясь к Деркли. – Иногда он забавно выглядит, так как больше всего любит носить так называемую рабочую одежду. А вообще-то он очень и очень милый и славный человек.

Шарлотта еще не успела закончить фразы, как тут же от таможни отчалила шлюпка с шестью гребцами, она устремила к «Квириналу», обгоняя лодки. В ней находился Хаммер, приветствовавший Шоттов пальмовой ветвью.

Тогда Майя положила руку на плечо Деркли.

Шарлотта увидела, как у Деркли побледнело лицо и потускнели глаза.

Но мать ничего не замечала. Она только смотрела на него с дружеским радушием и говорила, показывая на остров и на Хаммера, лодка которого подплыла уже вплотную к судну:

– Как я рада встречать старых добрых друзей в тесном кругу своих близких.

V

ДНЕВНИК ТОМАСА ДЕРКЛИ

«На рейде Корфу, 18 марта.»

У него крупные, в прожилках, смуглые руки, покрытые белесыми волосками. Красноватая, пропеченная солнцем кожа, светло-рыжая борода и рыжевато-серебристая шевелюра. Глаза так ясны, что кажутся белыми под кустистыми бровями, и такое впечатление, что глазные яблоки у него не выпуклые, как у остальных людей, а вогнутые и смотрят внутрь. Эта голова средневекового шотландского дворянина покоится на огромном торсе крестьянина.

Он немногословен. Но когда говорит, делает это без всякой задней мысли: то, что хочет сказать, вколачивает молотом* в чужую голову. Взгляд его суров. С Шарлоттой обращается как с ребенком: ни на минуту не забывает, что она была его ученицей. С Майей тоже говорит в таком тоне, который можно было бы назвать властным. Порою чувствуется, что он привык приказывать, а она – повиноваться.

На меня он не обращает внимания. Вероятно, даже презирает. Говорит исключительно про Грецию, о ландшафте и древностях (в чем он, впрочем, разбирается необычайно глубоко) и, пожалуй, считает, что я в этих вопросах некомпетентен. Каждый раз дает понять, что заниматься политикой – сущее безумие, и даже дважды заметил, что никогда не берет в руки газет. (Камешек в мой огород. Но разве я занимаюсь политикой или читаю газеты?)

Считаю, что он точно такой, каким должен быть мужчина, желающий быть мужчиной и никем иным, и что женщины воспринимают его тоже как мужчину.

Вне сомнения, он любит Майю. Вне сомнения, она привыкла к этому и, по меньшей мере, относится к Хаммеру терпимо. Больше я ничего не знаю и знать не хочу! Он принял бы меня еще и за сумасшедшего. Однако он *здесь*.

---

* «Хаммер» по-немецки значит «молот».

Царит и повелевает. Со мной, пожалуй, стали считаться еще меньше, чем прежде: то есть я никто.

Только уж скорей бы закончилось плавание! Я ловлю себя на том, что мне вдруг хочется броситься в воду, чтобы вплавь добраться до берега, продлись поездка на час больше, чем положено. Даже когда я был с Майей наедине – наедине с ней и чувствами, о которых она ничего не знает, – судно было тесно для меня. Но там, где между нами становится Хаммер, судно превращается в камеру пыток.

Изменится ли что-нибудь завтра в Афинах?

Нет. Потом я заговорю с Шарлоттой, поскольку она очень тонко разбирается в моих тайнах. Очень тонко! С Майей говорить подожду. Это сделает в своем стиле Хаммер. Подробнее расскажу Шарлотте о себе. Может быть, расскажу все. (Берегись, Томас Деркли!) А Майе – ни слова. И все-таки, когда плавание закончится и мне не придется сталкиваться с нею на каждом шагу, когда в любое мгновение мне не придется видеться с Шарлоттой и все время шараться из стороны в сторону со своими «да» и «нет» от невозможности объясниться с Майей, когда я буду находиться среди улиц, равнин и гор, – может, на мою долю выпадет меньше страданий.

Или больше? Но тогда Майя тоже будет распоряжаться этими долами и горами, а не пароходом. У нее тоже будет широкий выбор в поисках пути. И эти пути будут уводить ее от меня.

Но, как всегда, меня согревает надежда на перемены.

Да, гудит пароход. Двенадцать часов. Плыдем по расписанию. Надеюсь, прибудем тоже по расписанию. Надеюсь, тоже по расписанию, избавиться от присутствия доктора Хаммера и в оставшееся время постараться не выдавать Шарлотте своих тайных мыслей, которые мне удавалось скрыть от нее.

Надеюсь также остаться разумным, не устраивать сцен, избавиться от бессонницы, капитана и его свиты.

Но нет никакой надежды уйти от самого себя и своей любви».

Эти строчки Шарлотта тоже прочла; когда «Квиринал» отходил от Корфу, а Деркли вышел на палубу, она прокралась в его каюту, нашла дневник на обычном месте и, стоя у двери, в лихорадочной спешке прочла его. Стюард чуть не захватил ее врасплох. Но она успела на минуту скрыться у себя в каюте. Затем снова положила тетрадь на койку, служившую высокому Деркли подставкой, положила наполовину выкуренную сигарету между страниц туда, где ее нашла, старательно прикрыла дверь и поднялась на палубу.

Последние записи поразили ее, и в глубине души она была немного возмущена. Снова то же самое: страх перед самим собой, вечные жалобы, та же внутренняя неуверенность. И – неизменно – та же любовь.

И почему она надеялась, что все могло измениться? Этой ночью? Но, несмотря на это, она, в сущности, рассчитывала на перемену весьма определенно. Разговор перед восходом солнца, как думала она, должен помочь Деркли раз и навсегда освободиться от самого себя, от своих страхов и даже от этой любви.

Но теперь вновь черным по белому написано про эту безграничную любовь!

«Все-таки я расскажу маме, – подумала Шарлотта. – Тем более теперь, когда с приездом Хаммера все стало сложнее. Если бы Деркли только знал, как безопасен и безобиден его соперник». Шарлотта очень хорошо изучила Хаммера. Как учителя, которого при всех его интересных занятиях, не всегда надо было полностью принимать всерьез, и Шарлотта думала о том, что его уже потому нельзя было принимать всерьез, что он без конца тратил свои внутреннние силы на то, чтобы выказать свое мужество, которое повергло в отчаяние Томаса Деркли.

Только поэтому Шарлотта решилась во всем открыться матери, но тут она снова оказалась в плену собственных грехов: непростительное вторжение

в святая святых Деркли. Шарлотта очень хорошо знала, что сказала бы об этом грехе Майя, очень хорошо! И на этот раз она тоже решила промолчать.

«Так-то лучше, – размышляла она. – Что бы случилось, если бы тайны «Квиринала» стали известны всем? Если бы мама узнала о том, что я прочла в дневнике Томаса Деркли? Про его любовь, неприязнь к Хаммеру, про его замечания обо мне. Его мнение о капитане и Джорджини, об отношении к турецкому посланнику. Жизнь на «Квиринале» превратилась бы в интригующую пьесу: две шпионящих женщины сообщали друг другу о бесконечных переживаниях многочисленных простодушных поклонников.

– Так-то лучше, – продолжала размышлять Шарлотта. – Пускай только я стану шпионящей бабой, и тогда последние часы на моем милом «Квиринале» ничем не будет омрачены».

Она встретила мать на нижней прогулочной палубе.

– Турок в самом деле тоже простился с тобой? – спросила Майя у дочери.

– Нет, – ответила Шарлотта, – мне кажется, я была в это время в каюте.

– Но со мной он попрощался! – засмеялась Майя. – Он был, конечно, комичен, этот невысокий седой усач; а его манера говорить старомодно и велеречиво! Мне нелегко было сохранять серьезную мину. Но, полагаю, мы все поступили с ним несправедливо. Видела бы ты, с каким жаром он прощался. Словно мы сто лет знакомы! А потом весьма настойчиво уговаривал нас приехать в Константинополь и Анкару, непросто было отказать ему. Приглашал жить у него в доме на острове Пера, в его вилле на Принцевых островах. Хотел представить нас президенту республики, и я уж не знаю, что там еще. В любом случае, он был само очарование. Подумать только, ведь он нас не знает, совсем не знает. И приглашать просто так, из одной только любезности...

– Знаешь, чего он добивался? – спросила Шарлотта.

– Чего он мог добиваться? – удивилась Майя. – Не понимаю, – спросила она с укором, – почему ты не можешь смотреть на это как на простую любезность!

Шарлота промолчала. «Так-то лучше, – подумала она. – Пусть и дальше думает так о турке и прочих».

Неожиданно появился Хаммер – тень от его огромной фигуры легла поперек всей палубы.

Ему в самом деле нравилась рабочая одежда!

Шляпа на нем по форме напоминала соломенный тропический шлем с узкой светлой окантовкой из кожи – впереди над глазами по кромке было сделано круглое отверстие, в которое была вставлена желто-зеленая слюда, лоб и нос были окрашены мистическим цветом. Доктор носил свободного покроя одежду хаки, широкие желтые сапоги и рубашку из темно-зеленой парусины с такого же цвета галстуком.

– В своем костюме, господин доктор, вы уже приспособились к местности, – сказала Шарлотта. При этом она постаралась, делая замечание, произнести фразу, насколько было возможно, подчеркнуто насмешливым тоном.

Хаммера этот укол не обескуражил. Он слегка нахмурился, свел белесые брови к переносице – в таинственном свете, падающем через желто-зеленую слюду, это выглядело довольно грозно – и произнес раздумчиво и серьезно:

– Ты, вероятно, считаешь, что в Греции можно одеваться, как на Таргартенштрассе? Или на Ривьере? Поездка в Грецию – настоящая экспедиция. И когда тебе станет известен план путешествия, разработанный анною, куда входит и плаванье на паруснике, и пешие походы, и поездка верхом в горы...

– Тогда я до смерти испугаю Ленхен, – рассмеялась Шарлотта.

– Тогда ты убедишься, что рабочая одежда более практична.

Доктор Хаммер предложил изучить план путешествия. Можно было бы устроиться в салоне с путеводителем и картами. Майя дала согласие.

– Мне хочется посмотреть, как «Квиринал» выйдет в открытое море, – сказала Шарлотта. – Мы так долго плывем по заливу Корфу, а берег совсем близко от нас.

– Это еще не настоящее греческое побережье, – тут же возразил Хаммер. – В ландшафте Корфу есть что-то от Италии. Горы на востоке албанского типа. Думаю, путешествуя по Греции, сейчас мы можем отказаться от осмотра.

Хаммер снова строго нахмурил лоб, и Шарлотте пришлось уступить, втроем они направились в салон.

Хаммер расстелил перед собой на столе карту. Перед Шоттами он тоже разложил небольшую карту с пометками, которые сделал раньше, куда были нанесены маршруты, отмечены стоянки, план поездки и проставлены даты. Путешествие, предпринятое на бумаге, оказалось долгим. В каждом пункте, который они называли, Хаммер, отложив в сторону свой указующий карандаш, принимался описывать достопримечательности, ожидавшие их там. Он снова возвращался к своим заметкам, что-нибудь зачитывал из них или из путеводителя. Или просто рассказывал об истории какого-либо места, увлекаясь описанием достопримечательностей.

Тем временем пароход не спеша скользил вдоль побережья Корфу. Шарлотта через окно смотрела на серебристые оливковые рощи, голубовато-блеклые вершины, белые кустистые облака, толпою венчавшие их. Она с удовольствием вышла бы на палубу, чтобы посмотреть на голубые волны морского залива, на плывущие в далеком мареве острова, на высокие горы Эпирского взморья, заснеженные вершины которых рассветным утром так неожиданно появились перед ней. Но неодолимо и обстоятельно, что было достойно удивления, с пристальным вниманием к большому и малому, доказывающим, с какой любовью Хаммер готовил это путешествие для своей ученицы, археолог продолжал выкладывать свои соображения.

Однако Шарлотте это надоело. Поскольку на карте не было не только настоящего ландшафта, но даже настоящего моря! Перед Шарлоттой проходила жизнь судна, с которым она была тесно связана, тайны которого она подслушала и хотела вывести их еще больше и подробнее.

В окна салона хорошо было видно, кто прохаживается по прогулочной палубе. Сначала Ленхен с Цапфом: он, должно быть, снова рассказывал ей о богине с факелом, губы его беззвучно двигались без остановки, он размахивал руками, как крыльями ветряная мельница, и в глазах Ленхен застыло безмерное удивление, однажды замеченное Шарлоттой.

Затем она увидела Томаса Деркли. Он стоял, согнувшись, заложив руки за спину. Голова была опущена, скорбный взгляд устремлен на палубу. Белокурые волосы спадали на лоб, и его светлый узкий галстук, развеваясь, касался концами его лица. Но это, казалось, ему не мешало – настолько он задумался и ушел в себя, отдавшись своим мыслям. «Даже выпуклые, самые что ни на есть обычные глаза, – подумала Шарлотта, – могут тоже чересчур долго смотреть внутрь себя». Во всяком случае, глаза Деркли не замечали ни моря, ни острова сибаритов. Изредка он бросал взгляды в сторону салона, на военный совет, в состав которого его не взяли, на мужчину, диктовавшего женщинам свою археологическую волю. Приблизительно таким курсом шли мысли Деркли. Один раз, когда он особенно грустно посмотрел на Шарлотту, она слегка улыбнулась ему. Но Деркли был слишком робок, чтобы ответить ей тем же.

«Бедный Деркли, – подумала Шарлотта. – Бедный молодой человек, робеющий перед мужчинами, как в школе ученик перед учителем!» Она от всего сердца сочувствовала ему.

От этих мыслей Шарлотту отвлекло появление капитана и Джорджини, которые прошли мимо, оживленно переговариваясь. «Уж мне-то известно, о чем оба болтают, – решила Шарлотта. – О нас, обо мне и маме. Турка нет. Одним конкурентом меньше. Роли распределятся по-новому...»

– Шарлотта, не отвлекайся! – сказал доктор Хаммер. Он обнаружил, что его бывшая ученица с каким-то безразличием взирает на разложенную перед ней карту. Как во время занятий на Тиргартенштрассе.

Голос Хаммера прозвучал так строго, что Шарлотта перевела взгляд от окна на карту и попыталась отвлечься от моря, острова, парохода, от пассажиров и их разговоров.

Капитан и Джорджини действительно разговаривали о Шоттах. На борту со времени отплытия из Венеции другой темы для беседы у них не было, и сейчас, в водах Корфу, разговор о дамах снова продолжался.

Турок сошел на берег огорченный, но исполненный учтивости.

– Он сказал, что немки ему твердо обещали приехать в Константинополь, – продолжал капитан. – Надо было видеть, как он вертелся вокруг них, как уговаривал! Должен сказать вам, гауптман, что я ничего в этом не смыслю. Натурально, берется все, что уводит от цели. Даже если это только болтовня за столом. Однако с девицами волынить бесполезно, да еще откладывать блюдо на завтра. Для меня это одни сантименты!

– Во всяком случае, турок влюбился по-настоящему, – возразил Джорджини.

– А она ему от ворот поворот! – ответил Кокчумелла. – Да еще какой! Привыкла, чтобы за ней, по крайней мере, ухаживали, и принимала это как хотела и когда хотела. И не верю ни единому слову, что они наострились в Константинополь, чтобы только ублажить его превосходительство. У них другое на уме. Перво-наперво я должен узнать, что за темную лошадку они заполучили в Корфу. Вылитый горнорабочий и, верно, немецкий профессор. Когда без передыху делаешь рейсы в Грецию, как я, субъекты такого сорта видны как на ладони: ему ничего не стоит войти в салон в своем хаки. Натурально, он тоже втюрился в эту милашку. Шумит, наводит тень на плетень и загоняет фары аж под самые брови. Но тем не менее...

– Вероятно, ему еще тяжелее, чем турку, – заметил Джорджини.

– Так-то оно так, – ответил Кокчумелла. – Но он *здесь* и долговязый англичанин тоже. И они между собой как-то прошнурованы. Скажите, гауптман, вам эта крошка все еще здорово нравится?

– *Здорово* – это вы преувеличили, – тут же ответил Джорджини.

– Я не задену ваших самых чувствительных струн, если поделюсь кое-чем из воспоминаний старого морского волка?

Джорджини покачал головой.

– Даже если речь пойдет о самом свежем блюде?

Джорджини снова отказался.

– Тогда, стало быть, скажу вам только одно, – продолжал Кокчумелла. – Что меня как стреляного воробья на мякине не проведешь. Слышу я нынче ночью шушуканье перед своей каютой, шепоток, чуть слышно и вкрадчиво так ведут свой гур-гур. Примерно под утро, около четырех, перед восходом. После – молчок. После сызнава шепот. После немой балдеж до восхода. Ну и так далее. Смекаете, кого я встретил, когда около шести выполз на палубу...

Джорджини некоторое время помолчал.

– Я бы хотел вас попросить, комендатор, – наконец произнес он, – уступить мне за столом место, которое теперь освободилось, рядом с матерью.

– Конечно, конечно, – ответил капитан. – Но позвольте узнать, как это возможно, чтобы женщина в годах смотрела сквозь пальцы на шашни своей юной дочки?

– Вероятно, вы были правы, – ответил Джорджини, – когда на днях сказали, что у них весьма странные семейные отношения.

Подшло время обеда. Когда прозвучал судовой колокол, Хаммер в нервной спешке – он еще не закончил своей лекции о путешествии – отложил в сторону карты и книги; Шарлотта тотчас устремилась на палубу полюбоваться пейзажем; Майя пошла в каюту переодеться, где ее ждала Ленхен. Затем все общество собралось в обеденной зале. Эспозито Кокчумелла, как и договорились, предложил Джорджини занять место рядом

с Майей: гауптман усердно старался одаривать Майю теми же комплиментами, которые уже наскучили Шарлотте. Хаммер, сидевший рядом с Шарлоттой, молчал. Он охотнее разговаривал со своей ученицей с глазу на глаз; английский дипломат с мечтательным взором, усевшийся слева, вызывал в нем антипатию. Оттачивая свой скверный французский в беседе с Шарлоттой, Кокчумелла прерывал разговор, поскольку его рот должен был поглощать уже седьмое блюдо меню и не позволял отвлекаться на другие дела.

Во время обеда радист принес капитану радиogramму. Комендатор нацепил на свой толстый нос голубые кругляшки пенсне и, нахмуря лоб, пробежал глазами содержимое радиogramмы. Прочтя текст, он на минуту задумался.

– Господа, это сообщение заинтересует вас, – любезно произнес он наконец. – Могу ли я просить вас пройти в мой небольшой салон и выпить у меня кофе, с тем, чтобы обсудить содержание депеши?

Майя удивленно взглянула на него, но тут же поблагодарила за приглашение. Кокчумелла поднялся и вышел на капитанский мостик.

Естественно, за капитанским столом гости тут же начали строить догадки.

– Одно из двух – худые или хорошие вести? – спросил Деркли.

– В любом случае что-то интересное, – сказала Шарлотта.

– Может быть, политические новости, – предположил Джорджини.

– Крайне скверно, – рокотал бас Хаммера.

– Мы непременно узнаем, – разъяснила Майя. – И, безусловно, со стороны капитана было весьма любезно довериться нам.

Когда стол был убран, приглашенные постепенно собрались вместе на тентовой палубе. Между тем «Квиринал», плывя мимо Корфу, миновал большую часть пролива. Горная цепь острова выходила на юг белым мысом в открытое море, гору тянулись через два острова, поросшие оливковыми

рощами, расстилавшимися подобно шелковой дымке над водой. С востока горная цепь тоже понижалась к югу. Было видно серебристое устье реки.

– Ахерон, – глухим голосом произнес Хаммер. – Ты помнишь, Шарлотта, что древние считали Ахерон рекою, текущей в преисподней?

Деркли испугался. Он вообще испытывал неясный страх перед сообщением капитана, а близость потока, текущего в царстве Аида, о котором зловещим голосом предупредил Хаммер, и вовсе вывела его из душевного равновесия.

Шарлота заметила его испуг и решила сменить тему разговора.

Но тут белая дверь салона распахнулась, и стюард пригласил гостей пройти в каюту капитана.

Это было небольшое прямоугольное помещение, окрашенное в светлые тона, с рыже-бурой оконной рамой и зелеными гардинами, какие висели во всех каютах парохода. Но обстановка была далека от будничности, принятой на «Квиринале»: все было рассчитано на то, чтобы заставить забыть про море и жизнь моряка на нем. Беспорядочно расставленный гарнитур из стульев с выгнутыми ножками и небольшая софа, обтянутая коричневым с цветастыми узорами бархатом. Чтобы этот вольный беспорядок при качке не превратился в невольный беспорядок, мебель была прикреплена к стенам массивными латунными скобами. Вообще пространством здесь владели латунные скобы. Хрупкий столик, этажерка на тонких паучьих ножках, изящные безделушки из стекла и фарфора, большой букет увядших цветов в китайской вазе, стоявшей на точеной колонне, – все эти необычные предметы держались массивными латунными скобами и петлями. На стене висели огромная, чуть подретушированная, увеличенная фотография супруги капитана в широкополой шляпе с пером, вытянутая почти во всю стену панорама Неаполя, инкрустированная перламутром (извержение Везувия имитировалось в помощь медных пластинок), королевский патент, гласящий, что Эспозито Кокчумелле пожаловано звание комендатора.

Капитан с большой торжественностью предложил своим гостям занять места. Кофе уже был разлит в чашечки, украшенные орнаментом в стиле ложного рококо, их трудно было держать в руках. К столу был подан покрытый зеленоватой глазурью и украшенный сахарными фиалками бисквит и бутылка сладковатого ликера, на этикетке которой было написано «Колдунья» - ликер оправдывал свое название.

Необычная светская жизнь, которую комендатор чудом поддерживал с своем скромном салоне, не рассеивала сегодня в нем тревожного настроения. Стюарды, прислуживающие здесь, проходили с испуганными лицами: капитан недовольно хмурился при каждом их жесте. Так продолжалось недолго, пока Кокчумелла внутренне не собрался, спокойно сел, сделал глоток из чашки, с трудом проглотил кусочек бисквита и наконец начал речь, которую он мысленно обдумывал с четверть часа.

– Вы знаете, господа, – так начал он, – что я получил радиogramму от нашей судоходной компании. Это поставило вас и меня, а также всех пассажиров перед выбором. Прежде чем дать ознакомиться с сообщением всему кораблю, мне бы сперва хотелось поговорить с вами.

«Военный совет на борту корабля, – подумала Шарлотта. – Все же капитан у нас прелесть».

– Итак, – продолжал Кокчумелла. – Итак, господа, компания дала мне приказ следовать не напрямиком в Афины, а окольным путем через остров Крит. Там, в порту Кандия, находится солидный коринфский груз, который немедленно должен быть доставлен в Пирей. Компания не может позволить себе лишиться такой прибыли.

– Неслыханно, – пробормотал Хаммер.

Но фрау Майя, чтобы успокоить доктора, положила ему на плечо руку, и археолог разрешил капитану продолжать.

– Остальные корабли не успеют вовремя исполнить приказ и прибыть в греческие воды, поэтому «Квиринал» будет следовать кружным маршрутом. Как вы знаете, сегодня вечером мы прибываем в Патры. Вместо того, чтобы,

как обычно, воспользоваться путем через Коринфский пролив, мы поплывем в Кандию вокруг Пелопоннеса. Там мы день грузимся и только тогда следуем курсом на Афины. Так что наше плавание продлится еще три дня. Стало быть, в Пирей мы едва ли попадем до вторника. Компания готова возместить все убытки на поездку сухопутным путем. Высадку, отель, проезд поездом и так далее. Она также готова взять вас с собою на Крит, чтобы у вас из-за продления маршрута или из-за питания не возникло никаких дополнительных расходов. Вот эти два сообщения. Мне очень неприятно сообщать вам эти новости – ведь наше путешествие протекло столь безмятежно. Не так ли, фрау?

– Ну, конечно, дорогой капитан, – ответила Майя. – Во всяком случае, вас не должно тревожить, что мы как-то... Вы могли бы и не говорить об этом!

Шарлотта украдкой изучала лица присутствующих, пыталась по их выражению узнать, какой ответ они готовы дать на сообщение капитана. Томас Деркли, на которого она взглянула позже всех, побледнел. Его глаза неестественно округлились; его длинные ноги, как всегда переплетенные одна с другой, немного подрагивали. Шарлота прекрасно знала, что происходит в его душе! Конечно, на судне ему было невмоготу, он стремился в Афины, чтобы обрести свободу и избавиться от общества Хаммера. Но если сейчас мама и Хаммер решат плыть кружным путем на Крит? Найдет ли Деркли мужество решиться сойти на берег в Патрах?

Она поняла, что лучшее средство защиты Деркли – нападение.

– Я, собственно, за то, – сказала она вполголоса, – чтобы ехать прямо в Афины.

Деркли с благодарностью взглянул на Шарлотту.

– Почему? – крайне резко возразил Хаммер. Он успел уже сменить свои планы в пользу Крита. Но спохватился, вспомнив, что сначала должна высказаться Майя, и обратился к ней:

– Что вы думаете об этом, фрау Майя?

– Предоставляю решение вам и Шарлотте, – ответила Майя. – Я хорошо чувствую себя на судне. А впрочем, с удовольствием готова путешествовать и по суше... А вы, Деркли?

Деркли не нашелся, что ответить.

– Сколько мы пробудем в Кандии? – прервал их Джорджини.

– Хватит ли у нас времени, чтобы что-нибудь осмотреть на Крите, господин капитан? – спросил Хаммер.

Капитан разъяснил, что для погрузки корабля достаточно будет суток.

– Короче, – сказала Шарлотта. – Короче говоря, господин доктор, что можно увидеть за двадцать четыре часа?

– Не так уж мало, Шарлотта, – ответил археолог. – В первую очередь музей. Тебе известно, что в нем находятся бесценные образцы миносского искусства. Прежде чем начать изучение настоящей Греции, у нас есть возможность ознакомиться с истоками греческой культуры. А потом Кносс! Лабиринт, дворец! Ты же видела, что я из-за недостатка времени не успел внести Крит в план нашего путешествия. А теперь такая возможность у нас появилась, и мы по крайней мере получим представление об этом, проезжая мимо Крита.

Конечно, Шарлотта была несказанно рада тому, что им предстоит плыть окольным маршрутом. Она полюбила «Квиринал» и морские будни. Она мечтала о непредусмотренном плавании вокруг Пелопоннеса, о выходе в морской простор, на знаменитый остров. Но рядом с ней сидел Деркли, который все больше бледнел. Ей даже показалось, что он смотрит на нее большими испуганными глазами, умоляя о помощи. И тогда она решила настаивать на высадке в Патрах.

Но ее аргументы были неубедительны: не было ни малейшей необходимости в том, чтобы Шотты тут же прибыли в греческую столицу. Хаммер отстаивал свою точку зрения. Его глаза стали еще прозрачнее, чем обычно, он слегка сжал свой рот, и рыжеватые волосы его бороды попали

ему в губы, и все присутствующие ясно понимали, что он ни за что не отступится от своего.

– Я удивлен, Шарлотта, – сказал он, – что ты намерена упустить подходящий случай. У нас еще хватит времени, чтобы прибыть в Афины во вторник. Акрополь дожидался тебя два с половиной тысячелетия – подождет три-четыре дня.

– Но это вовсе не значит, что могу ждать я, – возразила Шарлотта.

– Со своей стороны, – объяснил Хаммер, обращаясь к Майе, – я не хочу ни при каких обстоятельствах упускать возможность осмотреть Крит. Если вы, фрау Майя, предпочитаете с Шарлоттой ехать прямо в Афины, я попросил бы вас подождать меня там до вторника.

Шоттам пришлось принимать решение, не откладывая его в долгий ящик. Мысль, что они приедут в Афины одни, была для Майи неприемлема. Тогда она решила обратиться к Шарлотте:

– Представь-ка, Шарлотта, каким прекрасным будет это плавание. Ты все-таки говорила, что *морское* путешествие тебе дороже всех остальных путешествий.

– Неужели? – удивился Хаммер. Он высоко вскинул брови. Борода его дернулась, задиристо взметнувшись выше подбородка.

– Неужели? Морское путешествие?

– И археология, разумеется, тоже – смутилась Шарлотта.

– Об археологии не может быть и речи, – ответил Хаммер. – Такой кружной путь – исключительно счастливый случай. Я бы на твоём месте – то есть на месте будущего археолога – ни секунды не колебался. Не так ли?

Шарлотта не знала, что ответить.

Тем самым сражение закончилось в пользу сторонников поездки на Крит.

«Что предпримет Деркли? – подумала Шарлотта. – Как поступит бедный Деркли?» Она вспомнила несколько фраз, которые прочла перед этим в дневнике: «не устраивать сцен», «вплавь добраться до берега», «стать

сумасшедшим». «Нет, – размышляла Шарлотта, – он не выдержит. Поедет прямо в Афины. И кто знает, что тогда будет и где мы с ним снова встретимся».

В любом случае она боялась спросить англичанина о его планах. Тогда она обратилась к Джорджини:

– А вы, господин гауптман?

Джорджини сначала поклонился Майе, потом Хаммеру и ответил:

– Я воспользуюсь тем, чтобы совершить путешествие в столь приятном и столь благородном обществе.

– И я, – смиренно согласился Деркли, в крайнем напряжении сжав губы. – Я тоже, мне давно хотелось увидеть Крит.

– Для политика остров не представляет интереса, – пробурчал Хаммер.

– Совсем напротив, – возразил англичанин, внезапно решившийся побороть свою робость. – Им весьма интересовались когда-то, господин доктор. В период венецианского могущества. Вам знакомы дипломатические послания о Крите венецианского губернатора к его светлости?

Хаммер не ответил.

– Образец настоящей дипломатии, господин доктор. Мне было бы крайне интересно изучить страну, которой управляли эти умные люди.

– А тогда доктор Хаммер все нам подробно покажет! – внезапно обрадовалась Шарлотта. – Не правда ли, господин доктор? Музей и Кносс, и...

Хаммер кинул благосклонный взгляд на свою ученицу и разразился негромким торжествующим смехом.

– Мне все-таки кажется, – сказал он, – что тебе это доставило бы удовольствие.

По-своему был доволен Эспозито Кокчумелла: он уже опасался, что останется один во время плавания вокруг Коринфа. Тотчас же он велел позвать второго помощника и приказал ему огласить радиogramму остальным пассажирам.

Выйдя из салона, Майя увидела Ленхен, узнав о перемене маршрута, она заливалась горячими слезами, сидя на скамейке.

– Ради Бога, Ленхен, что с тобой? Что случилось, Ленхен? – спросила она служанку.

– Сегодня вечером мы должны сойти, – пожаловалась Ленхен. – Сойти на берег в потемках, в чужом городе! Мы поедем в поезде совсем одни одинешеньки...

– То есть как одни? – спросила Майя.

– Нас некому защищать, некому сказать доброго словечка. Только с доктором Хаммером, он, конечно, знает толк в древностях, но в остальном...

– Но мы же не едем поездом, Ленхен, – успокоила ее Майя, – мы плывем на Крит.

Ленхен просияла от счастья.

– К тому же я думала, что тебе не нравится на судне и не по душе все, что связано с ним.

– Но господин Цапф все-таки остается на корабле, – ответила Ленхен. – Как подумаю, фрау, что мы, три бедные женщины, оказались бы без такого защитника, как господин Цапф, съевшего на этой Греции собаку!

Когда в душе Ленхен воцарился мир, Майя вернулась в маленькую компанию путешественников, поставленных радиogramмой капитана перед трудным выбором. Деркли озабоченно мерил палубу широкими шагами и вскоре исчез в своей каюте, чтобы доверить дневнику свои тревоги. Хаммер расположился в салоне и рылся в картах и книгах, намереваясь подготовиться к тому, что ему предстояло увидеть на Крите. Майя осталась рядом с ним, слушая его рассказ.

«До чего везучий, – решила Шарлотта, – может преподавать археологию именно маме, одержал выдающуюся победу в салоне у капитана!»

Сама она оставила мать и учителя и послеобеденное время провела в созерцании пейзажа.

Солнце уже клонилось к западу. Не слишком сильный ветер, постоянно дующий с юга, гнал волны по поверхности моря, нанизывая друг на друга и прокладывая остроконечные буруны, набрасывая решетчатые тени на морские луга. Вода казалась почти черной – непроницаемые тени взлетали от волн, порождаемые заходящим солнцем. И белоснежное оперение гребней испуганно исчезало, рассеиваемое ветром на сумрачной почве, заставляя волны казаться более темными. Пароход словно прокладывал курс сквозь густую водную массу, с тугим напором не дававшую ему продвигаться вперед.

Море, голубое в других широтах, изумрудное, как великолепное небо, как нетронутая лесная поляна, в этот вечер встречало путешественников в ионийских водах, как твердый грунт. Судно точно парило, вода была бездонной, небо – отражающим зеркалом. А какой нереальной и призрачной жизнью жили острова, дрожащие в мареве: Левкас, Итака и гористая Кефалония! Их фиолетовые вершины и золотистые берега на горизонте были похожи на изогнутые растения из прозрачного кристалла. Ветер, овеивая их, казалось, может подбрасывать их над волнами, как гигантские медузы из тонкой прозрачной ткани, как четко очерченные по кромке облака, окрашенные в синеве бесконечного неба в сферическом сиянии.

Шарлотта замороженно наблюдала, какой реальной могла быть вода и какой призрачной – земля: блеск волн становился непроницаемым, а острова насквозь были пронизаны лучами; как жизнь скал претворялась в прозрачный кристалл, а жизнь моря – в непроницаемую осязаемую материальность.

И то, что говорил и писал о реальности Томас Деркли, Шарлотта пыталась привести в соответствие с этим взаимопревращением.

VI

На закате, ближе к полуночи, «Квиринал» оставил Патры. Небо помрачнело, воздух стал непроницаемым и влажным, пронизывающий норд-ост трепал волны у пелопонесского взморья. Когда пароход, защищенный от ветра островом Закинфом, миновал его, он попал под удары морских валов, отбрасывавших его назад и взмывал верхом на их гребнях, жаждущих раздавить и поглотить его.

Для пассажиров это была беспокойная ночь.

Майя тяжело переносила беспорядочную и резкую качку. Каждый раз она просыпалась от испуга, когда где-нибудь громыхали цепи, хлопали двери или в борт ударял тяжелый предмет. Деркли лежал на койке, подавленный и обессиленный, будучи не в состоянии поведать, как обычно, свои грустные мысли дневнику. Джорджини заболел в буквальном смысле слова. И Ленхен так страдала от морской болезни, что ей казалось, будто она умирает: запертая в каюте, она пребывала в ужасе и страхе.

Только Шарлотта провела ночь спокойно. Вечером она долго смотрела в иллюминатор – на сумрачное море, на седые гривы волн, призрачно освещенные лучами судовых фонарей. Потом она погрузилась в сон, ей снился шторм где-то в мировом океане, в полудреме она путешествовала по дальним странам. Проснувшись на рассвете, она продолжала оставаться в койке: небо было дождливым, море беспокойным, берега не было видно, так что на палубе ее ничего приятного не ожидало. Мысли были заняты ночными сновидениями.

Так продолжалось до тех пор, пока она вдруг не услышала над своей головой шаги: туда-сюда, взад-вперед.

«Снова Деркли? – подумала она. – Уж не провел ли он и эту ночь на палубе и не ждет ли меня снова, чтобы рассказать о том, о чем, в сущности, он не хотел мне говорить? И чего я даже не хотела слышать?»

Шарлотта понимала, как было мучительно и невыносимо настоящее признание Деркли, если бы он больше не доверял свои мысли черной клеенчатой тетради, разделявшей их сейчас, а без посредника доверился бы ей сам; если бы она сама услышала о том, о чем только читала до сегодняшнего дня: о любви Деркли к ее матери.

Она решила оставить Деркли в одиночестве.

«И все-таки жаль, – рассуждала Шарлотта. – Будь он разумнее и не позволь этой любви так сильно завладеть собою, не будь его желание рассказать – именно мне! – так огромно, как прекрасно мы провели бы с ним время!»

Шарлотта с наслаждением вспоминала прошлую ночь и сияющий восход солнца над Корфу. Он был совсем не похож на сегодняшнее утро с его сумрачным небом и взлохмаченным морем.

Хотя качка в сумерки стала слабее, но все-таки она ощущалась тем, кто сносил ее, лежа в койке. Майя очнулась от беспокойного сна, подняться не было сил, и Шарлотта заставила ее позавтракать в постели.

Затем она помогла матери привести себя в порядок: на Ленхен все еще нельзя было рассчитывать. Шарлотта принесла шаль, взбила подушки, поправила одеяло. Позднее, когда она вышла на палубу, ей бросилось в глаза, что даже огромный и крепкий доктор Хаммер раскис: его красноватая кожа отливала зеленью, как подмалевок, просвечивающий на лицах старинных портретов. Он сохранял серьезный вид, взгляд был, как обычно, сосредоточен. Ему трудно было противостоять морской болезни. Остального он не желал замечать.

– Простое усилие воли, – обратился он к Шарлотте. – Сосредоточиться, стиснуть зубы. Дышать свежим воздухом, думать о другом. Сосредоточенность – долой представление о том, что море желает нам зла. Смотри, с таким рецептом я совершенно здоров.

Шарлотта подумала о том, что она тоже вполне здорова без всяких волевых усилий. Но не рискнула сказать об этом вслух.

– У кого хоть минимум умственных способностей, – все так же рассуждал Хаммер, – тот тоже владеет минимумом воли. Поэтому слабоумные заболевают морской болезнью в большинстве случаев первыми. Причем в очень тяжелой форме. Например, Ленхен. Потом болезнь берет в плен таких, как Деркли, изнеженных. Наконец...

– Но мама тоже чувствует себя неважно, – прервала его Шарлотта.

– Поскольку она верит, что морская болезнь существует! – возразил Хаммер. – Верит, что для пассажиров это неизбежно, и покоряется неизбежности. Потому что она еще не знает моего рецепта. Но я расскажу ей, как это делаю я. Увидишь! Как ты думаешь, могу я сейчас спуститься к ней?

В сущности, Шарлотта считала, что матери утром лучше побыть одной. Но она ответила, слегка смущаясь, как всегда, когда говорила со своим учителем:

– Как вы считаете нужным, господин доктор.

– Убежден, что смогу вылечить ее от так называемой болезни, – энергично объяснил Хаммер. – Я чувствую это. Но при условии, что останусь с ней наедине, что повлияю на нее, как надо, если нам никто не помешает. Ты, конечно, не станешь мне мешать?

Шарлота обратила внимание, что последнюю фразу Хаммер – вопреки своей привычке – произнес мягко и просяще.

- Нет, – ответила Шарлотта, – я не стану мешать.

И повела его к матери.

Такая каюта была слишком тесной для огромного Хаммера. Ему пришлось согнуться, когда он переступал порог. Он долго осматривался, тщетно пытаясь найти себе место, где бы можно было усесться, пока, наконец, не устроился на краю туалетного столика. Его ноги заняли всю каюту, он сидел, сгорбившись, под небольшой деревянной полкой, на которой стояли стаканы.

– Если бы мы захотели остаться здесь втроем, – сказала Шарлотта, – вероятно, нам пришлось бы спорить, где кому сесть. Лучше я пойду на палубу.

– И еще потому, – ответил Хаммер, – что против морской болезни нет ничего лучше, чем свежий воздух.

Шарлотта вышла и закрыла за собою дверь.

– Вы тоже неважно себя чувствуете? – удивилась Майя.

– Все плохо себя чувствуют, – с ударением произнес Хаммер. – Все! Море действительно ночью разбушевалось. Но люди легко поддаются морской болезни. Нужно сознательно противостоять ей, нужно просто сказать себе: болезни нет! И тогда наступит улучшение.

– У меня только небольшая слабость, – сказала Майя. – И больше ничего. Но я, разумеется, должна лежать.

– Неужели так лучше? – спросил Хаммер. – Может быть, это – простите! – только химера, как всякая морская болезнь вообще? Я в этом почти убежден, фрау Майя.

– В таком случае мне хотелось бы, чтобы вы хотя бы пару минут побыли на моем месте! – отпарировала Майя. – Вы бы поняли, что я в самом деле не в силах подняться.

Хаммер нахмурился; его рыжая борода вздрогнула, как пламя, и он резко выгнул брови. Глаза его осуждающе устремились на Майю, когда он заметил, как прозрачна и светла, словно морская раковина, ее кожа под роскошным сводом черных точно смоль волос. Он взирал на Майю с удивлением, стараясь скрыть то, что ему хотелось сказать.

В тот же момент судно огромной волной швырнуло вперед по наклонной плоскости, и Хаммер стиснул зубы.

Майя еще больше побледнела.

– Но и вы тоже неважно выглядите, дорогой Хаммер, – наконец произнесла она. – Может быть, вам тоже стоит прилечь?

Хаммер молча покачал головой.

– Вам здесь ужасно неудобно сидеть, согнувшись, – сказала Майя. – Правда, весьма мило с вашей стороны, что вы пришли проведать больную. И все-таки, вероятно, будет лучше, если вы снова выйдете подышать свежим воздухом.

Хаммер снова покачал головой.

Вновь нагрянула огромная волна, вновь Майя увидела напряженное лицо Хаммера. Удар волны подействовал и на нее, она откинула голову на подушку и на секунду закрыла глаза.

– Неприятное ощущение, – сказала она. – Впрочем, я не боюсь, что станет хуже. Я тоже могу сосредоточиться. И лежать мне в самом деле лучше. Но замечу, что, когда прогуливаюсь по палубе и смотрю на берега, я чувствую себя здоровее.

– А я нет, – раздраженно ответил Хаммер. – Я нет, фрау Майя.

Майя удивленно взглянула на него. Почему Хаммер произнес эти слова *таким* тоном?

– Мне не хочется на свежий воздух, – продолжал Хаммер. – Не хочется видеть людей. И вообще никого не хочется видеть. Вы же знаете, фрау Майя, что мне претит любая болезнь. – И не спеша добавил: – Вы можете себе представить, что я, несмотря на это, благодарен болезни?

Ничего подобного Майя представить не могла.

– Можете себе представить, что я даже рад болезни? Нет? Нет, фрау Майя! Так я вам скажу, почему. Потому что я благодаря болезни могу хоть раз побыть с вами наедине. Потому что я благодаря болезни могу кое о чем с вами поговорить, что важно для меня.

– Важно? – чуть слышно спросила Майя.

– Крайне! – ответил Хаммер. – Крайне! Решающе важно, фрау Майя.

Хаммер снова замолчал. И на этот раз весьма надолго.

«Что может быть такого важного, – подумала Майя, – чтобы Хаммер решил поговорить со мной с глазу на глаз?» По сути дела, им никогда еще не приходилось беседовать без свидетелей. Как и раньше в Берлине. Никогда не

было ни возможности, ни повода, ни желания для этого, поскольку обучение Шарлотты шло так гладко, что лучшего и желать было нельзя. И если возникала необходимость поговорить об этом, обсуждалось ее мужем и Хаммером. А как же иначе? Почему бы они в другом случае должны были говорить наедине? И что хотел сказать Хаммер этим – «важно, крайне важно», даже «решающе важно»?

Собственно говоря, в Майе проснулось любопытство. И легкий страх. И поэтому она спросила:

– Вы находите, сейчас настал подходящий момент?

Хаммер кивнул головой.

– Сейчас, когда и вы, и я так больны? И к тому же в этой тесной каморке?

Услышав вопрос, Хаммер устремил на Майю жаркий и пронзительно напряженный взгляд и сказал тихо, еле слышно, подчеркивая каждое слово:

– Майя, теперь или никогда!

И Майя пришла в ужас. Не столько от этого «теперь или никогда» – в глубине души ей это показалось смешным, – сколько от того, что Хаммер сказал ей не «фрау Майя», как обычно, а просто «Майя». Она так привыкла к этому старомодному обращению «фрау Майя», немного напоминавшему ей рыцарские романы. Она давно свыклась с таким обращением Хаммера и полагала, что это полностью совпадает с его образом тевтонского героя, подходит к его бороде Барбароссы цвета настойки барбариса. Почему вдруг он обратился к ней не так, как прежде? Почему он назвал ее только по имени?

Она поняла, что ничего хорошего ждать не приходится.

Хаммер завел речь издали:

– Всю ночь сегодня у меня была бессонница, – начал он. – Не потому, что мешала качка. Ни в коем случае. Благодаря активной сосредоточенности я полностью владел собой. Не спал я потому, что размышлял о том, что я

сейчас скажу вам. Это было нелегкое и основательное размышление. Однако оно привело меня к выводу, что я должен решиться и рассказать *все*.

Здесь Хаммер на мгновение смолк, как бы собираясь с мыслями. Затем продолжал:

– Все! Даже то, что могло бы выставить меня перед вами в невыгодном свете. Даже то, что я не так уж хорош, каким кажусь. Это касается Шарлотты.

Майя была в страшной панике.

– Да, Шарлотты, – суровым тоном подтвердил Хаммер.

В голове Майи мысли лихорадочно сменяли одна другую: значит, ее муж был все-таки прав? И если Хаммер в самом деле влюбился в Шарлотту? А Шарлотта, вероятно, в него? В таком случае, почему он обвинил себя в том, что «не так уж хорош»?

– Я хочу сказать и о своем ремесле, об археологии, – продолжал Хаммер. – Вы знаете, я слишком серьезно отношусь к ней, целиком и полностью живу только ею. Но, признаюсь вам, однажды в своей жизни все-таки вероломно изменил предмету своей научной страсти, я обманул науку! И это касается Шарлотты.

«Не очень-то утешительное сравнение», – решила Майя.

– Впрочем, вы знаете, что я всегда считал Шарлотту развитым и одаренным ребенком. И считаю до сих пор. Но все же замечу, что ее интерес к археологии надуман. Хотя в этом не ее, а моя вина! Да, моя! Я искусственно подогревал в ней этот интерес. Я ухаживал за ней, как за растением, посаженным в почву, для него не пригодную. Я прямо-таки насильно – с сознательным упорством – засаживал ее за обучение и хитростью устроил это путешествие, которое я назвал археологическим. Вы думаете, я сделал все это вслепую, в бесконечном восторге от своей науки? Никогда! Трезво, расчетливо, планомерно я разжигал и поддерживал в ней этот интерес. И все это я совершал вопреки тому, что прекрасно знал, что мог

бы так же успешно вдохновить Шарлотту на что-нибудь другое или вообще ни на что не вдохновлять.

Здесь Хаммер снова замолчал, посмотрел себе под ноги, прищурил глаза. Он напряженно размышлял, словно пытался сосредоточиться на одной-единственной мысли.

– Если бы я только могла понять, – сказала Майя, – *почему* вы так поступали, дорогой Хаммер.

– Уж я-то это понимаю чересчур хорошо, – ответил Хаммер и умолк.

– Боже мой, в любом случае мне необходимо подумать, – серьезным тоном произнесла Майя. – В любом случае я *должна* подумать. Вам хотелось занять мысли человека, интересного для вас, такими вещами, которые были смыслом всей вашей жизни. Мне это понятно. И тогда вы подумали о путешествии...

– Да, Майя, именно о путешествии! – внезапно оживился Хаммер.

– Вам хотелось показать ей все, что так важно и дорого для вас, – продолжала Майя. – Чтобы она что-то приобрела из этого, что-то осознала. Так?

Хаммер не отвечал.

– И вы поняли, что пароход интересуется ее больше, чем археология. И вот вы сожалеете...

– Я вовсе ни о чем не сожалею! – возразил Хаммер.

Майя серьезно посмотрела на него.

– Вам ничего не жаль? – с мягким упреком спросила она.

– Нет! – воскликнул Хаммер. – Нет, Майя! Я добился того, чего хотел. Мы наедине! Мы плывем вместе в этом прекрасном греческом краю! Мы будем вместе неделями с этими островами, горами и богами. Мы сможем беседовать друг с другом столько, сколько нам захочется. О самих себе, о смысле жизни. Никто не посмеет помешать нам. Никто не имеет права на нас. Ни один человек не встанет на моем пути. Здесь я буду тем, какой я есть. Здесь я стану говорить так, как думаю. Здесь я тоже скажу вам...

– Вам ничего не нужно говорить об этом, – прервала его Майя. – Я понимаю все, дорогой Хаммер. Но и вы тоже должны понять...

Хаммер порывисто поднялся.

– Вы должны понять, мне сначала нужно привыкнуть к этой мысли, я должна прийти в себя.

– Прийти в себя?! – воскликнул Хаммер.

– Видите ли, дорогой Хаммер, – сказала Майя, – это как гром среди ясного неба, не так ли?

– Как гром среди ясного неба?! После стольких лет, Майя?!

– Да, дорогой Хаммер, я ведь совсем ничего не знала. И, кроме того, Шарлотта даже не намекала мне на такое.

Хаммер выпрямился во весь свой огромный рост. Его гигантская фигура заполнила тесную каюту от пола до потолка. Он бросил на майю безумный, страстный взгляд.

– Вот видите, дорогой Хаммер, – очень мягко произнесла Майя. – Мне тоже хочется узнать, что думает об этом Шарлотта.

– Шарлотта?! – вскричал Хаммер. – Шарлотта?!

Тут только Майя обратила внимание на его глаза, сверкавшие стальным блеском. И ужаснулась.

– Что думает Шарлотта о моей любви к ее матери?! Могу только сказать одно, Майя, что мне это абсолютно безразлично!

Майя повернула голову. Она всматривалась в огромного человека, стоявшего перед нею, сначала тревожным, потом добрым, полным удивления и дружеского участия взглядом. После долгой паузы она проговорила:

– Но вы же не можете утверждать это всерьез, Хаммер?

Ее взгляд, тон и слова заставили Хаммера покраснеть:

– Не всерьез, Майя? – с отчаяньем в голосе спросил он.

Немного погодя он произнес оскорбленным тоном:

– Но вы, вы, разумеется, не знаете, что такое всерьез. Я должен был бы знать, Майя. И все-таки вы поймете, что значит не принимать всерьез такого человека, как я!

С этими словами Хаммер схватился за ручку, рванул дверь и бросился прочь.

Через несколько секунд он просунул свою огромную голову в дверь и воскликнул:

– Между нами все кончено, Майя! Кончено! И никакая Греция не примирит нас!

После этого дверь снова дрогнула от удара.

«Что это значит? – подумала Майя. – Что это хоть должно значить?»

Но огромный вал раз-другой взметнул пароход на свою вершину, перебив мысли Майи. С полки упал стакан. Она почувствовала себя очень плохо, вынуждена была снова лечь и закрыть глаза. Усилием воли она поборол приступ.

«Было бы лучше, – подумала Майя, – если бы он мог в своей речи сосредоточиться так же, как перед морской болезнью».

В коридоре Хаммер столкнулся с Деркли, выходящим из каюты. Он услышал гроыхающий бас археолога, смертельно перепугался, в ужасе увидев, как Хаммер выскочил из двери Майи, чуть не опрокинув англичанина.

– Фрау Шотт плохо? – едва слышно спросил он.

– Об этом вы могли бы справиться уже сегодня утром! – грубо ответил Хаммер и понесся дальше.

Через полминуты кто-то постучался в дверь к Деркли. Это был Джорджини.

– Что произошло? – спросил он, чуть улыбаясь. – Вам что-нибудь известно?

Деркли покачал головой.

– Я слышал, как доктор Хаммер слишком громко разговаривал.

Деркли снова не нашелся что ответить.

Итальянец подергал кончиками усов, тихо засмеялся, уголки губ у него слегка дрожали. Словно он хотел сказать: конечно, известно! В любом случае известно!

Затем он повернулся и вышел.

Сразу после этого

ДНЕВНИК ТОМАСА ДЕРКЛИ

пополнился новой записью:

«На борту «Квиринала», 18 марта, утром

Конечно, известно! В любом случае известно! Даже такой человек, как Джорджини, с наглою подергивающимися усиками, и тот знает, что Хаммер – любовник Майи.

Единственный, кто не знает этого, – Томас Деркли.

Единственный, кто так наивен. К тому же между ними уже происходят семейные сцены и шумные скандалы. Только что Хаммер оставил ее каюту ужасно взволнованный, после того как я еще раньше услышал его залиvistый голос. Только что он оттолкнул меня – так отталкивает хозяин своего слугу. Как может поступить человек, уверенный в своих правах. И все из-за того, что я позволил себе спросить о здоровье Майи.

Мне даже этого нельзя – он давно имеет исключительное право на нее.

У меня ничего нет, совсем ничего. Мне даже отказано в собственном «я».

Я слишком надеялся на разговор с Шарлоттой, на ее совет и участие. Но я догадывался, что мне откажут и в этой надежде. И моя беда в том, что единственный человек на земле, которому я могу доверять, как нарочно, дочь Майи. Отношения человеческие так страшно запутаны, что они могут касаться только меня.

Ночью я обессилен от качки и не мог сомкнуть глаз – все думал о Шарлотте, о неосуществимой возможности поговорить с ней. Помнится, мне стало спокойней, стало легко на душе и появилась на миг надежда. Были минуты, когда я забывал о Майе и мог сосредоточиться на мыслях о Шарлотте, смотревшей на меня тепло, доброжелательно и умиротворяющее, но в ее обращении чувствовалась насмешка, и она говорила: пишите стихи, Деркли! Напишите прекрасное стихотворение для меня, Деркли!

Я даже помню, что написал стихи, посвященные не Майе – как все раньше, – а Шарлотте.

Так сильна была во мне надежда на покой. Так упорно я добивался покоя.

Только ли покоя? Надежды! Все еще надежды, что у меня хватит мужества сказать, что можно было бы положить конец всему, как я давным-давно считал. Я жаждал покоя, чтобы обрести надежду. Шарлота могла бы мне сказать: мужайся, Деркли! Моя мать любит тебя, Деркли!

Какое безумие!

Или как мне спросить: любит ли меня твоя мать, Шарлотта?

Никогда не знаешь, как поступишь в таком состоянии. К тому же вопрос – еще не самое худшее. Самое худшее – ответ: она любит Хаммера, мистер Деркли.

Знает ли вообще об этом Шарлотта? Догадалась ли?

После этого она могла бы спокойно принести револьвер и сказать: взгляните-ка реально, какова нереальность на том свете. Это единственный способ избавиться от *horror vacui* и доктора Хаммера.

После чего она, вероятно, положит мне руку на плечо и с чуть заметной насмешкой улыбнется.

И, возможно, я бы умер совершенно счастливый от этой улыбки».

Читая эти строки, Шарлотта пылала от негодования.

«Бедная мама! – рассуждала она. – Лежит в своей каюте, не в силах пошевелиться и помешать этому, а между тем он пишет о ней одну пошлость!»

Шарлотта, разгневавшись, хотела было разорвать черную клеенчатую тетрадь, если бы вдруг не разразилась смехом. Ведь любовником, о котором писал Деркли, мог быть, конечно, не кто иной, как доктор Хаммер, огромный светло-рыжий доктор Хаммер, ее учитель! Именно он!

Можно ли что-нибудь вообще принимать всерьез?

Потом Шарлотта сообразила, что все-таки где-то там должно было что-то произойти, а что, она не могла догадаться. Конечно, не то, что предполагал Деркли, но все-таки где-то что-то из ряда вон выходящее. «Нет, – подумала она, – мне известно многое из того, что происходит на корабле. Однако не все. Иначе бы я могла теперь понять, как бедный Деркли пришел к такой нелепой идее, почему Хаммер так упорно настаивал на том, чтобы поговорить с мамой, поговорить с нею наедине. И что Деркли счел семейной сценой, о чем написал... Бедный Деркли! Он в самом деле немного не в своем уме. Кому придет в голову такое...»

Например, мысль о самоубийстве.

Конечно, она не испугалась, у нее было чувство, будто в этом странном дневнике уже давно должна была идти речь о самоубийстве. Будто она уже натыкалась на слово «револьвер». Во всяком случае, она не отнеслась к этому серьезно. Даже могла посмеяться немного. И наконец спокойно вернулась в каюту к матери. Майя все еще плохо чувствовала себя – качка не прекращалась, мать ослабела и измучилась, однако тихо и покорно лежала в койке, пытаясь уснуть. Пылкая атака Хаммера страшно напугала ее. Но не было сил на обдумывание последствий его безумного поступка. В ней только росла смутная тревога: плавание будет теперь проходить не так спокойно, как она надеялась.

Вошла Шарлотта взглянуть на нее, мать ни единым словом не обмолвилась о происшедшем. И не только потому, что была не в силах рассказывать.

– Где Хаммер? – спросила она немного погодя.

– Гуляет, чтобы закалиться, под дождем на верхней палубе и дрожит от холода, – ответила Шарлотта.

– А Деркли?

– Еще не видела, – отрывисто бросила Шарлотта.

– Возможно, море тоже плохо действует на него, – сказала Майя. – Передай ему от меня большой привет, если увидишь. И скажи, что он может навестить меня, если это ему доставит удовольствие.

Но снова поднявшись на палубу, Шарлотта ничего не сказала Деркли.

Он сидел усталый, немного ослабевший и бледный, с выражением глубокого отчаянья на лице в углу салона и курил одну сигарету за другой. Шарлотта понимала, что могла бы утешить его, поговорить с ним, сказать, что мама хочет видеть его.

И все-таки она не сделала этого.

«Если б он хоть капельку что-нибудь знал о маме!» – подумала Шарлотта. Она прошла мимо него вверх по лестнице на палубу и передвинула шезлонг с подветренной стороны к капитанскому мостику.

Снова начался дождь. Ледяные струи забарабанили по палубе, стекая с нее по подъемным штангам в лодки и на парусину. Хлесткий ветер с шумом сметал их в море. Море было обесцвечено грозой. Больше не было в волнистой долине ни глубокого, ни зеленого сияния, пена отливала тусклым металлом, тень – серым цветом. Побережье тоже приобрело серые тона: его подвижные контуры расплылись в несущихся дождевых тучах. Покрытые пеленой острова, посеревшие подошвы гор, закутанные в облака вершины тянулись на восток. Но на западе, на открытом горизонте, море и небо слились в одну сплошную массу безграничного водного пространства.

У Шарлотты хватало мужества радоваться даже этой грозе: чем бы стало морское путешествие без ветра и дождя? Ей бы еще тумана и бури, воя сигнальной сирены, о которой она когда-то читала; зловещего столкновения кораблей в непроницаемой воздушной преграде. Конечно, пираты и морские разбойники!

Но всего этого не произошло. Был совсем обычный хмурый день. И, пробираясь сквозь этот сумрак, «Квиринал» медленно и неуклюже продолжал идти своим курсом к коринфской гавани.

Шарлотта нашла капитана в его салоне. Он сидел в шезлонге, перед ним стояла бутылка коньяка; курил длинную черную сигару и листал пухлый том иллюстрированного журнала. Вероятно, просто умирал от скуки.

Заметив девушку, он тут же поднялся и вышел к ней.

– Ну, мадемуазель, – спросил он, – вы и вправду снова вспомнили о капитане? Или забыли про него? Или плохо думаете о нем?

– Думаю, – приветливо ответила Шарлотта, – что гроза доставляет ему немало хлопот.

– Естественно, естественно! – ответил Кокчумелла. – Ясно – виноват капитан! Согласитесь, что так оно и есть, мадемуазель? Он сделал бы лучше, высадив нас в Патрах! Конечно, знать бы раньше, что мы попадем в такую грозу!

– Когда плывешь по морю, следует быть готовым ко всему, – возразила Шарлотта.

– Поразительно, что вы так хорошо переносите качку, – сказал капитан. – Да еще сидите на таком холоде! Не пройдись ли вам и согреться? Иначе вам придется так же туго, как и другим пассажирам.

Шарлотта приняла его приглашение.

– В тепле, – рассуждал Кокчумелла, – качка легче переносится. Конечно, бывают такие, что исповедуют теорию свежего воздуха. Взять хотя бы доктора Хаммера. Видели бы вы его, он только что проходил здесь!

Несмотря на свежий воздух, он бледен, как девица! Такое лицо, даже смотреть жалко!

– Почему? – поинтересовалась Шарлотта.

– Почему, мадемуазель? Просто он был в скверном настроении. Метался, как угорелый, туда-сюда. Будто на него верхом уселся морской призрак. Боюсь...

– Что он поступил бы разумнее, отказавшись от окольного пути к Коринфу, – рассмеялась Шарлотта.

Мимо них прошел Деркли. На нем был капюшон, в который он спрятал лицо, высоко поднятый воротник плаща закрывал ему шею.

Он прохаживался перед капитанским мостиком взад и вперед.

Пару раз как бы невзначай он бросил взгляд на салон. Ему было скучно. Или, точнее говоря, ему хотелось поговорить.

«Конечно, не о погоде, – решила Шарлотта. – Но поговорить!»

Эспозито Кокчумелла прекрасно чувствовал себя в обществе молодой девушки, он не собирался прекращать беседу с ней, чтобы пригласить англичанина. Шарлотта тоже сделала вид, что не замечает взглядов Деркли. Она еще сердилась на него: не могла забыть то, что ей невольно пришлось узнать из дневника. Она весело щебетала с Кокчумеллой о плавании, о профессии моряка. И между делом со злорадством следила, как Деркли ходит туда и обратно мимо них, как он страдает от дождя, как его взгляды все чаще и чаще обращаются к салону.

«Вам страсть как хочется излить душу, Томас Деркли, – подумала Шарлотта. – Но я не стану вас слушать!»

Капитана неожиданно вызвали, ему пришлось спуститься в машинное отделение. Едва он исчез с палубы, как Деркли оказался в салоне и подошел к Шарлотте.

– Мне надо поговорить с вами! – сказал он негромко, но решительно.

Шарлотта, не изменяясь в лице, взглянула на него.

– Мне непременно надо поговорить с вами!

– Вы себя *очень* плохо чувствуете, господин Деркли? – спросила Шарлотта.

Деркли растерялся:

– Плохо?.. Почему плохо?.. Нет, вовсе не плохо. Качку я переношу спокойно. И уже успел отдохнуть.

– А что было потом? – прервала его Шарлотта. – Что потом?

– Скажите, Шарлотта, скажите, – с внезапным жаром воскликнул Деркли, – почему все-таки Хаммер настроен против меня?

– Хаммер?

– Да, Хаммер. Знайте – сегодня утром я вышел из каюты. Он как раз был у вашей матери. Я спросил его, как она чувствует себя. И тут получаю ответ: «Об этом вы могли бы уже справиться утром!» И таким тоном! Должен сказать...

– Конечно, ответил он грубовато, – успокоила его Шарлотта.

– Но потом. Только что. Две минуты назад. Представить не можете Шарлотта! А я никогда не смогу вам передать это в точности. Сажу в салоне. Читаю. Вдруг он входит ко мне. Склоняется ко мне всем телом прямо надо мной. Так, что я не могу подняться с места. Наклоняет надо мной свои широкие плечи, тычет мне в лицо своей бородой и кричит на меня...

– Кричит на вас?! – испугалась Шарлотта.

– Да, Шарлотта. Кричит на меня. Начинает оскорблять. Хватает меня за плечи и начинает трясти.

– Но что же он сказал?

– Ах, Шарлотта, это невозможно передать! Невозможно! Он кричал, что я загубил его жизнь. Вероломно, подлыми, низкими средствами я сумел вкрасться в святая святых его души. Якобы я влюбился и желаю его смерти. Да, Шарлотта – вот такие вещи. Вдруг он повернулся ко мне спиной. Направо. И со страшной силой наступил мне на ногу. И зашагал прочь.

– А вы не знаете, почему он так сделал? – спросила Шарлотта.

Деркли не ответил.

– Или вы не хотите сказать мне об этом?

Деркли продолжал молчать.

– Я тоже не желаю этого знать, – продолжала Шарлотта. – Совсем. И даже прошу вас не говорить мне об этом. Ни при каких обстоятельствах. Но хочу спросить, Деркли: это нападение не имело под собой никаких оснований? *Вы* никогда не оскорбляли Хаммера?

На лице англичанина отразился ужас.

– Вы никогда не оскорбляли его подобным образом?

– Никогда! – ответил Деркли.

Этот вопрос надолго прервал разговор между ними. Одно мгновение Шарлотте показалось, что Деркли словно отшатнулся назад, как будто потерял равновесие и мог упасть. Но, придя в себя, он отвернулся и встал перед нею прямой, как свеча.

С легким злорадством наблюдала Шарлотта за его борьбой. И с не меньшим злорадством спросила:

– Качка снова на вас плохо действует?

Деркли промолчал. Но вынужден был сесть.

– Я совершенно здоров, – чуть слышно ответил англичанин, – совершенно здоров. Хотя бы физически. Но если вы спросите меня, я думаю, что болен душою. Не так ли? Из-за переизбытка волнений. Эта сцена с Хаммером. И теперь...

– Как теперь? – перебила его Шарлотта.

Шарлотта засмеялась.

– Это только так кажется, Деркли.

Ей стало жалко его. На его лице отразился страх, словно он увидел привидение. Безднадежность, когда, как ему казалось, нет никакого выхода. «А если он после такого разговора еще больше замкнется в себе, чем раньше?» – подумала Шарлотта.

– Не принимайте близко к сердцу то, что делает Хаммер, – миролюбиво сказала Шарлотта. – Как и то, что говорю я. Разве реальность существует?

Возможно, только крупинка той реальности, от которой вы каждый раз, на свою беду, прячетесь?.. Или вы забыли о нашем вчерашнем ночном разговоре?

Деркли покачал головой.

– Я слишком много думаю об этом. И вместо того чтобы говорить о Хаммере, о его грубости и некоторых ваших невеселых мыслях, может быть, лучше говорить об этих вещах. Не кажется ли вам, что тогда дождливый день быстрее подойдет к концу?

– Конечно, Шарлотта.

– Разговоры, которые мы с вами ведем, капризы Хаммера и ваши мысли – все это, однако, только от плохой погоды. К тому же мы должны быть довольны, что нам так повезло и у нас есть возможность провести время на палубе. Подумайте только о маме, которая все утро лежит в каюте.

– В самом деле, Шарлотта?

– Вам бы не хотелось навестить ее? Она *так* была бы рада!

На мгновение лицо Деркли осветилось улыбкой, но он тут же побледнел и, заикаясь, спросил:

– Но что скажет об этом Хаммер?

Шарлотта взглянула на него с жестким злорадством и скороговоркой произнесла:

– Мама просила передать вам, что ждет вас у себя.

VII

ДНЕВНИК ТОМАСА ДЕРКЛИ

«На борту «Квиринала», воскресенье, 20 марта.

Откуда эти бесконечные темные ночи? Как бесконечны эти часы – прежде чем садилось солнце, я погружался в ночную тьму.

Сейчас день?

Да. Через иллюминатор мне видны перламутровое море, серебристое мерцание на горизонте и остров, который на самом деле мог бы быть облаком. Волны снова улеглись, и если солнца по-прежнему нет, оно все-таки дает о себе знать. Будет чудесное утро.

Странно, что я еще вижу *это!*

Но только вижу. А не чувствую. Мне это знакомо. Но не доставляет радости.

Потому что ночь началась для меня с середины дня. Когда Хаммер оскорбил меня. Когда до меня дошла страшная правда о нем и Майе. Но то, что произошло после, намного страшнее.

Началось со слов, сказанных Шарлоттой: «Мама *так* была бы рада! - (То есть моему визиту). - Мама просила передать, что ждет вас, мистер Деркли!»

Я забыл про все, что было, о чем размышлял, догадывался и подозревал. Я позабыл самого себя.

Позабыл даже про непонятный факт, еще раз доказавший мне, что Шарлотте известны все мои тайные мысли: все, что знают, кроме меня, страницы моего дневника.

Сейчас, когда я вспоминаю, как увидел Майю в постели, мне хочется описать ее голос, ее руки, глаза, жесты во всех деталях. Но знаю, что не смогу. И смиряюсь. Это только тогда бы имело смысл, когда дневник прочитал бы человек, не знакомый с Майей. А здесь свою тетрадь читаю только я – и даже я не читаю, – и никто не может знать ее лучше, чем я, – почему?

Впрочем, мне не удалось бы детально описать, о чем мы говорили в первые минуты. Я молчал. Она рассказывала. Но если бы я успел позабыть об этом, я бы навсегда запомнил, что прошедшие минуты были самыми прекрасными в моей жизни.

Может быть, потому что эти минуты приближали меня к аду?

Стоит ли снова воспроизводить их здесь так, как было на самом деле?
Описывать дорогу в ад, пройденную мной ступень за ступенью?

Для чего?

Если *находишься* в аду, может быть, следует понять, *как* ты попал в него. Как вошел в него, так, быть может, и снова вышел.

(Но не я! Конечно, не я!)

Итак, дорога в ад: чудный, чарующий голос Майи мостил эту дорогу словами. Приблизительно так:

«Не правда ли, мой дорогой Деркли, вы не рассердитесь на меня, если я расскажу вам о том, о чем, собственно, лучше было бы совсем не рассказывать. Но поймите, я так одинока. Я не могу даже – и вы сейчас убедитесь – говорить об этом с Шарлоттой. Мне ничего другого не остается, как взывать к *вашему* терпению».

(Такова была преамбула, которая, впрочем, обычна при оглашении смертного приговора: во имя фатума...)

Затем она рассказала о Хаммере, какой он великолепный учитель и каким огромным доверием пользовался у нее и мужа.

Когда я вспоминаю о том, что – ослепленный ревностью – я думал о Майе во время ее рассказа, мне кажется, я все еще продолжаю опускаться в преисподнюю!

Я вынужден был выслушать нечто, чего я не предполагал!

Прежде Майя думала, что Хаммер и Шарлотта влюблены друг в друга. (Уже одно это предположение было для меня просто невозможно!) Но она услышала, что Хаммер любит не Шарлотту, а ее!

Мне хотелось крикнуть: «Да! Я знаю! И я тоже люблю вас! Давным-давно...»

Но тут Майя произнесла совсем просто, с удивительно выразительной и напевной интонацией:

«Что же теперь делать с таким несчастным человеком, Деркли?»

А затем пошло, удар за ударом:

«Вы не находите, что это отвратительно, Деркли? Просто отвратительно? Мне его в самом деле жаль. Но, с другой стороны, мы так давно знаем друг друга! Ему хорошо известно, как мы всегда близки с мужем! Он видит, как я люблю Шарлотту. И потом, Деркли, я думаю, что в моем возрасте о любви речи быть не может. У меня взрослая дочь и за плечами двадцать лет счастливой семейной жизни».

(Хотел бы я знать, отчего мне так мучительно все это описывать.)

«А его бешенство, Деркли! Что теперь будет? Он еще прокричал, что я неправильно могу его понять. Вам не кажется, что он придет в себя? Образумится?»

(Уж мне-то никогда не удастся такое! – подумал я в тот момент.)

«Помогите мне, Деркли! – воскликнула Майя. – Представьте только, что Шарлотта догадалась! А может быть, я слишком серьезно принимаю случившееся? Как когда-то в юности. Может быть, просто взвинчиваю себя? Вы так не считаете, дорогой Деркли?»

В эту секунду я чересчур хорошо знал, что мне нужно ответить. И вопреки своей уверенности точно так же понимал, что это бессмысленно. Теперь я это тоже знаю.

Я мог бы ответить совсем просто: Хаммер вас любит. Я тоже вас люблю. Вы можете отвергнуть признание, но должны принять это всерьез. Абсолютно всерьез. Так же, как жизнь и смерть.

Боже мой, как красиво и книжно я пишу об этом!

На самом деле я только сказал:

«Что вы говорите!»

(– Знаете, господин Деркли некий доктор Хаммер влюбился в некую фрау Шотт? – Что вы говорите!)

Это был «стиль» моего ответа.

Майя: «Вы, кажется, находите это не слишком серьезным, дорогой Деркли! Пожалуй, даже смешным?»

Я: «О, нет! О, нет, фрау! Я как раз нахожу это невероятным. Нахожу, что доктор Хаммер ведет себя крайне предусмотрительно».

И так далее.

Я отвечал машинально. Путано рассуждал. Слово и мысль не вязались друг с другом.

Во всяком случае, никто не обвинит меня в том, что я как трус встретил свой смертный приговор. К тому же говорил я без всякой робости.

Потому что это *суть* моего смертного приговора.

Спокойно и легко смирюсь я с ним. В пути мы будем два дня. Еще больше времени у меня остается на веселье. Буду развлекать разговорами Майю и Шарлотту. Увижу Крит. Наслажусь плаванием по морю.

Больше всего я рад тому, что несколько чудесных часов мне предстоит провести с Шарлоттой. Таких же чудесных, как на днях рассветным утром на подходе к Корфу.

Она большая умница и сама доброта, так тонко умеет понимать чужую душу. Но теперь больше нет никакого смысла в том, чтобы довериться ей: то, что я страдаю, не должно угнетать ее. Несмотря на это, мне по-прежнему хочется быть с нею все время. Впрочем, разговор о реальности и нереальности, который мы вели на днях, должен иметь благополучный конец.

Найдется немного из того, что мне дорого на земле. Но образ Шарлотты, безусловно, останется в моей памяти до самой смерти. Как и ее веселые глаза. Ее вьющиеся волосы, тонкие, чуть удлиненные ладони. И даже ее чересчур длинные ноги. И ее жизнерадостность.

И прежде всего ее чудесная, добрая, насмешливая улыбка, за которой многое скрывается.

Вероятно, *еще* больше, чем мне кажется.

Только бы она не догадалась, куда ведет меня моя судьба. Она знает все, видит меня насквозь. Вчера вечером я был напуган ее прозорливостью. Но, полагаю, уж об этих моих мыслях ей ни за что не догадаться.

Что она знает о смерти?

Если бы я сказал ей: смотри Шарлотта, милый ребенок с веселыми глазами. В среду в Афинах Томас Деркли пустит себе пулю в лоб. Найдите его у подножия Акрополя, в театре Диониса. Похороните на холме под оливами. И погрустите немного о нем. Если бы я сказал так Шарлотте, она бы улыбнулась мне своей чарующей улыбкой и ответила:

«Не преувеличивайте, Томас Деркли!»

Но я буду преувеличивать! Я буду возвеличивать любовь до самой смерти! Даже если жизнь остается такой прекрасной и Шарлотта по-прежнему способна насмешливо улыбаться.

Так как смертный приговор произнесла сама Майя. Да, сама Майя».

«Действительно, – подумала Шарлотта, – не преувеличивайте, Томас Деркли! Не занимайтесь преувеличением до самой смерти. И прежде всего не лгите самому себе! В противном случае я вас высмею!»

Вообще Шарлотта не раз смеялась, читая эти строки.

Уже с самого раннего утра у нее было приподнятое настроение, с которым она вовсе не была намерена расставаться из-за мрачных мыслей Деркли о смерти и подлаживаться к ним: радость пришла к ней оттого, что непогода отступила перед чудесным утром. Солнечные лучи розовели на дверях красного дерева и сверкали на латуни. Потом Шарлотта увидела в иллюминатор, как мимо проплывал остров, такой роскошный бледно-лиловый остров Кифера. Оснований радоваться было достаточно. А теперь этот дневник. Достаточно оснований и для смеха. В самом деле, не похоже ли это было – вопреки всем мыслям о смерти – на комическую историю ошибок? Она должна была изучать археологию, для того чтобы Хаммер смог отправиться в путешествие вместе с мамой, которую он любил; для того, чтобы иметь возможность сказать, что он испытывает к ней – о чем Шарлотта знала еще раньше, – в то время как мама думала, что его чувства

направлены не на нее, а на дочь. И в заключение всего довериться Деркли – как нарочно, Деркли.

Может быть, и здесь нет оснований для смеха?

И, конечно, как черным по белому, следовал вывод, что этот смех был ее преимуществом.

Как мило позволять себе писать в дневнике о чарующих улыбках. О прозорливости. Об уме и доброте. И вообще о необычайно славном существе, способном в последний час довести умирающего до райского блаженства.

Томас Деркли раздражал Шарлотту. То, что он вчера написал в дневнике, было забыто им. А то, что он написал сегодня, будет помнить до самой смерти.

Что касалось его планов самоубийства, Шарлотта считала, что их нельзя принимать всерьез.

Кто по-прежнему чересчур обдуманно и скрупулезно пишет в дневнике об *articulo mortis*^{*}, кто добросовестно раскладывает по полочкам свои чувства, предполагая приятное времяпрепровождение в путешествии по острову и необычайно увлекательном плавании кружным путем вместе с прелестной девушкой; кто после всего точно рассчитывает классический план – Акрополь, театр Диониса, Колонский холм – кто *это* все делает...

«И все же поступок Томаса Деркли, – подумала Шарлотта, – такая прелесть, кто бы мог подумать! Слишком удивительно! Прямо как сто лет назад!»

Шарлотте нравился такой Деркли. Она все-таки принимала его всерьез – целиком и полностью, во всяком случае, намного серьезнее, чем он, в сущности, заслуживал после своего дневника.

Когда спустя некоторое время Шарлотта вышла на палубу, Томас Деркли уютно устроился в большом кресле. И хотя выглядел он очень бледным, и, конечно, соответственно истине, записанной в дневнике, было

---

* Смертный приговор (*лат.*).

заметно, что он всю ночь не смыкал глаз и тяжело переживал, однако в эти последние дни жизни он не мог себе позволить подрывать собственное здоровье. Он склонился над аккуратно накрытым столиком, на котором покоились пышущий паром заварной чайник, прекрасная белая porridge*, золотистая переливчатая haddock** и горка удивительно ароматных гренок. Как раз в то время стюард подавал на стол на прелестной белой сковородке hammond eggs***, чтобы завтрак с этой добавкой полностью можно было назвать английским.

– Вчера был беспокойный день, – стал оправдываться Деркли, – я успел проголодаться. Почти сутки у меня во рту не было ни крошки. И тогда – вопреки своим привычкам – я вернулся к народной английской традиции утренней трапезы.

– Несмотря на то, что мы пересекли тридцать шестой градус северной широты в южном направлении. Вы видели Киферу, Деркли?

Деркли кивнул.

– Оглянитесь, – продолжала Шарлотта. – Только не пугайтесь. Там, над облаками, Крит.

Над облаками и туманом, все еще сгущавшимся над морем, он узнал заснеженную гору – высоко-высоко под самым небом – критскую Иду.

– Это реально или нереально, – смеясь, спросила Шарлотта, – что остров, куда мы сойдем, мы сперва увидели над облаками?

Деркли не нашелся что ответить.

– Может быть, вас теперь ничто не волнует, – продолжала Шарлотта. – Может, вы просто-напросто так же счастливы, как и я?

– Если вообще есть что-то, похожее на счастье, – едва слышно ответил Деркли.

---

* Овсяная каша (англ.).

** Пикша (англ.).

*** Ветчина с яйцами (англ.).

Шарлотта повернулась, посмотрела в упор на Деркли и в самом деле рассмеялась ему в лицо.

– Зачем преувеличивать, Томас Деркли? Хотите поступить со счастьем, как с реальностью? Разве вы никогда ничего не видели, кроме несчастья и нереальности? Что вам до этого, Деркли? Может быть, вам надо было бы убедиться, как вы разумны? Если вы еще не убедились... Я получаю огромную радость оттого, что высмеиваю вас и могу сказать: не преувеличивайте, Томас Деркли!

Англичанин стал белый, как мел.

– Но я не буду жестокой, Деркли, – продолжала Шарлотта. – Вы такого не переживете. Вероятно, вы себя неважно чувствуете после вчерашней болтанки. Наслаждайтесь морем! Вкушайте ваши блюда!

И Томас Деркли действительно успокоился, посвятив себя отечественной трапезе.

Воскресное утро на «Квиринале» было обычным. Появился Кокчумелла, сердечно приветствуя их, он хлопнул Деркли по плечу и радушно улыбнулся Шарлотте. Все-таки ему нужно было проветриться после скуки штормового дня.

– Я вижу, – обратился он к Деркли, – морская болезнь требует заморить червячка!

Полный восторга, смотрел он на роскошный завтрак, гордый оттого, что его корабль горазд на удовлетворение заморских appetитов. И стюард, разливавший чай, поймал поощрительный взгляд капитана, не понимая, чем тот так доволен.

Джорджини, покинув больничную койку, расположенную в глубине судна, тоже появился на палубе. Кожа на его лице побледнела, стала прозрачной, вокруг глаз легли голубоватые тени, однако он старался ступать уверенно и отдавал поклоны, блюдя армейскую выправку. Он еще ощущал во всем теле слабость, кося наметанный глаз на чуть дышавшую морскую гладь,

затем подчеркнуто не спеша уселся в шезлонг рядом с Деркли и подал знак стюарду.

– Кофе, – промолвил он.

Стюард поклонился.

Но в следующий миг взгляд Джорджини упал на столик Деркли. Оранжевый мармелад сверкал в лучах солнца, как драгоценный камень.

– Послушайте! – сказал Джорджини, снова позвал стюарда, широким жестом обведя весь столик Деркли. – Кофе, стюард, и *все* прочее.

– Завтрак по-английски с кофе, – с затаенной усмешкой ответил стюард и удалился.

Джорджини по его спине увидел, что тот решил подать чай к завтраку по-английски.

Но несмотря на это, ему нравилось рассматривать Деркли со всех сторон, наблюдать, как тот сластит кашу, чистит рыбу и намазывает на гренки толстым слоем мармелад. Оба, Деркли и Джорджини, завтракали, искренне симпатизируя друг другу, и приятно было видеть, как еда шла впрок обоим, как кровь побежала по их жилам, как глаза их снова потеплели и ожили и как мало-помалу разгорелась их беседа.

– Что, скверный день был вчера? – спросил капитан своего земляка.

– Ах, не стоит об этом, – ответил Джорджини. – Зато сегодня он еще прекрасней. Вы представить не можете, как я добрею от солнца!

Постепенно Деркли и Джорджини почувствовали себя настолько хорошо, что смогли подняться со своих мест и уже расхаживали по палубе, глядя на все, что встречалось им на пути. А встречалось многое. И в основном – Шарлотта, все видевшая и за всем внимательно наблюдавшая.

Внизу перед рышущей стаей розоватых медуз серебрились крохотные рыбешки. Вверху на невидимых небесных снастях раскачивались чайки. Пароход шел в пронизанном солнцем просторе; в бинокль можно было опознать по флагу его гражданство. Паруса рыбацких лодок ловили слабый ветер. На островках распускались цветы. Стая могучих дельфинов

вспенивала воду, без конца ныряя под киль корабля, взрывала воду мощными ударами плавников и прыгучей цепочкой тянулась вслед за кораблем.

Цель путешествия – Крит – тоже приближалась. Туман, обволакивающий его, поднимался выше, рассеивался в крутых горных разлогах, цеплялся за снежные вершины. В глубине виднелись бухты. Горы вытянули навстречу волнам свои подошвы. Дома ютились рядами под шатром эвкалиптов на золотистом песчаном берегу. В широком заливе белый город, подобно черепахе, сползал к морю, оцетинившись спинами куполов и разрушенных минаретов, – гигантский панцирь на скалистом побережье.

– Наконец-то настоящий Восток! – в восторге воскликнула Шарлотта. – В городе, наверно, полно негров!

– Вы не так уж далеки от истины, мадемуазель, – ответил капитан. – На Крите во времена турецкого владычества жило очень много негров, которые прежде были рабами. Почти все моряки в Кандии – чернокожие.

Шарлотта была вне себя от радости, узнав о неграх.

– Мама! – крикнула она, когда Майя вышла на палубу. – Ты хоть знаешь, что в Кандии живут настоящие негры?

Майя чуть улыбнулась, глядя на восторженную дочь. И эту улыбку вскоре заметили и другие в их небольшой компании. Глазки капитана загорелись. Джорджини опустил свои крепкие плечи и обнажил ослепительные зубы. Деркли, изменив своим правилам, крепко пожал Майе руку и рассмеялся – смеялся, как ребенок, от радости, отчего выглядел таким юным, что окружающие дивились ему.

Майя тоже попросила принести ей завтрак на палубу. Мужчины таким плотным кольцом окружили небольшой круглый столик с бело-синим прибором, что стюарду стоило больших хлопот обслуживать Майю. Шарлотта рассказывала о том, что утро уже подарило ей все: рыб и медуз, парусник и пароход, утес и дельфина. Джорджини усердно расхваливал английскую традицию утренней трапезы, способной снова вернуть к жизни утраченные силы. Капитан выразил надежду, что кружной путь все-таки

доставит гостям немало радости. Деркли, обычно молчаливый и замкнутый, положил руки на плечи обоим итальянцам, раскачивая длинными ногами, и смеялся даже тогда, когда причин для смеха не было.

Да, Майя забыла о том, что ее угнетало: пока она не вспоминала о том, что доктор Хаммер, отсутствия которого не замечали, не вошел в число этой веселой компании.

Тем временем пароход приближался к Кандии. Он так близко обогнул остроконечный мыс, что было видно, как переливается змеей на солнце зеленый риф, глаз замечал птиц, круживших у берега над разрушенной башней. Затем на пути возник остров с золотисто-желтыми скалистыми хребтами и лиловатыми тенями. Но вскоре он скрылся за черно-голубыми волнами. Над серебристым песком широко раскинувшейся бухты, замкнутой в гигантском подножии горных громад, внезапно взметнулись бастионы с зубцами и граненые башни на фоне бело-рыжих парусов.

Это была Кандия.

«Квиринал» замедлил ход. Рокот двигателей в носовой части постепенно затихал. Несколько раз призывно прозвучала сирена. И пароход бросил якорь в изножии огромной старой крепости.

Все ожило на воде. Сумрачную каменную стену, окружавшую древнюю венецианскую гавань, огласили громкие крики. Взбивая носом серебристую пену, из узких ворот гавани ринулись разноцветные лодки с крепкими гребцами, штурмуя «Квиринал» со скоростью, принятой на всемирных гонках. Моторные катера, везущие представителей власти, с трудом прокладывали себе путь среди них, направляясь к судну. Еще хватало времени, чтобы выставить к трапу двух вооруженных охранников, поскольку лодки напирали друг на друга, с них летели веревки, по которым можно было забраться на пароход, и все это сгрудилось в неистовом переплетении под темным бортом «Квиринала».

Облокотившись на поручни, пассажиры первого класса наблюдали за этим шумным зрелищем.

Но едва гребцы заметили иностранцев, они тотчас подняли невообразимый гвалт. Несмотря на неудобные широкие шаровары, они ловко балансировали на сиденьях своих лодок, вздымая весла навстречу путешественникам. Среди них были шесть или восемь чернокожих. Они пронзительно кричали и щелкали языками, стараясь привлечь к себе внимание.

– Если бы Ленхен видела! – сказала Майя дочери. – Ты не знаешь, как она боится чернокожих!

Шарлота рассмеялась.

– Утром, когда я одевалась, – продолжала Майя, – от нее было мало толку. Она прямо-таки была сама не своя. Уж слишком была напугана – не знаю, отчего. Как будто здесь живут одни людоеды!

– Здешние чернокожие наверняка схватят ее и проглотят!

В эту минуту судно осталось без прикрытия – портовая охрана удалилась, и в мгновение ока верхняя палуба закишела от черных и белых фигур гребцов. Они заняли не только лестницы, но и взбирались по канатам и стоякам, перепрыгивая через поручни. Внезапно они окружили пассажиров.

Пятнадцать лодочников жаждали высадить на берег четырех человек.

Но четверым пассажирам не нужен был ни один гребец. Однако отказ не смутил их. Они на ходу поменяли свои роли и из гребцов превратились в торговцев. Их шаровары оказались огромными лавками, из всех складок вдруг появились товары: цепочки и сигареты, глиняные трубки и раковины, высушенные морские коньки и розовые отростки кораллов.

И только когда с торгом дело не выгорело, на их лицах появилось выражение глубокого разочарования. Белые первыми сложили оружие. Они быстро погрузили в свои шаровары руки, которыми только что так бойко размахивали, нехотя возвращая в брючные лавки непроданный товар, и с ворчанием поворачивали к лестнице.

Но настырные чернокожие оставались на посту: их толстые губы не уставали возносить хвалу достоинствам своих лавок. Они окружили пассажиров, удивленно рассматривая Шарлотту и улыбаясь остальным. Они не сдавались, пересыпая непрерывно словами, болтая на разных языках, наперебой предлагая свои услуги. Черное кольцо, державшее белых под стражей, казалось нерасторжимым.

Пока они вдруг – с умопомрачительной быстротой – не бросились врассыпную.

– Что случилось? – спросила Шарлотта.

– Они увидели, что существует еще второй класс, – смеясь, ответил Джорджини.

Все взгляды устремились к палубе второго класса.

Нет, черным там тоже мало чем можно было поживиться. Освещаемый солнечными лучами, рядом с Ленхен сидел господин Цапф. Кроме них – никого. Но для толпы этих двух жертв было достаточно.

Бешеными прыжками, стараясь обогнать друг друга, они перепрыгивали через поручни и палубу, карабкаясь по лестницам, канатам и трубам, и взяли в кольцо двух побледневших людей, которые не успели вовремя скрыться.

В это время с палубы второго класса донесся отчаянный крик.

– Ленхен среди людоедов, – спокойным тоном произнесла Шарлотта.

Кольцо согнутых черных спин и курчавых голов скрыло Ленхен от наблюдавших за ней пассажиров. Дикая разноголосица заглушила ее вопль. «Должно быть, она в полном отчаянии», – подумала Шарлотта.

В ней проснулась жалость, и едва она собралась помочь бедняжке, как внезапно поддержка пришла с другой стороны.

На палубу второго класса выскочил доктор Хаммер.

За спиной у него был рюкзак, в руках небольшие саквояжи, зонтик и трость.

Знал ли Хаммер заклинание, которое могли понять чернокожие?

Или он только просил их об услуге?

Вероятно, одно из двух, поскольку через несколько секунд после его появления все убедились, что Ленхен обрела свободу. Барахтающееся черное кольцо распалось, и негры устремились с палубы к трапу. Каждый с какой-нибудь поклажей, вырванной у Хаммера. Археолог следовал за ними.

Майя, которая наблюдала за этой сценой, побледнела.

Она устремилась к другому борту, откуда лучше был виден трап.

Появился Хаммер, в спешке он спотыкался о ступеньки, обитые латунию.

«Позвать? – подумала Майя. – Почему бы и нет?»

И она крикнула:

– Хаммер! Хэлло! Хаммер!

Или он в самом деле не слышит?

Во всяком случае, Хаммер не ответил. Он только быстрее стал спускаться по трапу. Сделав опасный прыжок, он оказался в широкой лодке, куда уже был уложен его багаж, а на веслах сидели шесть чернокожих гребцов. Рукою он показал на гавань, что, вероятно, должно было значить – скорее, скорее!

Затем два негра мощными ударами лодки расчистили себе путь, так что остальные лодки расступились, стучаясь друг о друга. Шесть тяжелых весел погрузились в воду. И мощная бокастая лодка, вспенивая темно-голубую воду, полетела навстречу портовым воротам, ведомая огромными руками.

Через некоторое время она скрылась за поворотом между двумя львами святого Марка, охранявшими Канпию с древних времен.

Майя отвела Деркли в сторону.

– Вы видели? – спросила она.

Деркли кивнул.

– Со всеми вещами! Не попрощавшись!

Деркли не ответил.

–Что могло принудить его к *такому* бегству?

– Если это бегство... – ответил Деркли и так высоко поднял брови, что они целиком исчезли под его белокурой шевелюрой.

– Ах, дорогой друг, стоит ли говорить! У всех людей бывают минуты, когда им хотелось бы бежать, куда глаза глядят. У вас, наверное, тоже. Но поскольку один не выдерживает, постольку другому его нельзя бросать теперь на произвол судьбы. Ни за что, Деркли! И я даже хочу вас просить о большом одолжении.

Деркли единым махом вернул брови на прежнее место.

– Не правда ли, мой дорогой Деркли, вы мне не откажете в моей просьбе? Вы поможете мне?! Да? Да, Деркли! Лучше всего, если вы с Шарлоттой и Ленхен прогуляетесь по острову. Разумеется, без меня...

Деркли в знак согласия кивнул головой.

– Шарлотта, конечно, не должна знать о настоящей цели прогулки.

– Шарлотта все знает, – чуть слышно ответил Деркли.

– Что?! – испуганно воскликнула Майя!

– Я сказал – все, фрау Майя!

То, что сообщил Деркли, не доходило до Майи.

– Шарлотта *всегда* все знает. И потому с ней не стоит говорить об этом. Впрочем, она поймет это чуть позже.

Некоторое время они молчали.

Наконец Майя позвала Шарлотту и предложила ей сойти на берег с Деркли. Сама она была еще слишком изнурена морской болезнью.

– Может быть, – предложила она, – вы и Ленхен прихватите. Чтобы она немного пришла в себя. Чтобы ей снова можно было заняться делом.

Шарлота не стала возражать и пошла за Ленхен. Она застала ее перепуганной после нападения негров, от которых едва спаслась.

– Если вы мне не верите, фройляйн Шарлотта, – сообщила взволнованная Ленхен, – тогда спросите хотя бы господина Цапфа. Мавры с белыми клыками и огромными ручищами подошли ко мне и хотели умыкнуть меня. Меня окружили со всех сторон, я уже подумала, что мне

конец, фройляйн Шарлотта! Но меня спасло чудо. Нежданно-негаданно мавры разлетелись кто куда. Нежданно-негаданно! Как по волшебству. И знаете почему? Господин Цапф разогнал похитителей девушек заклинанием. Разве я всю дорогу не твердила, что господин Цапф наш ангел-хранитель, фройляйн Шарлотта?

– Ладно, перестань дрожать, – ответила Шарлотта, – пойдем прогуляемся, Ленхен.

Едва Ленхен услышала о прогулке, она схватила Шарлотту за руку и почти силой потащила к поручням.

– Тише!! – сказала она. – Тсс!

Шарлотта огляделась.

Тогда Ленхен простерла руку в сторону берега, показывая на крепость у входа в гавань и тараща от страха глаза.

Шарлотта не понимала, чего Ленхен боялась.

– Ну, что там? – спросила она.

– Да разве вам не видно, фройляйн Шарлотта? Вот они! Точно такие же, как в Венеции!

Шарлотта громко рассмеялась. То, что ей показала Ленхен, оказалось каменными крылатыми львами святого Марка, украшающими гавань со времен венецианского владычества.

– Может быть, выдумаете, что я сойду на берег здесь? – суровым тоном произнесла Ленхен.

VIII

В сущности, Майя обрадовалась тому, что после всех треволнений у нее появилась возможность провести несколько часов в полном одиночестве. Когда Шарлотта и Деркли покинули «Квиринал», а Джорджини тоже сошел на берег и верхняя палуба опустела и затихла, она поудобней расположилась

под тентом, взяв книги и стопку бумаг, и начала писать подробное письмо мужу.

Радовало Майю и то, что Эспозито Кокчумелла занят делами.

Уже сразу после прибытия в Кандию его пароход стала обслуживать судоходная компания. Две огромные баржи, круглые и грузные, как острова, были пригнаны вплотную к борту парохода. На этих островах выселись ступенчатыми пирамидами мощные кряжи небольших ящиков – это был долгожданный коринфский груз. Ящики все были одинаковыми – тысячи коринфских ящиков, сбитых из сосновых досок, окантованных блестящими жестяными полосами, с большими круглыми печатями, на которых можно было прочесть, что речь идет о «первоклассном оригинальном коринфском» товаре.

Майя долго ломала голову над тем – и безрезультатно, – для чего этот «первоклассный» и «оригинальный» товар сначала был отвезен на Крит, чтобы затем с Крита, погрузив его, отправить в Афины. Ее размышления прервал грохот, неожиданно заставивший содрогнуться все судно, – это работали лебедки.

Таким грохотом был заполнен весь день с раннего утра до позднего вечера. И Майя потеряла возможность читать и писать, размышлять и спать. День этот превратился в день мучительного ожидания, сплошной пытки.

Беспрерывно лязгали краны – на фордеке и у кормы, вверху и внизу. Две дюжины белых коринфских ящиков одновременно захватывал кран. Сверху, высоко над судном, вниз, в глубокие трюмы. И все время одни и те же крики: «Тяни! Ослабь! Майна!.. Вира!.. Майна!.. Вира!..» Вдобавок ко всему неумолчный настырный грохот. Одни и те же ящики, повороты, маневры. Одна баржа, две баржи. Едва разгрузили первую, как буксир подтянул вторую. Каждая размером с остров и каждая – с горами ящиков. Любая из этих гор разбиралась под неутихающие крики и грохот, чтобы перебраться в трюмы «Квиринала». Погрузка продолжалась с утра до того часа, когда солнце было уже совсем низко, золотя вершину ящичного кряжа.

Но даже и тогда разгрузке не было видно конца. А нервы Майи были уже на пределе. Она не могла читать: крики не давали собраться с мыслями. Невозможно было уснуть: грохот лебедек сотрясал все судно. Да, ей бы хотелось читать и писать, ей бы хотелось уснуть.

Но разве такое было осуществимо? Даже если бы на «Квиринале» стало так тихо, что можно было бы услышать, как муха пролетит.

Ее мысли были беспрестанно на острове. Она знала – если бы Деркли отыскал Хаммера, один из них, по крайней мере, снова бы взошел на борт. Так они договорились.

Она все время смотрела на вход в гавань в надежде увидеть между венецианскими бастионами лодку. Или большую светлую шляпу Деркли. Или тропический шлем Хавммера. Но там ничего не было видно, кроме барж с ящиками. Ящики. Ящики. Ящики.

Солнце уже зашло за Иду: его лучи к вечеру позолотили снежные вершины. Голубоватые тени, рассекавшие далекие скалистые берега, становились все четче, полуденный ветер стих, и море недвижно покоилось в круглых чашах заливов.

Сколько еще будет продолжаться погрузка? Когда пароход снимется с якоря? Будет ли до этого найден Хаммер?

Один раз Майю испугал вой сирены. Она подумала, что это сигнал к отплытию, и устремила на палубу. Но это был сигнал, которым «Квиринал» обменялся с коринфским буксиром.

Через минуту Майя встретила капитана.

– Вы не на берегу? – приветливо спросил он.

– Там только молодые люди, – ответила Майя.

Кокчумелла с лукавым выражением на лице пожал плечами и покачал головой, словно хотел сказать: что значит молодые люди? Почему такая красивая женщина заводит речь о молодых людях? Но вслух ничего не сказал.

– Много еще работы? – спросила Майя.

Капитан кивнул.

– Сколько?

– Может быть, до полуночи, – ответил Кокчумелла. – Не пугайтесь, фрау. Я сказал вашей дочери, что можно спокойно оставаться на острове до ужина.

Снова до Майи донеслись крики грузчиков и раздирающий душу грохот. Снова перед ее глазами поплыли ящик за ящиком. Она осталась с ними наедине.

Только во время чая ее одиночество было нарушено появлением Джорджини. Он попросил разрешения сесть рядом с ней.

– Почему вы не на острове, мадам? – спросил он.

– Я еще не пришла в себя после бессонной ночи, – ответила Майя. – Но теперь жалею об этом! Вы не представляете, как изматывает этот грохот. Вы были в Кандии, не так ли?

Гауптман ответил утвердительно.

– Может быть, вы видели мою дочь и господина Деркли?

– Только мельком, – ответил Джорджини. – На главной площади возле венецианского фонтана. Но *они* меня не заметили. Очень торопились на базар... Знаете, мадам, я наблюдал за ними какое-то время. Такая прекрасная пара!

Майя с искренним одобрением взглянула на Джорджини.

– Оба высокие, – продолжал тот. – Оба стройные. И к тому же такая удивительная противоположность блондина и брюнетки! Я загляделся на них, мадам. И заметил, что на них заглядываются и остальные.

Майя рассмеялась.

– Собственно, кто господин Деркли по профессии? – спросил Джорджини.

– Так вы не знаете? – спросила Майя. – Мы так долго плывем вместе с вами.

– Господин Деркли весьма скуп на слова, – сказал гауптман.

– Это в духе его профессии, – ответила Майя. – Он дипломат, направляется в должности советника посольства в британскую миссию в Афинах. Мы его знаем по Берлину, когда два года назад он работал атташе.

– Великолепная карьера, – ответил Джорджини. – Весьма скорое продвижение. Видимо, очень интеллигентный человек. Скажите, мадам – если мне позволена будет спросить, – ваша дочь давно обручена?

Майя не спеша повернула голову к Джорджини и спокойно поглядела на него своими огромными глазами.

– Обручена, господин гауптман? Обручена? С кем?

Джорджини смутился.

– Уж не с господином ли Деркли, как вы могли предположить? Да? Ах, об этом даже и речи быть не может! Когда Шарлотта познакомилась с ним, ей исполнилось семнадцать лет. А потом она не видела его два года. Только по чистой случайности мы встретились на пароходе... Но как вам могла прийти подобная мысль?

Джорджини понадобилось несколько секунд, чтобы взять себя в руки.

– Ах, иначе я и думать не мог, – промолвил он наконец. – Потому что я все время вижу господина Деркли в обществе вашей дочери. И потому что она сегодня опять тоже...

– Все-таки вы глубоко заблуждаетесь, гауптман! – перебила его Майя.

– Вполне возможно. И даже наверняка. Я только упустил из виду – иные страны, иные нравы. Я рассуждал так, как принято у меня на родине. Молодые люди вместе проводят время. Наедине. Рядом никого. Даже вас, мадам.

– Почему я должна быть с ними? – спросила Майя.

– О, я вовсе так не говорю, мадам! Отнюдь. Но у нас на это смотрят как-то по-другому. Здесь мама должна находиться всегда рядом. Да-да, мадам... Однако я нахожу это естественным. В Германии нравы свободнее. Естественнее, если так можно выразиться. Там ничего особенного не находят в том, если молодая девушка проводит время наедине с мужчиной.

– Конечно, – сказала Майя.

Джорджини улыбнулся. Его улыбка была сдобрена изрядной долей насмешки, смешанной с самодовольством и даже наглостью.

– В Германии ничего не находят и в том, что красивая женщина путешествует одна или почти одна. И что она весьма красива. Не так ли, мадам?

– Это зависит от характера мужчины, – сказала Майя.

– Может быть, мадам. Но, видите ли, в Италии совсем нет таких мужчин, от которых это зависит. По крайней мере, *мне* таковые неизвестны. Но в Германии это все-таки выглядит по-другому. Там нравы свободнее. И естественнее, если так можно выразиться. И я должен честно признаться, что благодарен немецким нравам. Разве иначе мог бы я получить сегодня удовольствие спокойно сидеть рядом с такой красивой женщиной, как вы, без всяких помех?

Майя в самом деле не знала, как она должна реагировать на такой старомодный комплимент. И потому предоставила Джорджини возможность растекаться мыслью по древу.

– Во всяком случае, могу сказать, мадам, что порой я забываю, что сижу рядом с немкой. Вы просто вылитая итальянка! А порою, взглянув на вас, вижу вылитую флорентинку. А затем вы снова кажетесь мне римлянкой. Вам следует знать, мадам, что флорентинки и римлянки – самые красивые женщины в Италии!

Слушая тираду итальянца, Майя посмотрела на него и расхохоталась.

– Вам смешно, мадам? – спросил Джорджини. – Я говорю совершенно серьезно.

– Разве вы не говорили то же самое моей дочери и так же серьезно? – спросила Майя.

Итальянец не позволил сбить себя с толку.

– Но это все-таки разница! – воскликнул он.

– Что же это за разница?

– Большая разница, мадам! Молодой девушке я говорил это из вежливости, которая не нуждается в истине. Но такой красивой женщине, как вы, я говорю серьезно.

– Однако, гауптман, я надеюсь, – сказала Майя, – что меня вы *тоже* примете всерьез, если я скажу, что подобные вещи мне неприятно выслушивать. Особенно сегодня, гауптман!

– Сегодня?

– Да, гауптман, сегодня... Полагаю, вы не станете меня расспрашивать о подробностях, если скажу, что у меня много других забот и, может, было бы лучше, если бы мы поменьше серьезно или несерьезно обсуждали подобные вещи.

Лицо Джорджини выразило легкое недоумение. Он замолчал.

Наступил вечер. Горы приблизились к берегу, море становилось темнее и темнее, городские дома теснее жались друг к другу. Между высокими каменными стенами гавани уже плескалась ночь. Тем не менее на «Квиринале» шум не стихал. Мало-помалу зажигались бортовые лампы, два больших прожектора освещали трюмы, и в их лучах с баржи в чрево судна плыли грузы, уверенно, с размашистым взлетом под те же крики и грохот лебедек. Коринка. Коринка. Коринка.*

«Глупо спрашивать себя, – подумала Майя, – но зачем и кому, собственно, понадобилось столько коринфского товара?»

Вопрос был задан от отчаяния. Майя подумала, что уже не в состоянии переносить эти крики и грохот. Она попрощалась с Джорджини и направилась в салон. Но там тоже не стало тише. Она спряталась в каюте. Но и тут стены корабля сотрясались от грохота и лязга подъемных механизмов. В конце концов, она снова вышла на палубу.

---

* Сорт мелкого изюма без косточек (по-гречески «коринфский» и «коринка» звучат одинаково).

«Если они оба тотчас не появятся, – решила Майя, – я отправлюсь на берег. И буду ждать их где-нибудь в порту! Мне будет совершенно все равно, что подумает об этом Хаммер; может быть, он подумает – если увидит меня! – что я ищу его, что я иду за ним следом...»

Так Майя разговаривала сама с собой.

Деркли и Шарлотта так и не появлялись на борту, и Майя решила нанять лодку и плыть к берегу.

Она снова спустилась в каюту, сообщила Ленхен о своем решении, стала одеваться. Тщательно и не спеша, чтобы оттянуть время в надежде на возвращение Деркли и Шарлотты.

Когда он ступила на трап, чтобы разглядеть лодочника, из мрака ей навстречу вышла Шарлотта.

– Ты на берег, мама? – испуганно спросила она.

Майя кивнула.

– Действительно, – сказала Шарлотта, – уже так поздно! Очень поздно. Я надеюсь, ты не слишком волновалась.

С самого начала они ни о чем друг друга не спросили. Между тем по трапу поднялся Деркли, расплатившийся с гребцами. Вид у него был мрачный и сосредоточенный. Шарлотта казалась усталой. Ее туфли сплошь были покрыты пылью, даже пальто было испачкано в пыли.

Они торопливо спустились в каюту.

– Ничего? – спросила Майя, когда они с Деркли остались одни.

– Ничего.

– А вы искали?

– Весь день.

– А Шарлотта? Что она сказала?

– Ничего. Но она все поняла. Вы знаете, когда отходит судно, фрау Майя?

– Почти в полночь, – ответила она.

– Я думаю, Хаммер должен вернуться до отплытия, – сказал Деркли. – Во всяком случае, я считал, что *мы* должны вернуться на судно. Так ведь?

Майя кивнула.

– Я опасался, что вы могли испугаться за нас, – добавил Деркли.

Звякнул колокол, звавший к ужину. Но в этот воскресный вечер в Кандии трапеза выглядела грустно. Место Хаммера пустовало. Джорджини, расстроенный внезапным поражением, безмолвствовал. Деркли никогда не был так молчалив, как именно в тот вечер. Капитана каждый раз вызывали по делу. Хотя Шарлотта и пыталась как-то поддержать разговор, но каждый раз он прерывался грохотом лебедек. Потом Джорджини смущенно улыбнулся, как бы говоря: сожалею, но не понимаю... И молчание продолжалось.

Только раз, когда на секунду стало тихо, Кокчумелла спросил о Хаммере.

– Доктор Хаммер сошел на берег, – ответила Майя тоном, пресекающим возможность дальнейших расспросов.

После ужина Шарлотта тут же отправилась спать: день, проведенный в тщетных поисках, утомил ее больше, чем остальные дни, вместе взятые, во время плавания.

Но Майя и Деркли поднялись на палубу, устроились в шезлонгах и продолжали молчать. Впервые против своих правил Майя попросила принести черного кофе и рюмку коньяка и даже закурила сигарету.

– Вы не сможете заснуть, фрау Майя, – негромко произнес Деркли.

– Из-за такого непрерывного грохота о сне так или иначе думать не приходится, – ответила Майя. – Как я измучилась за день!

Постепенно на палубе стало холодать, слегка выпала роса; когда рука касалась спинки стула, можно было ощутить неприятную липкую влагу.

Майя попросила Деркли принести плед.

Чуть позже над горами вошла луна. Она начинала уменьшаться и испускала слабый оранжево-красный свет, чуть затуманенная. Поднимаясь наискосок, она заливала город безжизненным призрачным светом, как

шарообразный фейерверк, чересчур лениво поднимавшийся в вечерней сырости и не желавший рассыпаться.

На море не видно было ни огонька и ни малейшего отблеска на стенах. Ни одна звезда не мерцала над волнами, и даже на горизонте, по окоему лунной ночи, не зарождалось ни одного небесного огонька.

Луна в этот вечер в самом деле выглядела печально!

Но капитан «Квиринала» думал иначе. Весело насвистывая, он вышел из своего салона, как обычно, раскачивая перед собою брюшком, вытянул толстую шею к небу и произнес с гордостью, словно луна была частью корабельных снастей:

– Не луна, а просто чудо, господа!

– Но мутноватое, – ответила Майя.

– И все-таки достаточно яркое, чтобы так здорово помочь нам с погрузкой. Да-да, фрау, что бы мы делали сегодня вечером без луны? Посмотрите, как споро идет работа! Я приказал поставить третью лебедку. И, господа, через час мы закончим.

– Закончим? – испуганно спросила Майя.

– С двадцатью двумя тысячами ящиков коринки, мадам! – с гордостью ответил капитан.

– Еще до полуночи? – хотела уточнить Майя.

– Возможно, даже около одиннадцати, – ответил Кокчумелла.

Он снова направился в носовую часть судна, где в нем нуждались.

А между Майей и Деркли, расположившимися в шезлонгах на палубе, снова воцарилось молчание. Сизый сигаретный дым тянулся от них над поручнями большим влажным облаком.

Тем временем раздался обычный шум – крики, лязганье цепей. Каждый раз луна скрывалась на мгновение за связками ящиков с коринкой.

Пока вдруг – совершенно неожиданно – не наступила тишина. Полная тишина.

Оба ждали.

Они все-таки прислушивались к тишине.

– Может быть, прибудет новая баржа, – наконец, произнесла Майя.

Деркли поднялся, огляделся. Но увидел только, как буксир оттаскивал от борта «Квиринала» пустую баржу.

– Думаю, закончили, – сказал он.

На палубе появился капитан.

– Мадам, – важным тоном произнес он.

Майя поднялась, взглянула на него. Она прекрасно знала, что он скажет.

– Мадам, погрузка закончена. Нам пора отплывать. Но, к сожалению, должен вам сообщить, что доктора Хаммера на судне еще нет.

– Что же делать? – растерянно спросила Майя.

– Мы просигналим, – ответил Кокчумелла. – Я прикажу, чтобы сигналили долго и громко. У господина Хаммера в запасе около получаса... Вам неизвестно, мадам, где бы он мог находиться?

Майя покачала головой.

– Его ведь целый день не было видно на борту. А господа, что были на берегу, тоже его не видели?

Майя снова покачала головой.

– Я бы с удовольствием оказал вам любезность и непременно подождал бы его еще, – сказал Кокчумелла. – Но тогда не смогу оправдаться перед судовой компанией.

Несколько секунд спустя послышался мощный голос сирены, разносимый с «Квиринала». Три коротких сигнала. Затем один довольно долгий и громкий. Майя и Деркли вынуждены были зажать уши, таким резким был гудок. И могучие стены гавани, фасады домов на набережной ответили эхом. Эхо пришло даже с далеких гор, словно весь остров хотел сообщить, что ему сказало готовое отплыть судно.

Но никаких волн на воде. Тихо покоились гавань и порт.

Через четверть часа капитан снова подошел к Майе.

– Он не слышит, – сказал Кокчумелла. – Кроме того, стюард сообщил мне, что доктор Хаммер сегодня утром оставил судно, взяв с собой весь свой багаж. Полагаю, мы сигналим зря.

Он немного помолчал, смотря себе под ноги и ожидая, что скажет Майя. Она не проронила ни слова, и он, наконец, спросил:

– Можно отплывать, мадам?

– Разумеется, комендатор, – ответила Майя. – Я не могу и не хочу мешать. Если он даже не слышит и где-то бродит, ждать уже нет времени.

– Вы думаете, он только прогуливается? – спросил капитан.

– Во всяком случае, ничего другого мне в голову не приходит.

Вскоре в глубине судна раздались удары колокола. Залязгала якорная лебедка. Дважды просвистел свисток. Затем задрожали двигатели, огромное темное облако поднялось в ночи, с шумом забурилась вода под носом судна, и «Квиринал» взял курс на север критских вод.

Его плавание было довольно спокойным и неторопливым, поскольку он был нагружен двадцатью двумя тысячами ящиков коринки.

Несмотря на это, Майя провела тревожную ночь.

Шарлотта встала с первыми лучами солнца. Майя притворялась, что спит. Так как иначе она должна была бы заговорить с ней. Она хорошо понимала, что дочери тоже надоело лежать в постели. Проходя по коридору, Шарлотта увидела, как и раньше, что в каюте Деркли горит свет.

Однако на этот раз она долго колебалась, прежде чем войти в каюту. Там висел плащ Деркли. Значит, он провел ночь на палубе без плаща? Или был где-то поблизости? Услышав шаги, Шарлотта испугалась и вышла. Но затем все снова стихло. Она еще раз обдумала ситуацию, прислушалась. И наконец решилась войти.

И, как всегда,

ДНЕВНИК ТОМАСА ДЕРКЛИ

лежал открытым на обычном месте, и Шарлотта без всяких помех могла прочесть, о чем Деркли думал ночью, что он чувствовал и записывал.

«На борту, в ночь с воскресенья на понедельник.»

Если бы моя жизнь изменилась, как когда-то, этот день, конечно, был бы самым прекрасным в ней.

Прекрасный день на прекрасном острове. Ничего не делать, только колесить по столице Крита и его окрестностям рядом с красивой, доброй и умной девушкой. Без плана и даже без цели.

Да, но цель была!

Моя цель – найти Хаммера, эта цель оставляла меня равнодушным, я даже был немного склонен не думать о ней – все это было причиной того лишь, почему этот чудесный день был так ужасен.

Искал ли я или не искал Хаммера?

Шарлотта хорошо знала, что мы ищем его. И она тоже почти согласилась на это. Но говорила о поиске так же мало, как и я. Так мы бродили по Кандии с одной и той же целью, не дававшей нам возможности ни говорить, ни признаваться в этом. От фонтана на площади до базара. От музея до бастионов. От гавани к виллам. Улицей мы вышли к Кноссу и поднялись на башню, возвышавшуюся среди развалин. И смотрели на Крит и на все вокруг, говорили об окрестностях, людях, древности и обо всем, что мне было известно. И искали Хаммера.

Искал ли я или не искал Хаммера?

Мне кажется, я его *не* искал бы, если бы со мной не было Шарлотты. Но Шарлотта вынуждала меня к этому, так уверенно и естественно она меня вела, что мне не оставалось ничего другого, как помогать ей в поиске.

Устав, мы расположились в небольшом кафе в крепости. Там стояли три стула, стол, на нем две банки с тыквенными семечками. И все. Мужчина в темно-голубых шароварах принес нам рахат-лукум и воды. Неожиданно появился второй, вывез на тележке граммофон со старомодным раструбом, который заиграл «Дунайские волны». Мы слушали. И заплатили мужчине, вероятно, много – за его хлопоты, ведь граммофон играл «Дунайские волны»

во второй и третий раз. Но нам это нравилось. Мы от радости даже захотели танцевать. Но не стали.

И так весь день. Из-за того ли, что искали Хаммера? Из-за того ли, что боялись, как бы он не выкинул какой-нибудь номер? (Хотел бы я знать, осознает ли Шарлотта, что происходит, она, конечно, тоже думает о случившемся. Потому что ее мать все-таки ей ничего не сказала).

Или же мы грустили оттого, что я, Томас Деркли, вообще потерял способность радоваться?

Это было невыносимо! Хорошо, что я заблуждался в отношении Хаммера. Он такой же несчастный человек, как и я. И ему, может быть, еще хуже, чем мне, поскольку у него хватило мужества признаться, и он получил ответ, равный смертному приговору. (Молюсь, чтобы он не привел его в исполнение.) Но благодаря Хаммеру и его признанию, я тоже приговорен к смерти. И этого человека – как нарочно, именно его! – я должен искать целый день в закоулках незнакомого города и его окрестностях, которых я не знаю.

Понимала ли это и Шарлотта? (Я все-таки неизменно чувствую, что она все понимает. И потому ежедневно еще больше поражаюсь тому, как близорука ее мать, как мало она разбирается в людях, в их чувствах и страстях. Как удивительно слепа была она, например, когда поручила, как назло, *мне* найти Хаммера.)

Шарлотта догадывается обо всем, а Майя – ни о чем; я неотступно думал об этом. И в первый раз, с тех пор как знаю ее, я позволил себе слегка рассердиться на Майю.

Слегка, к большому сожалению!

Достаточно мгновенной встречи, чтобы я снова очутился в том состоянии, в котором обычно нахожусь, чтобы я мог назвать такое состояние своей жизнью. Я знаю эту жизнь довольно хорошо – во всех деталях, – жить для Майи, прогуливаться с ней, как в окрестностях моей валлийской родины.

Но странная вещь! Со мною происходит почти так же, словно я уже сутки стал себя чувствовать намного спокойнее. Я размышлял несколько часов подряд. Тому причиной – разумность Шарлотты и ее спокойствие. Полагаю, что она – конечно, неосознанно – повлияла на меня так сильно, что я смог успокоиться и стать рассудительней. Однако это заблуждение: ее присутствие делает меня, пожалуй, лучше, но не изменяет ни меня, ни моего положения. Что меня сделало другим – при всей неизменности моего чувства и моей любви, – так это принятое решение. Тот факт, что часы мои сочтены и пора ставить точку. Что я больше не способен думать ни о чем другом, не способен учесть никакой другой возможности.

Считаю, что это должно быть только так, а не иначе.

Разумеется, я оставлю завещание, напишу несколько спокойных и разумных прощальных писем. (Я мог бы, например, даже объяснить своему другу Сэсилу, почему два года назад в Берлине я так нелепо ответил ему ночью в баре отеля. Это его заинтриговало бы.)

Я задаю себе только один вопрос: написать ли Майе?

Думаю все-таки, что у меня не хватит мужества.

И, тем не менее, я отправлю ей этот дневник. Это решено, решено! Окончательно!

Кроме того, меня волнует и другое. Я невероятно радуюсь тому, что перед кончиной совершенно откровенно один-единственный раз поговорю с Шарлоттой. Твердо уверен, что она меня поймет, так же как уверен, что понимаю себя.

Имею ли я право так поступить?

Что сказала бы Майя?

Шарлотта ведь еще так молода!

И все же *она* знает все, а Майя не знает ничего. И ничего не узнает. Может быть, наверняка сможет понять, *почему*, в сущности, Томас Деркли покончил с собой?

«Ясно, – подумала Шарлотта, – ясно сказано и ясно написано бисерным, но аккуратнейшим разборчивым почерком».

Сначала как обычно, пара искренних слов о ней самой. Затем пара странных вопросов, о которых точно неизвестно, кому они, собственно, заданы. Затем пара неопределенных ответов. И, наконец, эта весьма знакомая фраза, в которой встречается слово «самоубийство».

Нет, Шарлотта на этот раз не пришла в ужас. Но довольно серьезно и очень разумно с точностью определила: это слово встречалось здесь уже второй раз. Но оно не было, как раньше, вплетено в разные ходульные и велеречивые фразы, было высказано настолько спокойно, насколько вообще могло быть высказано.

Может быть, все-таки это нужно было принимать более серьезно, чем воспринимала Шарлотта до сих пор?

Шарлотта безгранично хотела этого в глубине души. Все, что Деркли сказал, написал и сделал. Хотела даже самоубийства. «Да, – подумала она, – он целиком *должен* быть верен своему плану, так как я желаю этого всерьез.

Хотеть сделать – вот что он должен!

Но только бы после он не сделал этого на самом деле!»

При этой мысли Шарлотта испугалась еще больше. Но не из-за мысли о самоубийстве. Она вдруг услышала шаги. Шаги приближались. Уж не шаги ли Деркли?

Шарлотта бросила тетрадь на койку, схватилась за дверную ручку. Она боялась пошевелинуться. Не стоит ли Деркли в коридоре? Не столкнется ли она с ним на пороге?

Словно заколдованная, она продолжала ждать.

Когда все-таки она, наконец, вышла, коридор был пуст: значит, показалось.

Но страх не проходил.

Как она могла быть такой легкомысленной? Чтобы каждый день читать то, что не предназначено для чужого глаза? Спокойно вторгаться в тайные мысли Деркли и даже в его мысли о самоубийстве?

Или она была способна только на то, чтобы легкомысленно отнестись даже к этой мысли?

Может быть, она вообще легко относилась ко всему в жизни?

Например, к археологии. (Что, собственно, заинтересовало ее вчера в Кандии около музея и Кносского дворца?) или к страхам Ленхен, в которых она была повинна. Или к страсти Хаммера, ведь не было даже известно, что с ним произойдет. Или к дневнику Деркли.

Как она могла радоваться, если об этом плане самоубийства было сообщено без всяких околичностей?

Она бесшумно поднялась на палубу. Снова ее там встретило великолепное утро, когда свет не спеша освобождался из-под власти тьмы; когда из черного и серого исподволь рождались краски; когда туманы претворялись в острова, а облака – в горы прежде, чем глаз успевал заметить, откуда они появились. Одна за другой выныривали из моря Мелос, Сифнос и Серифос – пропелеи аттической земли. На западе Пелопонесские горы освобождались от объятий ночи. На севере бесконечное пространство моря, плескавшегося у афинских берегов.

«Действительно ли Деркли все это может созерцать, как созерцает мир умирающий? – подумала Шарлотта. – Созерцает как настоящее, которое скоро станет прошлым? Действительно ли он думает всерьез то, что она прочитала в его черной клеенчатой тетради?»

Впервые Шарлотта в самом деле испугалась за него. Но она ведь просто *стремилась* к этому страху, она *стремилась* верить в то, во что он верил тоже он сам. А иначе не имело бы смысла так бояться за него.

IX

Мысль, что с Хаммером могло что-нибудь случиться, крайне угнетала Майю; напряженно ожидала она приезда в афинский отель, где надеялась получить сведения об археологе. И в то утро, конечно, тревога за него долго бы занимала ее воображение, если бы не рассказ Ленхен во время туалета, полностью изменивший ход ее мыслей.

Она вышла на палубу в бодром расположении духа, несмотря на тревожно проведенную ночь, и сообщила Шарлотте и Деркли о том, что услышала от служанки.

– Объявился господин Цапф, – сказала Майя. – Стоило ему только раз весьма солидно заинтересовать Ленхен археологией, как ей уже стали сниться статуи. Сегодня ночью ей было явление богини с факелом и даже с головой, хотя на самом деле оригинал безголов. Богиня открыла рот, которого у нее не было, и рассказала Ленхен во всех подробностях, чего она хочет, к чему стремится и на что надеется. Богиня ужасно боялась очутиться среди недостойных ее людей. Например, в Америке. Она испытывала неодолимое отвращение к холодным музейным залам. И посему ее заветное желание – прийти к людям, которые любят и почитают ее. И после этого богиня с факелом без проволочек и даже с удовольствием готова стоять дешевле, чем она, по сути дела, стоит. Если Ленхен удастся, богиня согласна заключить с господами договор на пятьдесят тысяч марок, раз она может рассчитывать на безукоризненное обращение с ней.

– И такое могло присниться Ленхен? – рассмеялась Шарлотта.

– Разумеется, подобные сновидения на совести Цапфа, – ответила Майя. – Несмотря на это, Ленхен принимает их за вечную истину. Она мне сказала, что это серьезный намек на то, что богиня может довериться нам и что мы ни при каких обстоятельствах не должны упускать случая приобрести ее. Она настаивает на том, чтобы мы осмотрели статую прежде, чем прибудем в Афины. Господин Цапф с удовольствием покажет ее нам.

Впрочем, он полностью согласен с богиней в цене – пятьдесят тысяч марок. Ни в коем случае миллион, о котором твердят знатоки. И все это потому, что мы семья, с первого взгляда внушающая такое доверие!

– А что ты сказала Ленхен? – спросила Шарлотта.

– Что я могла ей сказать? Сначала я пыталась отказаться. В конце концов, без папы мы не станем ее покупать. Но ты не представляешь, как Ленхен стала меня умолять! Она обещала господину Цапфу. И мы не имеем права лишать его радости. Рука руку моет, изрекала Ленхен. И если мы откажем Цапфу, кто знает, что тогда с нами в Греции случится? Он может обидеться и лишит нас своей защиты. Я позволила себе пойти на попятную и пообещала, что сегодня утром мы посмотрим на богиню.

В этот момент на лестнице появилась Ленхен, она неуклюже сделала книксен перед хозяевами и сказала:

– Господин Цапф приглашает вас.

– Приглашает богиня, – сказала Шарлотта. – Разве нам когда-нибудь приходилось получать более лестное приглашение?

Все трое последовали за служанкой, которая повела их по бесчисленным лестницам и нижним коридорам судна к небольшому трюму, где их уже встречал улыбающийся господин Цапф, блистающий зубами и кругляшами пенсне.

– Вы археолог? – спросил он, познакомившись с Деркли.

– Конечно, господин Цапф, – весьма решительно ответила Шарлотта.

Она поймала ошеломленный взгляд Ленхен и в то же время заметила, как зубы и пенсне Цапфа поубавили свой прежний блеск.

Торговец открыл ящик, тщательно и осторожно убрал в сторону кучу древесных стружек и дал возможность созерцать торс, сделанный в натуральную величину из молочно-белого мрамора.

Это оказалась гладкая, полная слащавости, но превосходно сработанная фигура. Рука, которая еще была цела и в самом деле несла

факел, ясно доказывала, что богиню создал искусный ваятель, но его искусность слишком выпирала, чтобы казаться правдоподобной.

– Конец четвертого столетия, – сказал господин Цапф.

Все молчали.

– Место находки – Аттика.

Безмолвие.

– Может быть, изображение Деметры, – пояснил господин Цапф. – Эфесский культ. Первоклассный экземпляр. Стоит миллионы.

Неловкое молчание. Долгое мучительное безмолвие.

Вдруг Ленхен заговорила фальцетом, ее исполненные чувства глазки устремились на мрамор, ее головка оценивающе припала к плечу, и она произнесла:

– Не правда ли, фрау, она удивительно мила?

Шарлотта сколько ни старалась, но больше не могла сдерживать смеха. Однако Майя твердой рукой коснулась ее плеча, заставив ее замолчать, а потом сказала:

– Благодарим вас, господин Цапф. Это весьма интересно. Если мой муж приедет в Грецию, он тоже посмотрит на статую.

С этими словами она повернулась и в сопровождении Шарлотты и Деркли направилась на палубу.

– Ведь это подделка! – сказал Деркли, когда они втроем снова остались одни. – Мне только хочется понять, почему человеку нужно вести статую в Грецию.

– Вероятно, именно потому, что это подделка, – ответила Шарлотта. – Он полагает, что если богиня хоть раз побывала в Элладе, она может сойти за настоящую эллинку. Но, чтобы согласиться на покупку, надо быть действительно такой легковерной, как Ленхен!

Когда чуть позже Шарлотта спустилась в каюту к Ленхен, она застала служанку, уверовавшую в богиню с факелом, в глубочайшем горе. Та стояла

на коленях возле своей койки, зарылась в подушку и так безутешно рыдала, что ее спина непрерывно сотрясалась от плача.

– Ну, Ленхен! – воскликнула Шарлотта. – Ну, Ленхен! Что случилось?

Ленхен не произнесла ни слова.

– Ну, скажи же, Ленхен, что все-таки стряслось?

– Теперь, когда мы прибываем! – простонала служанка. – Теперь, фройляйн Шарлотта, вы оскорбили ее!

– *Кого*, Ленхен?

– Богиню, фройляйн Шарлотта! Да, богиню! И господина Цапфа, кроме нее. Он возмутился, что вы засмеялись. Я же знаю, фройляйн Шарлотта, что вы смеялись надо мной, а вовсе не над богиней. Потому что я всегда сморожу какую-нибудь глупость. Но господин Цапф не может этому поверить. Он сказал, что ему еще никогда не приходилось сталкиваться с подобным. С годами он стал торговать художественными изделиями серьезно и весьма успешно. И если у людей есть деньги, чтобы покупать, это еще не значит, что у них есть право смеяться. И знаете, фройляйн Шарлотта, что он еще сказал?

Задавая вопрос, Ленхен повернула к Шарлотте свое лицо, залитое слезами.

– Что он зарубит себе на носу. Он больше и не подумает о том, сказал он, чтобы помогать нам в Греции словом и делом, как он намеревался раньше. Вы только представьте! И доктор Хаммер затерялся на коринкинском острове. И теперь мы совсем одни одинешеньки, беспомощные и брошенные!

Ленхен снова разразилась горячими слезами. Это продолжалось довольно долго, пока Шарлотта не успокоила ее настолько, чтобы суметь отважиться объяснить служанке, что такое подделка и что такое эта подделка.

Но она ответила с такой решимостью, которой обычно в ней не замечали:

– Я только хочу сказать вам, фройляйн Шарлотта. Хотя вы мне рассказали кучу небылиц, но больше я вам верить не буду! Мне известно, потому что господин Цапф сказал, что в Греции нет летающих львов, а только вполне нормальные львы. И что торговлю девушками ведут не люди в униформе, а негры... Ах, только не смейтесь! Это очень грустно, что вы мне рассказали семь верст до небес. Если бы вы так не перестарались с крыльями и униформами, я бы все-таки боялась бы чуточку меньше. Разве вы теперь не жалеете, что могли говорить мне про такие страхи и ужасы, в которые никто не может поверить? Может, вы думаете, что я должна взаправду поверить; думаете, что Цапф такой великий художник, что смог сделать такую богиню? Тогда спросите хоть раз своего отца! Он все знает. Почему, однако, древние вещи так дороги? Потому что сегодня никто не может сделать такую вещь. И если даже у них нет ни голов, ни ног, значит, они еще дороже, чем наши статуи с головами и ногами. Ответьте мне, фройляйн Шарлотта, ведь вы хотели заниматься археологией!

К счастью, в эту минуту в каюту вошла Майя, и Ленхен замолчала. Иначе бы Шарлотта своим громким хохотом расстроила служанку еще больше.

– Появились Афинские горы! – воскликнула Майя.

Спустя минуту Шарлотта уже стояла на палубе, освещенная яркими солнечными лучами мартовского утра.

Небо со всех сторон было обрамлено плывущими горами. Высокими, покрытыми тенью. Низкими, пронизанными светом. Широко раскинувшимися. С изящными зубцами. Утесы, гористые острова и полуострова. С раскинувшимися широкими континентальными хребтами. Всех их несло на темно-голубых волнах море, всех их окружал ветер пушистыми лепестками пены. Солнце стояло над ними, пронизывая их лиловатые скалы, золотистые берега; накапливало свет в гигантских призмах их кристальной сердцевины и отбрасывало его к небу, мерцавшему, как

купол волшебного гранита. Не было ни одного луча, который не впитал бы в себя все цвета, ни одного блика, который не давал бы отражения; ни одной небесной энергии, которая не проникала бы с тысячекратной силой в эфир и все время возвращалась обратно. Но бесконечные дороги не ослабляли сияния: они множили его в вездесущем и всемогущем блеске, во всепроникающем пламени, где переливчатые краски расплавлялись, где очертания теряли свою резкость и где, тем не менее, линии и краски оставались такими ясными и чистыми, что можно было подумать, будто находишься перед исконной основой земного строения.

Это были Афинские горы: Саронский залив с островами, бухтами и излучками, Кикладская стена и Аттические вершины. Исполинское кольцо, заполненное морем.

Совсем далеко остроконечная гора с белой церковкой прорывалась сквозь дымку, заполнившую разлог, проходивший мимо. Капитан объяснил Шарлотте, что это Ликаветт над Афинами.

Шарлотта позабыла, что она на «Квиринале», позабыла про подошедшее к концу плавание, про хлопоты о Хаммере, про печальный дневник Деркли и про все, чем она была занята в эти дни. Она больше ничего не видела, кроме моря, земли, неба и затопленных солнцем Афинских гор.

Ей хотелось простоять вот так полчаса одной, всем телом опершись на поручни, обвеваемой игривым ветром – без мыслей и воспоминаний о том, что было, – раствориться в созерцании мира; вдруг она услышала позади себя шаги.

Шарлотта обернулась.

«Как он ужасен! – подумала она. – Троглодит, внезапно выползший на солнечный свет. Словно бесцветная амфибия!»

Деркли выглядел совершенно изможденным. Его кожа стала прозрачной, волосы – почти серебряными. Раскрыл ноздрей алел и просвечивал, как пергамент. Его глаза были бездонными и круглыми.

Как вдруг этот человек появился на солнце?

– Деркли! – сказала Шарлотта. – Что с вами?

Англичанин не ответил.

– Вы плохо спали?

– Очень плохо, – ответил он.

– Странно, что я только теперь это заметила. Когда мы вместе стояли у статуи, я не обратила на это внимания. А лишь теперь! Когда я вижу вас при солнечном свете, в этом великолепном горном окружении!

– Вы меня находите ужасным, Шарлотта?

– Ах, не говорите глупостей, Деркли! – ответила Шарлотта. – Вы просто скверно выглядите. Как человек, который мало спит, много размышляет и пишет в своей пещере стихи. И даже не хотите быть в согласии с этим лучистым небом. Вот и все.

– Я никогда не был в согласии с чем-то лучистым, – ответил Деркли глухим голосом.

Шарлотта посмотрела на него.

Такой ответ никак не мог ей понравиться. Эта скорбь, эта натужная скорбь. И то же самое у него на душе. И в дневнике. Но раньше он не говорил так!

Пустые фразы, ничего, кроме пустых фраз! Может, ему вообще нравятся пустые фразы?

Она была бы рада спросить его. Но промолчала, пока Деркли чуть позже торжественно не объяснил:

– Я больше не нуждаюсь в солнце!

Эта фраза, рассердившая Шарлотту еще больше, чем первая, заставила ее заговорить:

– Вы можете думать, что вам заблагорассудится, Деркли. Но я нахожу вас чересчур патетичным! И мне не доставляет никакой радости принимать всерьез ваши пустые фразы. И вообще в данный момент я готова всерьез воспринимать только море, горы и землю. И больше ничего!

Деркли взглянул на нее с такой печалью, с какой ни разу не глядел еще за время мучительного для него плавания. Затем большими шагами он принялся мерить палубу.

Шарлотта спросила себя, имеет ли она, собственно, право так разговаривать с ним и воспринимать его не таким, каким он был. Эта патетика показалась ей однажды его манерой выразиться. И, может быть, на английском языке это и в самом деле звучало совсем иначе, так же, как иначе воспринималось в его дневнике, написанном по-английски.

Но потом Шарлотта решила, что она все же имела право один раз и в самом деле рассердиться на человека, если он со своими жалобами не мог вписаться в столь героический ландшафт.

«Могу сердиться на него, сколько мне вздумается! – упрямылась Шарлотта. – И могу даже сказать об этом! Ведь у него нет никого, кто хоть раз откровенно поговорил бы с ним и кто был бы к нему так доброжелателен, как я».

Она считала себя совершенно правой в том, что прочла дневник Деркли и узнала его мысли, она теперь хорошо знала его и могла помочь ему. Если бы он однажды перестал *произносить* пустые фразы, тогда он стал бы уверенней и смелей.

Деркли выглядел печальней, чем прежде: атака Шарлотты была жестокой. Она остановила Деркли, когда он проходил мимо нее, и показала ему на взморье, где круглый золотисто-желтый мыс с белыми домиками врезался в море.

– Деркли, вам не кажется, что это уже Пирей? – спросила она, чтобы возобновить беседу.

Он странно взглянул на нее. Видимо, ожидал других слов, может быть, даже извинения. Шарлотта могла бы сказать ему другие слова. Она долго искала подходящие слова для примирения, чувствуя, как глубоко задела самолюбие Деркли ее речь. Впрочем, она знала, что обидела его тем, что он

сам не мог ни понять, ни осознать. Она была несправедлива к нему. Но другого вопроса ей не пришло в голову.

– Вполне возможно, что это Пирей, – сказал Деркли. – Как быстро пролетело время.

– Жаль! – искренне призналась Шарлотта. – Но в любом случае мы всегда можем увидеться в Афинах, если захотим.

– Боюсь, что я буду слишком занят, – ответил Деркли.

И он тут же удалился, сказав, что ему нужно упаковать вещи.

Шарлотта продолжала грустить. Почему она не обладала ни достаточным умом, ни необходимым умением устранить то, что так оскорбило Деркли? А почему бы ей не изменить положения, пока она еще с Деркли на судне?

«Квиринал» подходил все ближе к Пирею. На низких золотисто-желтых скалах у берега ютились домики. На небольших холмах торчал ряд темных дымовых труб, над мачтовой сеткой поднимался столб серого дыма. Огромный парус невидимого корабля скользил позади зубчатой стены. Затем пароход обогнул мыс, проходя между массивными каменными оградами, и не спеша скользнул в аванпорт, непрерывно сигналив, возвещая о своем прибытии и вздымая развевающийся флаг и вымпел.

Пассажиры, занятые в своих каютах укладкой вещей, тоже высыпали на палубу, чтобы увидеть, как судно входит в порт. Джорджини беседовал с Майей, сидевшей в шезлонге. Ленхен стояла рядом с хозяйкой и охраняла сложенные вместе сумки и пальто. Ближе к корме был виден господин Цапф, примостившийся на своем коричневом чемодане.

Отсутствовал только Деркли.

«Должно быть, снова за своим дневником, – решила Шарлотта. – И наверняка в этот раз чересчур много пишет обо мне, о глупом вздоре, который я несла сейчас... И я не смогу больше его прочесть! Не узнаю, чем он занят в Афинах и смогу ли я ему помочь!»

Взбудораженная этими мыслями, она увидела, как пароход постепенно приближается к причалу, как он, наконец, бросил якорь перед уродливым серым зданием таможни в грязную воду внутренней гавани.

Плавание подошло к концу.

Пять дней в море! Что только ни произошло за эти пять дней?!

Пронзительный, настырный свисток спугнул мысли Шарлотты. Это был паровой катер местных властей, проложивший себе путь среди массы роящихся весельных шлюпок и причаливший к трапу. Группа вооруженных матросов из портовой охраны поднялась на борт, заняла все выходы на судне, в то время как их начальник, греческий морской офицер, поднялся на тентовую палубу, чтобы разыскать капитана.

Вскоре Шарлотта увидела их обоих, толстого итальянца и сухопарого грека, с одинаково важными лицами – они спускались по лестнице.

Кокчумелла подошел к Майе.

– Простите, мадам, может быть, вы сумеете сказать, как зовут того блондина-австрийца, сидящего на палубе второго класса?

Майя не смогла сразу вспомнить имени и обратилась к Ленхен.

– Цапф! Господин Эмиль Цапф! – энергично воскликнула служанка.

Крошечные хитроватые глазки Кокчумеллы и черного, как уголь, грека понимающе мигнули.

– Эмиль Цапф, – повторил капитан, тщетно стараясь правильно произнести иностранную фамилию.

Грек кивнул.

Он махнул рукой двум своим матросам, стоявшим рядом с трапом, и направился с ними к нижней палубе. Затем подошел к Цапфу и что-то стал быстро говорить ему. Двое вооруженных матросов подхватили австрийца, с трудом поднявшего свои вещи, и повели его мимо Майи и Ленхен, стоявших наверху прогулочной палубы, на свой катер.

Ленхен вскочила:

– Ах, фрау!

Шарлотта обернулась, увидела служанку, провожавшую Цапфа взглядом, исполненным отчаяния, когда он спускался по трапу.

– Ах, фройляйн Шарлотта! – воскликнула Ленхен.

– Ничего не поделаешь, – ответила Шарлотта. – Господин Цапф арестован.

– Арестован? – растерянно спросила Ленхен.

– Вы не знаете за что, господин капитан? – обратилась она к Кокчумелле.

– Он торгует подделками под античность, – ответил комендатор.

– Он торгует подделками под античность, – перевела служанке Шарлотта.

Ленхен разрыдалась. Слезы лились так неудержимо, что Шарлотта вынуждена была взять служанку под руку и отвести в салон, там Ленхен в отчаянии опустилась на диван.

– Почему ты снова плачешь? – спросила Шарлотта. – Тебе так понравился господин Цапф?

Ленхен продолжала рыдать.

– Но, Ленхен, послушай!

Служанка зарыдала во весь голос.

Внезапно рыдания прекратились, служанка посмотрела на фройляйн строго и даже как-то вызывающе и сказала:

– Вот что выходит, если едешь в такую страну! Где, кроме жуликов, никого нет! Где даже земляку нельзя доверять!.. Сами видите, фройляйн Шарлотта, что пора кончать с этой Грецией!

И решительным шагом Ленхен вышла на палубу. Ее лицо ясно говорило о том, что она решила предоставить Шоттов их страшной судьбе, ожидавшей их в Греции.

Между тем охрана покинула судно – палуба кишела лодочниками, носильщиками, торговцами, предлагавшими свои услуги.

Быстро прошел мимо Джорджини с плащом.

«Как он вдруг заспешил! – подумала Шарлотта. – И это после того, как он провел вместе с нами столько дней и не торопясь плыл на «Квиринале».

– До свидания, мадам! Адье, мадемуазель! Вы тоже устраиваетесь в «Кронпринце»? Разумеется. Я позвоню вам.

И он тут же испарился.

Непохоже, что он позвонит, настолько он уже находился во власти новых идей и дел.

Капитан тоже прошел мимо них. Разве они не сидели столько дней за одним столом? Однако он тоже попрощался чересчур торопливо и как бы между прочим. Ясно, он привык прощаться. И кроме того, он был полностью занят мыслями о предстоящей разгрузке ящиков с коринкой!

– Мы тоже могли бы сойти на берег, – сказала Майя.

– И не будем дожидаться Деркли? – спросила Шарлотта. – Он укладывает вещи.

Они стали ждать.

Между тем на борту появился мужчина, очень высокого роста, ярко одетый, светловолосый, в котором можно было без труда узнать англичанина. Видимо, он искал знакомых.

– Он ищет Деркли, – сказала Шарлотта матери. – Вероятно, коллега из английской миссии.

И действительно, мужчина только что спросил стюарда, нет ли на борту мистера Деркли. Стюард, не понимавший по-английски, обратил свой вопросительный взор к Шарлотте.

– Мистер Деркли? – спросила Шарлотта итальянца. – Да-да, конечно. Я найду его.

И прежде чем иностранец успел что-либо ответить, Шарлотта исчезла на лестнице.

Она стремительно пронеслась по коридору и побежала к каюте Деркли.

– Деркли! Деркли!

Никто не ответил.

– Деркли!

Она снова постучала в дверь.

Снова никакого ответа.

Она вошла.

В каюте, склонившись над койкой, стоял Деркли и писал. Писал крайне торопливо. И даже не заметил Шарлотту.

– Мы прибыли, – громко произнесла Шарлотта.

Он испугался:

– Куда?

– В Пирей! – ответила Шарлотта. – Наверху вас ожидает человек.

Господин из миссии.

Не говоря ни слова, Деркли вышел из каюты и направился на палубу.

Итак, расчет Шарлотты оправдался, ее желание сбылось: она осталась один на один со строками, что Деркли написал в последний час плавания. И теперь она читала

ДНЕВНИК ТОМАСА ДЕРКЛИ,

куда были занесены следующие строки:

«На борту «Квиринала», вторник

У меня нет никаких оснований любить эту жизнь.

Шарлотта ненавидит меня.

Сказанное мной – я знаю, что мои слова могут звучать несколько патетически, – изменило ее настроение, она позволила себе говорить со мною с такой грубостью, которую мне перенести гораздо тяжелее, чем дружеское безразличие Майи. Это было сказано с оттенком презрения. Презрения, испытываемого практичным человеком в отношении непрактичного.

Я не стану отрицать права Шарлотты, того права, которое я сам заслужил: права презирать меня. Я только подтверждаю, что ее сегодняшний выпад был смертельным ударом для меня.

Впрочем, это было сделано вовремя!

Это последние страницы моего дневника. Мне хочется, чтобы они рассказали о последних часах моей жизни. И о моей смерти. Я не стремлюсь к точности, я к ней равнодушен. Но хочу, чтобы Майя узнала, что со мной происходило и почему я покончил собой».

«Хоть бы не писал такие длинные фразы! – подумала Шарлотта. – Хоть бы не так обстоятельно описывал!.. Хватит ли у меня времени, чтобы дочитать все это?»

Спеша и волнуясь, она несколько секунд прислушивалась. В коридоре не было слышно ни звука. Тогда она снова торопливо взяла в руки клеенчатую тетрадь:

«Я хотел все-таки довериться Шарлотте. Сегодняшнее утро погасило и эту надежду. Я могу только сам еще поговорить с Майей. И держаться того, что мне нужно еще сказать. Пожалуй, будет лучше, если об этом узнает только она, и больше никто.

Сначала факты.

Сегодняшний день прекратится вместе с обязанностями, которых я не могу избежать, чтобы не вызывать сенсации, каковой я в любом случае хочу избежать. Коллеги из миссии позаботятся обо мне. Меня пригласит посланник. Я увижу Майю и Шарлотту. Может быть, после полудня я мог бы даже увидеть Акрополь. Будет лучше, если я умру, увидев его.

Жить остается до заката.

Шарлотта советовала мне заняться туризмом, побольше обращаться к путеводителю и не возводить повсюду «домиков для души». Хорошо. Последую ее совету. Путеводитель помог мне.

Я пришел к выводу, что театр Диониса – неподходящее место, где можно свести счеты с жизнью. В путеводителе написано, что афиняне прогуливаются там теплыми вечерами; я не хочу омрачать их радости. Нов книге отмечено другое место в Афинах, которое показалось мне очень и очень удобным для этого.

Оно лежит в подножии Гиметта.

Туда можно пойти пешком. Только нужно пересечь высохшую долину. Затем идти извилистой тропой через скалы. Пока не достигнешь распадка, где находится Кладезь чудес. Там, в седле каменной горы, стоят, точно заколдованные, роскошные деревья, кипарисы, гранаты и лавр. Вода из Кладезя чудес струится через голову агнца, высеченную из пантелийского мрамора. Над Кладезем находится древний византийский храм.

В этом распадке я обрету покой.

Чтобы та, кто прочтет эти строки, не могла сбиться с пути, здесь по путеводителю дается точное описание дороги. Сначала от королевского замка по Кеффиссийской аллее. Затем направо через поместье. Затем широкая песчаная дорога...»

На этих словах дневник Томаса Деркли обрывался из-за того, что ему помешала Шарлотта. Дальнейшее описание пути отсутствовало. Так же, как и название распадка, куда он должен был направиться.

Шарлотта дочитала до конца, когда услышала шаги на лестнице. Это явно были шаги Деркли.

Она только успела положить дневник на место и выйти в коридор, как появился Деркли.

– Ну, – спросила она, мгновенно беря себя в руки, – сходим на берег?

– Немедленно, – ответил англичанин, исчез в каюте и так же быстро вернулся с саквояжем в руке.

Они вместе поднялись по лестнице.

– Этот господин пришел за вами? – спросила Шарлотта.

Деркли кивнул.

– И за нами?

Деркли снова лишь кивнул.

– А когда мы увидимся?

– Я позвоню, – помявшись, ответил Деркли.

– Может быть, сегодня вечером? – спросила Шарлотта и поглядела на него с искренней сердечностью.

– Если у меня получится, – ответил он.

Они вышли на палубу. Господин, пришедший за Деркли, уже нанял гребцов, уложил багаж и стоял у трапа.

– Вас ждут у шлюпки, – сказала Майя.

Деркли в крайней растерянности пожал Майе руку. Он улыбался. Снова взял ее руку и снова пожал ее. И снова заулыбался. Затем он обхватил руки Шарлотты. Наконец круто повернулся и торопливо зашагал по трапу.

– Мы скоро увидимся? – крикнула ему вслед Майя.

«Он уже больше не слышит этого проклятого «мы», – подумала Шарлотта.

Вскоре Шотты и Ленхен тоже сели в шлюпку и приказали грести к берегу.

Когда их авто отъехало от таможни и затряслось по колдобистым улицам Пирея к аттической долине, Шарлотта извлекла из своей дорожной сумки путеводитель. Несмотря на резкие толчки, все время сотрясавшие машину, она принялась очень внимательно изучать его.

Она даже не подняла глаз от книги, когда они уже проехали Фалерон и извилистой дорогой, соединяющей Афины с морем, полетели навстречу Акрополю.

– Взгляни-ка, Шарлотта! – воскликнула Майя, когда стал виден круглый вал, – Акрополь.

Шарлотта мельком посмотрела в окно и тут же снова углубилась в книгу.

«Он находится в подножии Гиметта, – подумала Шарлотта. – Какое место, какой распадок находится в подножии Гиметта? С античным колодцем и византийским храмом?»

– Погляди вокруг себя, детка, – сказала Майя. – Город уже совсем близко. Я узнаю святилище на валу. Олимпиион Ликабетт.

– Конечно, мама, – рассеянно ответила Шарлотта.

– Полагаю, ты можешь прочесть путеводитель позже, в отеле в конце концов, – сказала Майя. – Что тебя так в нем заинтересовало?

Она бросила взгляд на путеводитель.

– Окрестности Афин? – удивилась она. – Почему лишь *окрестности*? Мы ведь уже в городе!

«Если бы только я могла сказать маме правду!» – подумала Шарлотта.

Но она поняла, что сейчас ей не отыскать того места, о котором Деркли написал в дневнике. Ей все-таки пришлось отложить путеводитель в сторону и смотреть на мелькающий пейзаж.

Они летели на большой скорости по асфальтированной аллее, едва защищенной от солнца редкой листвою перечных деревьев. Возле дороги рядами тянулись белые запыленные дома. Солнце освещало их фасады безжалостно ярким светом. Однако на западе, на склонах Гиметта, показались темные грозовые тучи.

Они проехали мимо королевского парка, свежая зелень которого радовала взгляд, рассматривали квадратное беломраморное здание дворца. Потом автобус свернул в Кеффиссийскую аллею и, наконец, остановился перед садом отеля «У кронпринца».

«Значит, отсюда начинается дорога, ведущая в распадок», – подумала Шарлотта. Она точно помнила, что в дневнике Деркли речь шла о королевском дворце и Кеффиссийской аллее.

Майя торопливо вошла в холл отеля, приблизилась к конторке администратора, назвала свое имя и спросила:

– Для меня ничего нет?

Секретарь протянул ей толстую разноцветную пачку писем. Майя торопливо просмотрела ее, нашла среди них телеграмму и быстро распечатала ее. В ней было написано:

«Прошу не беспокоиться, а также не рассчитывать на меня. Бегство спасло мою честь. Хаммер».

Майя рассмеялась так, как могла смеяться только Шаклотта – с толикой иронии. Несмотря на все происшедшее, она совсем успокоилась.

– Хаммер? – спросила Шарлотта.

Майя кивнула.

– Он едет?

Майя покачала головой.

– Мы увидим Грецию, но только не с помощью Хаммера, а с помощью путевода, – сказала повеселевшая Шарлотта. – Своими глазами.

Х

Кеффисийская аллея. Справа через предместье. Песчаная дорога, переходящая в горную тропинку. Затем плодородная долина. Античный колодец и византийский храм.

«Собственно, – подумала Шарлотта, – только Кессариани может быть тем местом, о котором упоминал Деркли».

Она закрыла путевода, взглянула на часы, стоявшие на золотистой сверкающей консоли. Пять часов дня. Деркли в отеле еще не было. И еще не звонил сюда. Значит, он мог быть только в миссии.

Она встала, хотела спуститься прямо в холл и попытаться дозвониться ему. Но тут вошла Майя.

– Ну как, выпалась, детка? – спросила она.

Шарлотта кивнула.

– Только теперь я поняла, – сказала Майя, – как нуждаюсь в отдыхе. После стольких беспокойных ночей! Я действительно набралась сил, и, если хочешь, мы может прогуляться.

«Прогуляться? – подумала Шарлотта. – А если в это время придет Деркли? Или позвонит?»

– Посмотри на небо, мама, сказала она. – Через час начнется жуткая жара.

Подойдя к окну, Майя в самом деле увидела, что все небо заволочло черными тучами. На светлых домах Ккффиссийской аллеи лежал тусклый свет.

– Ты права, – ответила она. – Лучше сначала выпить чаю.

Они спустились в холл.

– Деркли даже не зашел! – немного погодя сказала Шарлотта.

– У него дела, детка, – ответила Майя.

– Мог бы по крайней мере позвонить!

– Возможно, его пригласили куда-нибудь.

Шарлотта не нашлась, что ответить матери. Наконец она подошла к наружной стене, чтобы на миг скрыться, быстро исчезла в телефонной будке и позвонила в британскую миссию.

– Господин советник Деркли вышел. Может быть, он у посланника?

- Нет.

- Может быть, в другом месте?

Голос в трубке сожалел и ничего не знал.

Не на шутку взволнованная, Шарлотта вернулась к матери. Каждый раз она с испугом посматривала на небо. Пожалуй, еще далеко до Казата, о котором писал в своем дневнике Деркли. Но мрачные грозовые тучи, все плотнее собиравшиеся в небе, создавали у Шарлотты впечатление, что уже наступила ночь. На улице, лишенные тени, сгущались серые краски. На высоких стенах холла появился сернистый оттенок.

«Я должна поговорить с мамой, – подумала Шарлотта. – Я должна ей все объяснить. Иначе будет поздно!»

Но она только сказала:

– Какая невыносимая духота!

Вскоре раздались удары грома. В саду у отеля над веерами пальмовых листьев, трепещущих в предгрозовом ветре, засверкали молнии.

Кельнеры стремительно пересекли холл, закрыли дребезжащие створки окон и опустили жалюзи.

Внезапно небо разверзлось, и в мощном грохоте вездесущим водопадом низвергся ливень.

Майя и Шарлотта подошли к двери под защитой крыши над подъездом. Такой грозы они еще никогда не видели! Ливень лил, как в тропиках: плотный, тяжеловесный, горячий и благоуханный. В нем словно бушевал жар вулканической пыли. Он закрыл небо, фасады домов, деревья. Он превратил улицы в реки. Тянувшаяся вдаль Кеффисийская аллея вздымалась золотисто-желтым потоком клокочущей мутной воды, бурлила в водовороте волн. Серебряными ручьями низвергалась белая известковая пыль домов в золотисто-желтый поток улицы.

Нигде ни единой души, ни экипажей, ни автомашин. Молча склонился город под водной ношей, низвергнутой на него с такой страшной силой.

«Теперь Деркли уж точно не поедет в Кессариани!» – подумала Шарлотта. Эта мысль ее немного успокоила.

Однако вскоре дождь перестал. Мутные потоки стали ослабевать, стекая в сточные канавы. Но тут, то там мелькнет чья-нибудь фигура. Разбрызгивая вокруг золотисто-желтые струи, вверх по аллее проехало авто. Уже на влажных пальмовых листьях сверкнул первый солнечный луч.

Шарлота напряженно всматривалась в Кеффисийскую аллею. Это же была улица, ведущая в Кессариани! Возможно, что Деркли тоже пройдет этой дорогой?

– Как ты смотришь на то, если мы вызовем такси и поедем к Акрополю? – вдруг спросила Майя. – Мне кажется, там будет великолепно теперь, после освежающего ливня.

Шарлотта робко взглянула на мать.

– Ты думаешь?

– А почему бы и нет, детка?

– Да, почему бы?

Казалось, теперь не избежать больше разговора с матерью о том, что происходит с Деркли.

Однако она еще раз подошла к телефонной будке. В английской миссии снова понятия не имели, где можно найти Деркли.

В страшном волнении Шарлотта вернулась к матери.

– Знаешь что, мама, – сказала она наконец, справившись с волнением. – Я с удовольствием немного пройду и лучше доберусь до Акрополя пешком. Прямо через город. После такого долгого путешествия следует поразмяться. Как ты отнесешься к тому, если мы встретимся только на валу?

Она точно рассчитала, что мать сегодня устала, чтобы решиться на столь долгую прогулку.

Майя согласилась. И Шарлотта тут же пустилась в путь.

«Бесполезно! – думала она. – Я не смогу избежать объяснений! Мать напрасно будет ждать. В конце концов, она вернется в отель и будет меня искать там. Но если я возьму такси, тогда, может быть, вернусь быстрее, чем она».

Уже у дворцовой площади, в нескольких минутах ходьбы от отеля, она остановила такси.

– В Кессариани! К храму в Кессариани!

«До того места я не доеду ни одной улицей. В крайнем случае отрезок пути до Гиметта можно пройти пешком, когда начнется каменистая горная тропа».

Они понеслись вниз по Кеффиссийской аллее, затем повернули направо в пригород.

«Точно как в путеводителе». – убедилась Шарлотта.

Машина с натужной тряской пробиравась по размытым пригородным улицам, затем по широкой песчаной дороге, пересекавшей долину. «Правильно, – подумала Шарлотта, – совершенно правильно».

В конце концов машина остановилась посреди открытого поля. Здесь дорога упиралась в ребристые каменные глыбы. Шофер нажал на тормоза.

Шарлота вышла, чтобы определить направление, приказав шоферу ждать:

– Через час или два вернусь.

После чего спешно направилась к горным кручам.

Гиметт величественно возвышался на ее пути. Его серо-голубые известковые глыбы сгрудились вокруг нее, наполняясь тенями угасающего дня и встречая ее могучими громадами. Тяжеловесное скалистое предгорье охватило расколотыми глыбами, дерзкими бастионами тропу, которая вскоре все круче стала подниматься в гору и втиснулась в разлог, оказавшийся руслом высохшего ручья, заполненного галькой. Иногда тропа исчезала совсем, и Шарлотта вынуждена была прыгать по огромным круглым глыбам и расколотым скальным обломкам. А когда тропа снова выныривала, петляя независимо от русла ручья, ее заключали в объятия колючие заросли и живучий чертополох, сплошь скрывавший ее то тут, то там.

Но Шарлотта не позволяла страху овладеть собою: она смело продвигалась вперед между камней и кустов. Почти ни разу не оглянулась. И только иногда бросала в испуге взгляд на солнце, которое все больше приближалось к кромке западных предгорий.

Она прошла около получаса сквозь сужающиеся скальные расселины, продираясь между непроходимыми кустами по местности, становившейся все более величественной в своей каменной недвижности, как вдруг тропа обогнула горный выступ в форме скалистого останца и тут же после этого нырнула в карликовый распадок, сдавленный со всех сторон каменными громадами.

Какой странный распадок! И Шарлотта, стремительно шагавшая вперед, на мгновение даже замерла, чтобы полюбоваться этим оазисом.

Там, на влажной земле, из сумрачно зеленого кустарника, в котором можно было разглядеть блестящую зелень лавра, серебристую листву олив и кирпичной окраски соцветья граната, взметнулись ввысь тяжелые черные стволы кипариса. Вокруг расположились ярко-зеленые лужки, обрамленные изгородью розовых кустов. Зеленеющие террасы карабкались по угорю,

теснились в тени раскидистых темных цареградских деревьев. И над этим половодьем зелени туго выгнулся купол церковки.

Вскоре Шарлотта остановилась на лужке, раскинувшемся, как ковер, перед створками ее ворот. На нем цвели кумачовые тюльпаны и белые нарциссы.

Кругом ни души. Ни зверя. Ни человека. Ни звука. Слышалось только журчание полноводного родника, который в самом деле вытекал из мраморной головы агнца, орошал лужок, струился меж деревьев и кустарников, совершая в скалистом распадке чудо жизни.

Это был Кессариани.

Место, о котором Деркли писал в своем дневнике. С деревьями, Кладзем чудес, храмом. Неужели существовало другое место, которое можно было бы спутать с этим?

Или, может быть, все-таки другое?

Сколько Шарлотта ни смотрела вокруг, Деркли нигде не было.

Она обошла церковку кругом. Затем на мгновение вступила в ее небольшое сумрачное пространство. Пересекла сад. Осмотрела заросли кустарника. Нигде никого. Нигде.

И Томаса Деркли тоже.

В конце концов, она уселась на ступеньках у церковки, вплотную к роднику, и стала ждать.

И еще раз подумала обо всем, что было написано в дневнике Деркли. Снова успокоила себя: это Кессариани. Это его Кладезь и его храм. Это не *может* быть другое место, кроме того, о котором он писал.

«Только почему он не идет? – подумала Шарлотта. – Почему его до сих пор нет здесь? Или передумал? И вообще не пойдет тропой в Ккссариани? Или же пришел в отель?»

Шарлотта испугалась: может быть, Томас Деркли решил свести счеты с жизнью в другом, менее красивом месте? Скажет, в номере отеля?!

«Надо возвращаться! – решила Шарлотта. – И тот час же! Если же он все еще пробирается сюда, мы с ним встретимся на тропинке... Иначе...»

Как раз тогда, когда она хотела встать и отправиться домой, прямо напротив нее, на другой стороне цветущего луга, заросли лавра раздвинулись, и между веток появился Деркли.

Он не заметил Шарлотты. Он просто никуда не глядел. Не спеша, с опущенной головой, словно ему хотелось сосчитать все травинки, продвигался он вперед. Не спеша раздвигал руками ветки. Остановился перед кустарником и осторожно ступил белым ботинком на влажный лужок.

Затем он огляделся последи цветущего лужка, протянул руку к тюльпану и сорвал его.

Он остановился, крутя стебель тонкими пальцами, и смотрел на него широко раскрытыми глазами

Шарлотта внимательно наблюдала за ним. Очень долго.

Но потом у нее не хватило терпения. К тому же стало смеркаться, и она вспомнила о матери, которая, конечно, была напугана ее длительным отсутствием.

Внезапно она вскочила и стремглав бросилась по влажному лужку навстречу Томасу Деркли.

От изумления он выронил тюльпан, сделав в испуге широкий шаг, и отступил в заросли лавра, так что ветки снова сомкнулись перед ним.

И Шарлотта, протянув ему сквозь заросли руку, сказала:

– Добрый вечер!

Почти два часа Майя тщетно прождала дочь у Акрополя и, в конце концов, вернулась в отель страшно взволнованная. Когда там она узнала, что о Шарлотте и Деркли – она спросила и о Деркли – ничего неизвестно, она перепугалась не на шутку. Сумрак уже окутал город. Между пальмами королевского парка взошла луна. Звезды увенчали Гиметт. Но Шарлотта все не возвращалась.

Майя снова спустилась в холл, чтобы разузнать о дочери и позвонить в полицию. Но едва она открыла дверь, чтобы выйти из номера, как вдруг перед ней вырос рослый бородатый мужчина. На нем был греческий национальный костюм, белая плиссированная юбочка, вышитый жилет и мягкая феска. Он представился ей как помощник посланника английской миссии. Ему поручено передать пакет от советника Деркли, сказал он важным тоном. В собственные руки.

Затем он протянул ей завернутый в бумагу пакет, отвесил глубокий поклон и удалился.

Майя стала торопливо разрезать шпагат. Церемонная форма странного визита испугала ее. Но затем она подумала, что, пожалуй, в пакете подарок ей: книга или шоколад, и она снова вернулась на место, чтобы спокойно вскрыть посылку.

Но в это мгновение дверь распахнулась, и в номер ворвалась Шарлотта.

Прерывисто дыша, она без сил опустилась в кресло рядом с матерью. Майя убрала руку с пакета, положила ее на плечо Шарлотты и сказала:

– Ты же совсем задохнулась, детка!

У Шарлотты не было сил отвечать. Она бежала сломя голову. И теперь действительно не могла сказать матери, почему она заставила ее ждать и почему так поздно пришла. И тысячи мыслей вихрились в ее головке.

Но выглядела она такой оживленной, что Майя тут же позабыла про свои страхи и всматривалась в счастливое лицо Шарлотты.

Прошло две-три минуты, прежде чем она спросила:

– Где же ты была, детка?

– С Деркли, – ответила Шарлотта.

– Ты просто бросила меня на произвол судьбы?

Шарлотта кивнула.

– И поэтому вы, вероятно, в утешение мне отправили этот пакет? – спросила Майя и протянула дочери полуоткрытый сверток.

Шарлотта увидела черную клеенчатую тетрадь – дневник Деркли – и быстро схватила ее.

– Ох, – сказала она, – я знаю, что это такое. Долгая история, мама! И грустная.

Мать удивленно посмотрела на нее.

– Но это к лучшему, мама, что ты не прочла. Хотя история с благополучным концом. Но о конце в этой тетради – ни слова.

– Конец? – в недоумении спросила Майя.

– Да! И я тебе расскажу только о конце, прежде чем ты прочтешь остальное. Но сейчас я не могу. Потому что Деркли ждет меня внизу и хочет пожелать тебе доброго вечера.

Майя вопросительно посмотрела на дочь.

– Мама, ты не сердись на меня?.. Деркли должен так много сказать мне...

– Что случилось, детка?

– Потом, мама. А сейчас пойми, я хочу выслушать Деркли. Утром ему не удалось рассказать о том, что он хотел мне рассказать.

– Тебе?

– Да, мне...

Теодор Дойблер

(Daubler, Theodor, 1876, -1934,) - немецкий писатель.

Постоянно путешествовал, подолгу останавливаясь в крупнейших культурных центрах (Вена, Берлин, Париж, Флоренция, Рим, Дрезден, Женева, Афины).

В 1901 поселился в Париже, посещал Сорбонну, изучал архитектуру, скульптуру и живопись. Во Франции Дойблер увлекался импрессионизмом, позднее, в Италии, - футуризмом, опубликовал немало статей в защиту современного искусства, изданных затем отдельными книгами: “Новая позиция”, “В борьбе за современное искусство”.

Дойблер неоднократно говорил, что уже в отрочестве его осенила идея: “Земля снова должна воссиять: новое солнце вырвется из человека!”.

В 1898 у подножия Везувия Дойблер начал писать поэму “Северный свет” (“Das Nordlicht”, 1910, более 30000 строк). Над первой опубликованной редакцией работал свыше десяти лет, а до 1930 года вносил в текст правку. Его последующие произведения перекликаются с “Северным светом”.

Дойблер жил в Греции, путешествуя по стране и изучая древнегреческую культуру.

В «Аттических сонетах»

“Attische Sonette”, 1924) он стремится изобразить путь человека к солнцу, начало этого пути он видит в античности. Новый взгляд на античность

Дойблер развивает в эти годы и в своей прозе. Например, в романе «Богиня с факелом».

В 1926 его избирают президентом основанной тогда же немецкой секции ПЕН-клуба, затем становится действительным членом Прусской академии искусств. И в эти годы Дойблер продолжает много путешествовать, Роман «Богиня с факелом» написан в жанре романтической прозы, столь популярной в то время.

Фред Солянов

(Альфред Михайлович Солянов, 1930 – 2002) – поэт, прозаик, переводчик. Окончил философский факультет МГУ им. Ломоносова. Ему принадлежат переводы стихотворений Р.-М.Рильке, У.-М.Теккерея, Дж. Свифта, Г.Тракля, романа Г. Мейеринка «Голем» и др., несколько прозаических произведений.